

Грузия и Россия:

двухсторонний взгляд на
четвертьвековые отношения

2017

Funded by
UK Government

კულტურულ ურთიერთობათა ცენტრი

კავკასიური
სახლი

THE CENTRE FOR CULTURAL RELATIONS

CAUCASIAN
HOUSE

Реваз Коява • Эдишер Багатурия • Юлия Никитина

ГРУЗИЯ И РОССИЯ:
ДВУХСТОРОННИЙ ВЗГЛЯД НА
ЧЕТВЕРТЬВЕКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

კულტურულ ურთიერთობათა ცენტრი

კავკასიური
სახლი

THE CENTRE FOR CULTURAL RELATIONS

CAUCASIAN
HOUSE

2017

Проект финансируется Фондом предотвращения конфликтов, содействия стабильности и безопасности при посольстве Великобритании в Тбилиси. За содержание доклада несёт ответственность «Кавказский дом». Мнения, содержащиеся в докладе, не отражают позицию Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Руководитель проекта:
Переводчик:
Дизайн:

Георгий Канашвили
Гурам Думбадзе
Николоз Гелашвили

© Кавказский Дом

www.caucasianhouse.ge
info@caucasianhouse.ge
www.regional-dialogue.com

«Кавказский Дом» является культурно-образовательной организацией, которая сосредоточена на проектах, направленных на создание идеологических и интеллектуальных основ для мирного развития Грузии и Кавказского региона в целом. «Кавказский Дом» уже многие годы работает над проектами регионального развития и интеграции народов Кавказа. Последние несколько лет, организация активно занимается изучением текущих политических и социальных процессов на Кавказе и в соседних регионах, и осуществила уже несколько проектов в этом направлении, включающих в себя совместные исследования молодых грузинских и зарубежных экспертов, информационные визиты в Грузию и другие страны региона, рабочие встречи представителей правительственных органов и экспертного сообщества и т.д. В рамках этих же проектов, за последние пять лет, организация подготовила и издала более десятка политических документов, тематика которых охватывает широкий спектр вопросов: проблемы конфликтных регионов Грузии, грузино-российские взаимоотношения, положение на Северном Кавказе, российско-украинский конфликт и т.д.

Данный отчет основан на результатах социологического исследования, проведенного в 2016 году, в рамках проекта «Грузино-российский диалог за мир и сотрудничество». Вместе с грузинскими экспертами, в проекте принимал участие и их коллега из России. Цель исследования заключалась в изучении опыта последних 25 лет российско-грузинских взаимоотношений и выявлении основных тенденций. Исследованию предстояло ответить на два главных вопроса: 1) Какие причины обусловили двойственность грузино-российских отношений после распада СССР? 2) Какие факторы влияли на формирование грузинской государственной политики в отношении России в годы правления Звиада Гамсахурдиа, Эдуарда Шеварднадзе, Михаила Саакашвили и «Грузинской мечты»?

В отчете показано, что начиная с 1991 по 2016 год включительно, грузинская политика в отношении России прошла через несколько этапов, примерно совпадающих с периодом правления четырех правящих режимов, сменявших друг друга в Грузии на этом отрезке истории. Необходимо отметить, что на протяжении этих 25 лет, Грузия испробовала практически все возможные подходы в отношениях с Россией, начиная с предельной конфронтации до примыкания.

В отличие от Тбилиси, политика Кремля в отношении Грузии всегда была гораздо более однородной и прямолинейной. На этом фоне, российская политическая элита выглядит более консервативной и стабильной. Москва практически никогда не меняла своей позиции, которую Эдуард Шеварднадзе охарактеризовал следующим образом: «Российское руководство полагает, что интересы России должны быть приоритетом для бывших советских республик и они должна ставить их выше собственных национальных интересов». Хотя не следует забывать и особенностей российского политического ландшафта 1990-х годов, в котором различные группы интересов и разные государственные инстанции применяли разные подходы в российской внешней политике, что привело к формированию в целом все еще довольно слабой и плохо развитой региональной системы мира и безопасности.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРУЗИЯ И РОССИЯ МЕЖДУ СБЛИЖЕНИЕМ И ОТЧУЖДЕНИЕМ: 25-ЛЕТИЕ ОТНОШЕНИЙ

Введение	6
1. «Стратегический идеализм» Звиада Гамсахурдиа	8
2. «Междоцарствие»	11
3. Эдуард Шеварднадзе: от сотрудничества к конфронтации (1995-2003)	16
4. От прощупывания позиций к столкновению – первый этап политики Саакашвили (2003-2008)	20
5. Балансируя на грани новой войны: второй этап политики Саакашвили	28
6. В поисках путей сотрудничества: первый этап политики «Грузинской мечты» (2012-2016)	33
Заключение	43

РОССИЙСКАЯ КАРТИНА МИРА В ОТНОШЕНИЯХ С ГРУЗИЕЙ: ГЛОБАЛЬНАЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОГИКИ

Введение	45
1. Период «неполного суверенитета» (1991-1996)	46
2. Этап 1996-2006: линии преемственности внешней политики России на этапе строительства государства и нации	51
3. Перелом во внешней политике России (2007-2016): строительство «суверенной демократии»	61
Заключение	67

РЕВАЗ КОЯВА
ЭДИШЕР БАГАТУРИЯ

ГРУЗИЯ И РОССИЯ МЕЖДУ СБЛИЖЕНИЕМ
И ОТЧУЖДЕНИЕМ: 25-ЛЕТНИЕ ОТНОШЕНИЯ

Взгляд из Грузии

ВВЕДЕНИЕ

Для Грузии отношения с Россией всегда характеризовались сочетанием практической необходимости сотрудничества с двойственностью его оценки. Практическая необходимость объяснялась тем, что Россия выступала как могущественная православная империя, способная защитить Грузию от нашествий мусульманских государств и северокавказских племен. Двойственность оценки этого сотрудничества была связана с культурным доминированием России и ее имперскими амбициями, угрожавшими суверенитету и независимости Грузии, ее национальной идее. Грузинская интеллектуальная элита видела в России, с одной стороны, защитника, а, с другой стороны, завоевателя. Россия всегда была объектом критики в Грузии, при этом было общепринято считать, что Россия спасла Грузию от демографической катастрофы в 19 веке и была проводником западных либеральных идей в стране. В сегодняшней Грузии отношение к России кардинально изменилось: в современном грузинском политическом дискурсе Россия фигурирует в качестве антагониста Западу.

Современный грузино-российский политический дискурс имеет ряд отличительных особенностей, таких как: активная пропаганда, негативные политические заявления различных официальных лиц, влияние международных структур и зарубежных государств, различные спекуляции и интерпретации. Общий контекст и сложность внутренних и внешних условий взаимодействия двух стран дают богатый материал для изучения различных факторов, влияющих на грузино-российские взаимоотношения.

Как представляется, грузино-российский конфликт объясняется совокупностью всех вышеперечисленных факторов. Поэтому для их изучения необходимо взглянуть на проблему с разных сторон и рассмотреть как внутривнутриполитическую ситуацию, так и личностно-институциональный уровень, и глобальный международный контекст.

В Грузии существует большой разброс мнений относительно мотивации вовлеченных в грузино-российский конфликт сторон и роли различных факторов. В данном исследовании мы попытаемся установить, под влиянием каких факторов отношения между двумя странами оказались в той точке, где они находятся сегодня.

Отчет о результатах исследования состоит из описания методологии исследования, пяти глав и заключения. Главы разделены на отдельные части, каждая из которых охватывает определенный исторический отрезок времени, совпадающий с периодом нахождения у власти определенного грузинского руководства.

В первой главе описываются грузино-российские взаимоотношения в первые годы независимости Грузии. В период правления Звиада Гамсахурдиа внешняя политика Грузии формировалась под влиянием личных взглядов президента на тот или иной вопрос, внутривнутриполитических процессов и геополитической реальности, которую во многом определяла Российская Федерация.

Попытка Гамсахурдиа сблизиться с Западом в условиях противостояния с Россией завершилась неудачей. Грузия не сумела получить желаемую помощь от Запада и оказалась фактически лицом к лицу с Москвой. Кроме того, грузинское правительство было вынуждено учесть экономическую зависимость страны от России. В конечном счете, Грузия оказалась в изолированном положении на внешнеполитической арене.

Вторая глава охватывает период «междоусобицы»: от свержения Звиада Гамсахурдиа до избрания Эдуарда Шеварднадзе президентом страны. В это время отношения Грузии с северным соседом определялись агрессивной политикой Кремля, выражавшейся в оказании помощи сепаратистским регионам и экономической блокаде Грузии. Необходимо отметить, в тоже время, что в этот период Грузии удалось добиться определенных успехов с точки зрения признания со стороны Запада и решающую роль в этом сыграл фактор Шеварднадзе. Несмотря на это, однако, под давлением Москвы и в результате поражения в абхазской войне Грузии пришлось войти в состав Содружества Независимых Государств (СНГ) и дать согласие на размещение российских военных баз на ее территории и российских пограничников на ее границах.

Правление Шеварднадзе – тема третьей главы – отличалось двойственным отношением к России. Отчетливо видно, что цель политики Шеварднадзе заключалась в том, чтобы найти противовес России. Несмотря на российское давление, грузинскому правительству удалось активизировать западное направление своей внешней политики, сблизиться с НАТО и Евросоюзом и добиться членства в Совете Европы. В этот период особое место в грузино-российских взаимоотношениях занял вопрос транзита каспийских энергоносителей на Запад через грузинскую территорию. Россия видела в этом угрозу своим интересам. Отношения между странами обострились еще больше во время второй Чеченской войны и Панкисского кризиса. Россия обвинила Грузию в том, что при попустительстве грузинских властей чеченские боевики превратили Панкисское ущелье в свою тыловую и перевалочную базу. В результате, российские ВВС несколько раз наносили бомбовые удары по ущелью. В качестве противовеса России Шеварднадзе попытался использовать фактор США, интерес которых к Кавказу вырос после терактов 11 сентября 2001 года.

Вторая часть исследования начинается с «революции роз» 2003 года. Михаил Саакашвили и его политическая команда сумели кардинально изменить ход российско-грузинских отношений. Можно выделить несколько тем во взаимоотношениях Тбилиси и Москвы в этот период: слабая оттепель (январь-июнь 2004), конфликт вокруг конфликтов, влияние внутривнутриполитических процессов в Грузии на двусторонние взаимоотношения, и евроатлантические устремления Грузии.

Во второй части второй главы исследования рассматривается промежуток времени после «августовской войны» до смены правящего режима в 2012 году. Этот период грузино-российских взаимоотношений можно охарактеризо-

вать как балансирование на грани новой войны со стороны Тбилиси и игнорирование со стороны Москвы. После войны 2008 года весь политический ресурс правительства Грузии был направлен на сохранение власти, для чего активно использовалась тема России. Это проявлялось в попытках создания «образа врага» в лице России, постоянных заявлениях о происках «агентов Кремля», остро конфронтационной позиции на международной арене, и т.д. Кроме того, в послевоенный период грузинское правительство предприняло ряд авантюристских шагов, например попыталось актуализировать тему Северного Кавказа и т.д. Следует отметить, что реакция Москвы на эти действия Тбилиси была довольно сдержанной и данную фазу отношений можно считать периодом «скрытой напряженности».

После 2012 года в грузино-российских отношениях началась новая эра, которую можно назвать поиском путей выхода из сложившегося тупика. Со стороны Тбилиси было сделано немало политических шагов в этом направлении в надежде, что Москва заметит готовность и стремление грузинских властей к нормализации отношений. Несмотря на то, что в некоторых сферах сторонам удалось в определенной мере урегулировать спорные вопросы и снизить накал напряженности, главные политические проблемы грузино-российских отношений по-прежнему остаются нерешенными. Достижение прогресса в решении наиболее болезненных, очерченных «красными линиями», тем серьезно осложняется асимметричным подходом Москвы и ее отношением к Грузии как к независимому государству.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования использовались различные методы и методики. Для достижения поставленных целей был применен комплексный системный подход из арсенала исторической и политической наук. Это обусловлено междисциплинарным характером исследования, в котором политические проблемы часто рассматриваются в контексте исторического развития. Из методологии исторической науки были выбраны историко-описательный и историко-сравнительный методы для описания различных этапов развития грузино-российских отношений и их сравнения.

Из методологии политической науки был применен метод отслеживания процесса (Process Tracing). Это сравнительно новый инструмент политической науки, которому не более двух десятков лет. Его родоначальниками считаются политологи Эндрю Беннетт и Александр Джордж. Данный метод подразумевает углубленное изучение причин, вызвавших то или иное историческое событие и используется для анализа сложных решений. Он позволяет исследовать политические процессы с акцентом на основные причины сложившегося положения. Главная задача этого метода – определить основные мотивы и механизмы принятия ключевых политических решений. Для отслеживания процесса Беннетт и Джордж советуют изучить исторические и архивные документы, стенограммы интервью и другие материалы, касающиеся темы исследования. В одной из своих статей Беннетт и Джордж пишут также о важности интервью с представителями элиты. С помощью этих интервью можно получить конкретную информацию от конкретных лиц, тех, кто принимает решения или участвует в процессе их принятия, а также заполнить пробелы, которые могут возникнуть в ходе анализа архивных материалов. В тоже время, однако, интервью с представителями элиты имеют свои негативные стороны. В ходе интервью политики могут намеренно принизить свою роль в принятии того или иного политического решения, либо утаить – частично или полностью – важную информацию. Чтобы избежать этого, исследователь должен предварительно, до интервью, подробно изучить характеристику личности потенциального респондента, его или ее роль в исследуемых событиях, наличие у респондента доступа к нужной информации, а также определить, можно ли считать полученную информацию заслуживающей доверие (Tansey, 2007).

В основу исследования легли различные документы и аналитические материалы, а также результаты интервью, проведенные исследовательской группой. Результаты исследования опираются на выводы как самих исследователей, так и экспертов в данной области, и отражают их представления и мнения. Для получения информации были использованы качественные методы исследования: расширенные интервью и кабинетное исследование.

Первый этап работы заключался в проведении кабинетного исследования, включавшего в себя анализ исторических материалов о развитии грузино-российских взаимоотношений и выявление соответствующих тенденций и факторов, определяющих процесс формирования этих отношений. В ходе кабинетного исследования были изучены академические публикации, официальные документы государственных структур и архивные материалы. Параллельно были критически проанализированы публичные заявления официальных лиц. На втором этапе исследования были проведены расширенные интервью с бывшими государственными должностными лицами и экспертами. Это было необходимо для того, чтобы с помощью полученных в ходе интервью материалов – личных историй, оценок экспертов – уточнить выявленные на первом этапе тенденции и подтвердить основные выводы исследования.

Исследовательская группа состояла из двух исследователей, которые проанализировали грузино-российские отношения после распада СССР и условно разделили их на два этапа: со дня провозглашения независимости до «революции роз» и с «революции роз» до настоящего времени. Специально приглашенный редактор консультировал исследовательскую группу в ходе работы и осуществил окончательную редакцию полученных результатов по окончании исследования.

Глава 1. «СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ» ЗВИАДА ГАМСАХУРДИА

«Грузинский народ никогда не смирится с потерей независимости» – провозгласил Звиад Гамсахурдия на внеочередной сессии Верховного Совета Грузии 9 апреля 1991 года. Главным вопросом повестки дня этого заседания была независимость Грузии. Звиад Гамсахурдия, под руководством которого «Круглый стол – Свободная Грузия» с октября 1990 года контролировал Верховный Совет, говорил с трибуны заседания о грузино-российских отношениях, об оккупации Грузии советской Россией, о восстании 1924 года, о кровавой трагедии 9 апреля 1989 года и о мартовском референдуме 1991 года, в ходе которого, по официальным данным, 91% проголосовавших граждан Грузии поддержали идею независимости¹. Гамсахурдия обещал народу, что независимая Грузия будет демократической страной: «Стремясь занять заслуженное место в содружестве наций, Республика Грузия признает и в равной мере обеспечит предусмотренные международным правом все права и свободы человека, национальных, этнических, религиозных и языковых групп, как этого требует Устав Организации Объединенных Наций...»².

В годы правления Звиада Гамсахурдия внешнюю политику Грузии определяли несколько факторов. Из них можно особо выделить следующие три:

1. Личность Звиада Гамсахурдия и его личное отношение как к внешней, так и внутренней политике.
2. Внутриполитическая ситуация в стране.
3. Неблагоприятные для Грузии геополитические реалии, главным определяющим фактором в которых была Российская Федерация.

Необходимо в то же время отметить, что в период президентства Звиада Гамсахурдия независимость Грузии еще не была признана международным сообществом. Это одна из причин, по которой некоторые исследователи не выделяют внешние отношения Грузии при Звиаде Гамсахурдия в отдельный период.

Первый грузинский президент Звиад Гамсахурдия был известным правозащитником в 1960-е и 1970-е годы. Он был одним из соучредителей «Инициативной группы защиты прав человека в Грузии» (1974) и «Грузинской Хельсинской группы» (1977). Он несколько раз подвергался аресту и почти всю сознательную взрослую жизнь находился под наблюдением и контролем Комитета государственной безопасности³. В действительности, однако, целью Гамсахурдия были не права человека вообще, а политические права грузинского народа. В нелегально издаваемых журналах он неизменно подчеркивал опасность русификации, негативные демографические тенденции в Грузии, тяжелое положение этнических грузинских общин в зарубежных странах (например, община Ингило в Азербайджане). С началом эпохи «гласности» Гамсахурдия открыто выступил против либеральных представителей российского диссидентского движения, в первую очередь против академика Андрея Сахарова. Предложенная последним идея нового, многонационального, равноправного союза наций подверглась жесткой критике со стороны Гамсахурдия, назвавшего ее инструментом сохранения империи⁴.

Звиад Гамсахурдия принял бразды правления грузинским государством в экстремальной ситуации. Страна постепенно разваливалась, экономика находилась в свободном падении, общество было крайне поляризовано. Его политика представляла из себя смесь национализма, популизма, религиозности и консерватизма. Гамсахурдия верил в полумифическое, «чистое» с расовой точки зрения прошлое Грузии. Он сравнивал Грузию с восставшим из смерти Лазарем. В то же время, он был приверженцем социального консерватизма, апеллируя такими понятиями, как традиционная роль семьи, дружба, религия и самопожертвование – эти качества он считал исконно присущими грузинскому народу⁵. Гамсахурдия не смог освободиться от советского имперского наследия, что проявилось в его авторитарном отношении к прессе, парламенту и оппозиции. Несмотря на принятие прогрессивных законов о гражданстве и прессе, эти законы не исполнялись на практике. Под предлогом борьбы с внутренними и внешними врагами, власти развернули кампанию репрессий против инакомыслящих, закладывая основу для преследования альтернативных политических идеологий. Гамсахурдия систематически издевался над оппозицией, называя ее «зубогой», «преступной» и «антиконституционной», обвиняя ее в сговоре с Шеварднадзе и другими обосновавшимися в Москве заговорщиками. В его высказываниях в адрес оппозиции преобладали фразы и выражения из советского лексикона 1930-х годов. Президент называл своих оппонентов «врагами народа», «агентами Кремля», «иудами» и «преступниками»⁶. Оскорбительная риторика вела к демонизации оппонентов, отрезая пути к компромиссу и сотрудничеству.

Носитель традиционных ценностей, Гамсахурдия не собирался модернизировать грузинское общество. Кристофер Клафам относит подобные Грузии страны к классу неопатримониальных обществ, в которых государственная власть строится на личных взаимоотношениях и статусе, а грань между официальной и частной жизнью крайне размыта⁷. В таких обществах политическая власть и ресурсы оказываются в руках засевавших в кабинетах чиновников.

¹ Акт восстановления государственного суверенитета и независимости Грузии; Президент Республики Грузия Звиад Гамсахурдия; т.1, *Хма Эриса*, 1995, с. 80.

² Выступление председателя Верховного Совета Республики Грузия, г-на Звиада Гамсахурдия; Президент Республики Грузия; т.1, сс. 82-99.

³ Президент Республики Грузия, Звиад Гамсахурдия; т.1, сс. 5-6.

⁴ Foreign Broadcast Information Service (FBIS), FBIS-SOV, 90-239, 12 декабря 1990, с.115.

⁵ Воспоминания Гурама Рчеулишвили. «Звиад Гамсахурдия, письма, статьи», Тбилиси, *Хеловнеба* 1991, с. 548.

⁶ *Сакართველოს Республика*, №11, 18 декабря 1990, с. 2.

⁷ Christopher Clapham, *Third World Politics. An Introduction*, London and Sydney: Croom Helm, 1985, esp. Ch. 3, сс. 39-60 / Стивен Джонс. «Грузия: Политическая история после декларации независимости», Тбилиси, Центр социальных наук, 2013, сс. 71

Так как для значительной части граждан личность руководителя стояла выше государственных институтов, в Грузии не смогли сформироваться политические партии и другие национальные структуры, предполагающие широкое участие общественности. В отличие от фактора личности, государственные институты не имели принципиального значения для народа.

Несколько человек в правительстве Гамсахурдиа работали над теорией государственного капитализма, например, последний премьер-министр времен Гамсахурдиа Бессарион Гугушвили. В представленной в августе 1991 года экономической программе президент настаивал на целесообразности применения в Грузии теории конвергенции, хотя к этому времени она уже давно считалась устаревшей¹. Сам президент был настроен против свободного рынка – об этом говорит его негативное отношение к кооперативам и вето, которое он наложил на первоначальную версию закона о приватизации. Цены на большинство товаров по-прежнему регулировались государством, а издательская деятельность оставалась под централизованным контролем правительства. Жестко регулировался и импорт зарубежной продукции, усиливая экономическую изоляцию страны². На этом фоне, средний уровень жизни населения Грузии резко упал. В стране было введено нормированное распределение хлеба и сахара. Грузия оказалась на грани экономической катастрофы³.

В контексте неопатримониальной культуры Грузии, на фоне слабости легитимных государственных институтов, президент был главным полюсом государственной власти. Власть режима Гамсахурдиа опиралась на его харизму. Стилль руководства Гамсахурдиа подрывал основы находившихся в зачаточном состоянии представительских институтов Грузии. Он прямо призывал народ не считаться с институциональными барьерами. Экономический хаос способствовал поиску «козлов отпущения». В Грузии ими оказались коммунисты, «красная интеллигенция», Советский Союз и национальные меньшинства. В своем исследовании популизма Эрнесто Лакло говорит о том, что такие аргументы «обедняют» политические возможности⁴. Народ объединяется вокруг одной идеи, а на смену политическому плюрализму приходит противопоставление «мы-они» или «свой-чужой». Маргарет Канован в своей работе о популизме говорит о том, что популистские движения подразумевают определенную «экзальтацию» и апеллирование к народу и все они в том или ином смысле «анти-элитарны»⁵. Превращение «чужих» этнических групп, интеллигенции или правительств зарубежных стран в «козлов отпущения», государственное регулирование экономики, манипулирование прессой, опора на «харизматическую власть», особое предназначение для своей нации, культ вождя, подкрепленный сильной президентской властью – все это признаки популистского режима⁶. По мнению Рональда Грегора Суни, растущий авторитаризм Гамсахурдиа способствовал отчуждению не только этнических меньшинств, но и многих лидеров национального движения⁷.

Как уже отмечалось выше, при Гамсахурдиа Грузия пока еще не была признана международным сообществом как независимое, суверенное государство. Некоторые исследователи считают, что внешняя политика Грузии в этот период в меньшей степени опиралась на стратегические расчеты и адекватную оценку существующих геополитических реалий и отличалась т.н. «стратегическим идеализмом»⁸.

Несмотря на отсутствие опыта, что было одной из главных отличительных черт правительства Гамсахурдиа, при нем было предпринято несколько попыток определить внешнеполитические приоритеты страны⁹. Среди них можно отчетливо выделить одну: стремление тогдашнего руководства Грузии выйти из-под влияния России и добиться поддержки западных государств. Гамсахурдиа активно продвигал идею о том, что Запад поможет Грузии вырваться из «российских когтей». Грузия даже сделала несколько шагов в этом направлении. В частности, Гамсахурдиа попытался заручиться поддержкой США и с этой целью отправил своего представителя в Вашингтон в марте 1990 года. Однако, эта попытка оказалась неудачной¹⁰. Еще один значительный аспект внешней политики Гамсахурдиа заключается в том, что несмотря на давление Москвы, которое выражалось в поддержке сепаратистских регионов, он не пошел на сближение Грузии с Россией. Вместе с тем, однако, антироссийская риторика Гамсахурдиа не получила поддержки со стороны западных лидеров или хотя бы со стороны большинства грузинского общества¹¹.

Гамсахурдиа верил, что христианская Грузия с древнейших времен была частью европейской цивилизации, что открывало ей путь к «европейскому дому». «У нас, у грузин, всегда была европейская ориентация» – говорил он – «мы хотим быть частью европейского дома»¹². Гамсахурдиа видел в лице Запада нового защитника независимой

¹ FBIS-SOV, 91-211, October 31st, 1991, с. 71.

² *Сакартвелос Республика*, №174, 5 сентября 1991, с. 2.

³ Стивен Джонс. «Грузия: Политическая история после декларации независимости», Тбилиси, Центр социальных наук, 2013, сс. 84-85.

⁴ Ernesto Laclau. *Politics and Ideology in Marxist Theory: Capitalism, Fascism, Populism*. London: New Left Books, 1977 / Стивен Джонс. «Грузия: Политическая история после декларации независимости», Тбилиси, Центр социальных наук, 2013, сс. 57

⁵ Margaret Canovan. *Populism*, New York and London: Harcourt Brace Jovanovich, 1981.

⁶ Стивен Джонс. «Грузия: Политическая история после декларации независимости», Тбилиси, Центр социальных наук, 2013, сс. 76-77.

⁷ Ronald Grigor Suny. *Provisional Stabilities: The Politics of Identities in Post-Soviet Eurasia*, *International Security*, Том 24, №3. Winter, 1999-2000, с.163.

⁸ Александр Рондели. «Выбор независимой Грузии», *Ахали Азри*, №3, ноябрь-декабрь 2001, с. 5.

⁹ Там же. с. 8.

¹⁰ Реваз Бахтадзе. Принятие решений в слабом государстве, *ВТКК Georgia*, серия исследований международной политики, Тбилиси 2007, с. 57.

¹¹ Стивен Джонс. «Грузия: Политическая история после декларации независимости», Тбилиси, Центр социальных наук, 2013, с. 97.

¹² Carol Bogert. "Georgia: Locked in the Soviet House", *Newsweek*, 26 ноября 1990, с. 19.

Грузии. Однако, после знаменитой речи президента Джорджа Буша – старшего в августе 1991 года в Верховном Совете Украины, вошедшей в историю под названием «Chicken Kiev» («котлета по-киевски»), в которой он однозначно осудил «построенный на этнической ненависти суицидальный национализм» и выразил поддержку Горбачеву в вопросе нового союзного договора¹, Гамсахурдиа обвинил Буша в поддержке «коммунизма, тирании и ложных реформ»². Вместо поиска покровительства на Западе, он отдал предпочтение региональному контексту. Гамсахурдиа выдвинул идею общекавказской цивилизации и призвал к созданию форума народов Кавказа³. Он также выстроил особенно близкие отношения с лидером Чечено-Ингушской автономной республики Джохаром Дудаевым

Антагонизм Гамсахурдиа по отношению к России и его неприкрытый национализм привели к окончательной изоляции Грузии. Гамсахурдиа в своих интересах использовал исторически сложившееся чувство грузинского народа, ощущавшего себя жертвой или мучеником. В тоже время, однако, он оказался перед дилеммой, как примирить радикальный национализм во внутренних делах и экономическую помощь от бывшего колониального центра. Грузия практически на 100% зависела от поставок российского зерна, природного газа и топлива. При этом, Грузия возила в советские республики, в первую очередь в Российскую Федерацию, значительную часть своей продукции, в частности 66% фруктов и овощей, 60% вина и 93% коньячных изделий⁴. Гамсахурдиа с самого начала признал, что процесс выхода из Советского Союза должен был быть поэтапным и цивилизованным. Он был достаточно прагматичен для того, чтобы начать переговоры с ельцинской Россией и другими бывшими советскими республиками по экономическим и политическим вопросам.

В составе Советского Союза экономические отношения между Грузией и Россией развивались в рамках централизованной плановой экономической системы. Экономические отношения между различными экономическими субъектами, функционировавшими на территории советских республик, регулировались центральным органом планирования народного хозяйства, Госпланом СССР. Необходимо отметить, что, учитывая малые масштабы грузинской экономики, Грузия – вместе с двумя другими закавказскими республиками (Арменией и Азербайджаном) – входила в состав Закавказского экономического района⁵.

Распад Советского Союза вызвал обрушение общей экономической системы и соответственно привел к постепенному разрыву традиционных производственных цепочек между промышленными предприятиями на постсоветском пространстве. В Грузии этот процесс развивался ускоренными темпами. В частности, первое постсоветское грузинское правительство объявило экономическую блокаду России. На практике, это было осуществлено путем блокирования железнодорожных путей возле Самтредиа. В результате, разрыв производственных связей между грузинскими и российскими (и не только) предприятиями произошел быстрее и раньше, чем в других постсоветских республиках. Наибольший ущерб от этого понесла в первую очередь сама Грузия. Можно сказать, что это был первый экономический удар по грузино-российским отношениям, который, к сожалению, был вызван ошибками грузинского правительства. Следует отметить, что и после этого Россия по-прежнему занимала первое место среди торговых партнеров Грузии⁶.

Гамсахурдиа избрал необычный для радикального борца за независимость путь.⁷ Вместо того, чтобы ужиться с бывшей колониальной державой, он предпочел ее отвергнуть. Его правительство находилось в постоянном конфликте с СССР, последовательно проводя конфронтационную политику: конфликты с сепаратистскими движениями в Абхазии и Южной Осетии, бойкот всесоюзного референдума Горбачева и отказ заключить новый союзный договор, СССР был объявлен оккупантом Грузии, был установлен приоритет грузинского законодательства над общесоюзным, «национализация» Комитета государственной безопасности Грузии в ноябре 1990 года, и запрет на участие в выборах для советских военнослужащих⁸. Решение Гамсахурдиа в сентябре 1991 года разорвать официальные отношения с Советским Союзом из-за отказа признать независимость Грузии еще больше усилило изоляцию Грузии и усугубило проблемы первого президента. Вслед за августовским путчем 1991 года в Москве, в Тбилиси началось восстание против Гамсахурдиа. Реакция Гамсахурдиа на ГКЧП отличалась от реакции прибалтийских стран, однозначно осудивших путч. Его неуверенность и колебания стали дополнительным аргументом для его противников и обострили кризис власти⁹. Оппозиция активно обвиняла Гамсахурдиа в неспособности противостоять влиянию московского ГКЧП.

Начавшийся осенью 1991 года политический кризис оказался роковым для правительства Гамсахурдиа. Испугавшись усиления Национальной Гвардии, президент издал указ о ее преобразовании в подразделение милиции особого назначения и снял с должности командующего гвардией Тенгиза Китовани. Этим Гамсахурдиа якобы защитил Национальную Гвардию от советских войск¹⁰. Главную проблему вызвало его решение упразднить пост командующего. Формально, Национальная Гвардия была включена в структуру Министерства внутренних дел в качестве

¹ Доступно на сайте: <http://en.wikisource.org/wiki/Chicken-Kiev-speech> дата просмотра: 20.09.2016.

² FBIS-SOV, 91-171, 4 сентября 1991, с. 112.

³ Президент Республики Грузия, т.1, с. 244.

⁴ Стивен Джонс. «Грузия: Политическая история после декларации независимости», Тбилиси, Центр социальных наук, 2013, с. 96.

⁵ *Закавказский экономический район. Экономико-географический очерк*. Под ред. А. А. Адамеску, и Е. Д. Силаева. Москва, «Наука», 1973.

⁶ В. Папава, Т. Беридзе. «Проблемы реформирования грузинской экономики». *Российский экономический журнал*, 1994, № 3.

⁷ Стивен Джонс. «Грузия: Политическая история после декларации независимости», Тбилиси, Центр социальных наук, 2013, с. 68.

⁸ Там же. с. 96.

⁹ Интервью с Давидом Дарчиашвили, историком, профессором Государственного университета Ильи, 15.10.2016.

¹⁰ Джаба Иоселиани. Три измерения, с. 28.

подразделения внутренних войск МВД. Китовани отказался подчиняться распоряжениям Гамсахурдиа и вместе с оставшимися верными ему гвардейцами – около 15 тысяч человек – расположился лагерем в Рконском лесу в 40 километрах от Тбилиси. К нему присоединился и премьер-министр Тенгиз Сигуа.¹

Ситуация особенно обострилась после 2 сентября 1991 года, когда правительственные силы открыли огонь по митингу оппозиции возле Дома кино. В эти дни в Тбилиси с визитом находилась большая делегация американских конгрессменов. Разгон митинга сыграл на руку оппозиции, показав обоснованность обвинений в недемократичности в адрес Гамсахурдиа и усилил разочарование правительством среди части грузинских жителей. Проспект Руставели оказался разделенным на две части: воздвигнутые оппозицией баррикады заполнились демонстрантами и участниками голодовки, а Гамсахурдиа оставался в Доме правительства в надежде на поддержку оставшейся верной ему части Национальной Гвардии и приехавших из регионов сторонников.

Тбилиси также разделился на два лагеря. Оппозиция укрепилась в Филармонии, ИМЭЛ², в здании Государственного телевидения и в Тбилисском государственном университете. Штаб «Мхедриони» располагался во Дворце шахмат. Сторонники Гамсахурдиа заняли Дом правительства и здания правительственных министерств. Линия раскола проходила и по жилым кварталам Тбилиси. В районах Ваке и Вера доминировали «красная интеллигенция» и «золотая молодежь», а Глдани, Надзаладеви и Дидубе поддерживали Гамсахурдиа³. В сентябре, возле офисов Национально-демократической партии и Партии национальной независимости произошло еще одно кровавое столкновение. Гамсахурдиа объявил чрезвычайное положение и пригрозил распустить парламент. Части Национальной Гвардии под командованием Китовани вернулись в город. В стан оппозиции перешла и часть журналистов. В конце концов, в последних числах декабря 1991 года, противостояние вылилось в гражданскую войну.

6 января 1992 года, президент Гамсахурдиа покинул Дом правительства в сопровождении группы верных сторонников и укрылся в Армении. В ходе гражданской войны в Тбилиси погибло 107 человек и более 527 были ранены. Были полностью разрушены гостиница «Тбилиси» и Первая средняя школа. Но в регионе Самегрело гражданская война продолжалась⁴. Эрика Беннер отмечает, что созданные на этнической почве движения и идеологии имеют комплексный характер. Новые обстоятельства могут в течении нескольких лет сбросить с пьедестала их лидеров и преобразовать их задачи и формы выражения.⁵ Режим Гамсахурдиа не сумел продержаться даже одного года и был свержен в результате военного переворота, а Гамсахурдиа, избранный на волне всеобщего воодушевления в 1990 году председателем Верховного Совета Грузии, спустя три года скончался при невыясненных обстоятельствах.

Глава 2. «МЕЖДУЦАРСТВИЕ»

Три года после правления Гамсахурдиа, с 1992 по 1995 год, в истории Грузии можно назвать периодом «междоусобицы» (интеррегнум). В течении этого времени страна находилась на промежутке между выхолощенным радикализмом второй республики Гамсахурдиа и умеренной политикой третьей республики Шеварднадзе, начало которой положила принятая в 1995 году новая конституция. Период «междоусобицы» был «смутным временем», которое было отмечено «вольницей» различных военизированных группировок, этно-политическими конфликтами и иностранным вооруженным вторжением в Абхазию и Южную Осетию. Все это происходило на фоне тяжелейшего экономического кризиса. Нищета, полное отсутствие электроэнергии, рост преступности, невыплаченные зарплаты и превысившая 15 тысяч процентов инфляция – отличительные черты того времени⁶.

Именно в это время у руля грузинского государства встал бывший министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе. В июле 1985 года первый секретарь ЦК КП Грузии Эдуард Шеварднадзе, который в Грузинской ССР локально внедрил элементы рыночной экономики (Абашский и Потийский эксперименты), привлек внимание Горбачева, который пригласил его в Москву и предложил должность министра иностранных дел СССР. В 1990 году Шеварднадзе ушел в отставку с этого поста. В Грузию его пригласили одержавшие победу, но лишённые политического опыта мятежники – Иоселиани и Китовани – в надежде, что он наведет порядок и обеспечит их безопасность.

Эдуард Шеварднадзе прилетел в Тбилиси рейсом из Москвы 7 марта 1992 года. Его приезд был встречен его сторонниками со вздохом облегчения. Сразу после приезда Шеварднадзе заявил одному из журналистов, что решение приехать в Грузию было одним из самых рискованных поступков в его жизни.⁷ В качестве символического жеста он посетил Сионский храм, где получил благословение Патриарха, а затем кладбище погибших в ходе «двухнедельной войны» против режима Гамсахурдиа, где заявил: «Все разрушено...мы должны работать не покладая рук и делать дело».⁸

¹ Стивен Джонс. «Грузия: Политическая история после декларации независимости», Тбилиси, Центр социальных наук, 2013, с. 68-69.

² Институт марксизма-ленинизма, известен также как Институт Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ).

³ Нодар Натадзе. «Все что я знаю: факты и анализ», Тбилиси, *Пирвели Ситква*, 2002, с. 291.

⁴ Гиоргий Мчедлидзе. «История без дистанций (хроника неспокойных 1988-1995 годов)», Кутаиси, Акционерная компания Г. Табидзе, 1999, с. 322.

⁵ Benner, E., *Nationality Without Nationalism, Journal of Political Ideologies*; N.2; 1997 (July); pp. 189-206.

⁶ Стивен Джонс. «Грузия: Политическая история после декларации независимости», Тбилиси, Центр социальных наук, 2013, с. 106.

⁷ Эдуард Шеварднадзе. «Мысли о прошлом и будущем: воспоминания», Тбилиси, *Палитра Л*, 2006, с. 292-300.

⁸ Гурам Цикаришвили. «Время истины: хроника поверженного движения», Тбилиси, 2003, стр. 357.

Перед Шеварднадзе стояла фундаментальная задача – восстановить целостность государства. Чарльз Тилли выделяет три основные функции государства: капиталистическое финансирование, принуждение и интеграция.¹ Грузинское государство в то время было не способно защищать свои границы, справляться с растущей преступностью, выплачивать зарплаты и пенсии, обеспечивать работу школ и больниц. В регионах государству приходилось полагаться на местных «авторитетов» и полевых командиров. Молодому грузинскому государству требовалось осуществлять все три описанные Чарльзом Тилли функции – обеспечивать финансирование, восстанавливать и поддерживать общественный порядок и заниматься примирением чувствовавших отчужденность от государства национальных меньшинств и поверженных сторонников Звиада Гамсахурдиа. Самой сложной задачей было решение проблемы «Мхедриони» и Национальной Гвардии, которые контролировали Военный совет,² экономику и регионы. Они проводили карательные операции против сторонников бывшего президента. Было необходимо прекратить эти операции и начать работу по национальному примирению. Одновременно необходимо было принять новые законы о гражданстве, приватизации, местном самоуправлении, судопроизводстве, выборах, законодательной и исполнительной власти, а также осуществлять эффективную внешнюю политику. Кроме того, от Шеварднадзе требовалась экономическая политика, которая позволила бы выволить страну и ее жителей из нищеты. Для этого было необходимо наладить добрососедские отношения с Россией, добиться признания Запада и привлечь иностранные инвестиции.³

Первый положительный эффект возвращения Шеварднадзе проявился во внешнеполитической области. Вместо изоляционистской политики Гамсахурдиа наметились контуры развития отношений с западными странами. За короткий промежуток времени – всего три месяца – Грузию посетили министр иностранных дел Германии Дитрих Геншер, госсекретарь США Джеймс Бейкер и президент Турции Сулейман Демирель. 23 марта 1992 года независимость Грузии официально признало Европейское экономическое сообщество. 8 апреля 1992 года в открытом письме на имя Шеварднадзе президент США Джордж Буш обещал, что Грузия получит американские инвестиции. Позднее в том же месяце в Тбилиси открылось посольство США, а в июле 1992 года Шеварднадзе возглавил грузинскую делегацию на саммите Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки, на котором было принято решение расширить миротворческие функции этой структуры. 30 июля 1992 года был подписан договор о дружбе и сотрудничестве между Грузией и Турцией,⁴ а 31 июля Грузия, самой последней из всех бывших союзных республик, была принята в ООН, став 179-м членом этой организации. Шеварднадзе назвал этот день «днем рождения новой Грузии».⁵

После возвращения Шеварднадзе независимость и суверенитет Грузии признала значительная часть международного сообщества. Первые 12 месяцев пребывания Шеварднадзе у власти – от падения Сухуми до вступления в СНГ – грузинская внешняя политика была направлена на то, чтобы не допустить возвращения страны в сферу влияния России.⁶ Хотя на начальном этапе отношение Шеварднадзе к СНГ не отличалось радикально от политики его предшественника, он, по словам Елены Фрейзер, в более прагматичном стиле говорил о необходимости нормализации отношений с Россией.⁷ Тем не менее, Шеварднадзе продолжал сопротивляться требованиям Москвы о вступлении Грузии в СНГ и даже поставил вопрос о выводе российских военных баз с грузинской территории. Более того, в этот период Шеварднадзе утверждал, что военная и экономическая интеграция Грузии в СНГ противоречит интересам страны.⁸

В этот же период агрессивная политика России развивалась по нескольким направлениям. Во-первых, в грузино-абхазском конфликте Россия поддерживала сепаратистский режим. Из-за того, что Россия встала на сторону Абхазии в этом конфликте, Шеварднадзе открыто называл его грузино-российским конфликтом.⁹ Второй российской стратегией была экономическая блокада, которая осуществлялась путем прекращения поставок природного газа в Грузию и отключения телефонной связи. Кроме того, Россия отказала Грузии в кредитах, в отличие от предоставления Москвой кредитов другим бывшим советским республикам. Из-за давления Москвы грузинский парламент был вынужден ратифицировать т.н. «нулевой вариант» раздела имущества бывшего Советского Союза, согласно которому Грузия отказалась от своей доли в имуществе СССР в обмен на реструктуризацию ее долга России.¹⁰

¹ Charles Tilly. *Coercion, Capital and European States. AD 990-1990*, Cambridge, Mass.: B. Blackwell, 1990, гл. 1-3 / Стивен Джонс. «Грузия: Политическая история после декларации независимости», Тбилиси, Центр социальных наук, 2013, с. 76.

² Военный совет был создан в декабре 1991 года, за несколько дней до изгнания Звиада Гамсахурдиа. Своей задачей Совет объявил поддержание порядка до новых выборов и начало экономических реформ (Джонс с. 80).

³ Стивен Джонс. «Грузия: Политическая история после декларации независимости», Тбилиси, Центр социальных наук, 2013, с. 85.

⁴ Там же, с. 119.

⁵ Эдуард Шеварднадзе. «Мысли о прошлом и будущем: воспоминания», Тбилиси, *Палупра Л*, 2006, с. 312-317.

⁶ Helena Frazer, *A Case of Bandwagoning? Georgian Foreign Policy and Relations With Russia*. University of Oxford. MPhil in International Relations. 1997. с. 16.

⁷ Helena Frazer, *A Case of Bandwagoning? Georgian Foreign Policy and Relations With Russia*. University of Oxford. MPhil in International Relations. 1997. с. 16.

⁸ Там же, с. 16.

⁹ Jonathan Aves, *The Caucasus States: The Regional Security Complex*, In: *Security Dilemmas in Russia and Eurasia* Eds. Roy Allison and Christoph Bluth. London: RIIA, 1998, с. 180.

¹⁰ Нодар Броладзе. «Нулевой вариант: за и против». *Независимая газета*, 2001, 17 января. http://www.ng.ru/cis/2001-01-17/5_variant.html

ЭТНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ГРУЗИИ

В период «междоусобия» решающее значение для грузино-российских отношений имели вспыхнувшие на грузинской территории этно-политические конфликты, которые во многом определили сложившиеся между двумя странами взаимоотношения и по сей день продолжают играть в них важнейшую роль.

Последние годы существования СССР были отмечены кризисом в отношениях между грузинами и национальными меньшинствами Грузии. Грузино-осетинское противостояние обострилось после того, как находясь под сильным влиянием «Адамон-Ныхас»,¹ Совет народных депутатов 20-го созыва Юго-Осетинской автономной области проголосовал 10 ноября 1989 года за повышение статуса Южной Осетии с «автономной области» до «автономной советской социалистической республики», государственным языком на территории которой должен был стать осетинский язык.²

В 1990 году областной Совет народных депутатов Южной Осетии принял постановление о создании Юго-Осетинской советской демократической республики и о бойкоте предстоящих в Грузии первых многопартийных парламентских выборов. 9 декабря 1990 года в Южной Осетии были проведены выборы Верховного Совета «Юго-Осетинской советской республики».³

В сложившемся тяжелом положении 11 декабря 1990 года Верховный Совет Грузии принял закон об упразднении Юго-Осетинской автономной области и объявил незаконными и юридически недействительными выборы в Южной Осетии 9 декабря 1990 года и их итоги.⁴

Конфронтация между Тбилиси и Цхинвали усиливалась с каждым днем. В ходе референдума 17 марта 1991 года большинство жителей Южной Осетии высказались за сохранение СССР. Они также бойкотировали общенациональный грузинский референдум 31 марта 1991 года о независимости Грузии. В результате между грузинами и осетинами начались первые столкновения, которые вначале носили ограниченный характер, но постепенно перешли в активные боевые действия. Однако, вооруженный конфликт в Южной Осетии по своему масштабу не шел ни в какое сравнение с событиями в Абхазии.

В мае 1992 года Южная Осетия провозгласила независимость. Юго-осетинские лидеры обвинили грузинскую сторону в «геноциде», который, по их словам, был направлен на то, чтобы подтолкнуть юго-осетинский народ «на грань вымирания».⁵ В июне 1992 года, в черноморском курортном городе Дагомыс, Шеварднадзе подписал двустороннее соглашение с Российской Федерацией о прекращении огня. Этот документ стал известен как Дагомыское соглашение. Он предусматривал безоговорочное прекращение огня на всей территории Южной Осетии, плановую демилитаризацию, и создание четырехсторонней контрольной комиссии с участием всех заинтересованных сторон (Российская Федерация, Грузия, Северная и Южная Осетия). Были также сформированы трехсторонние миротворческие силы для предотвращения возможной дальнейшей эскалации конфликта.⁶ Однако конфликт оставался неурегулированным, несмотря на то, что были подписаны протоколы о возвращении беженцев, о сотрудничестве в преобразовании инфраструктуры и привлечении инвестиций, регулярно проходили встречи Шеварднадзе с его юго-осетинскими коллегами. Сохранению конфликта способствовали декларации и заявления Верховного Совета Российской Федерации в поддержку Южной Осетии.

Еще большую угрозу представляли боевые действия в Западной Грузии, в частности в Абхазии. Грузино-абхазское противостояние перешло в острую фазу 18 марта 1992 года, когда в абхазском селе Лыхны, на т.н. Лыхненском сходе, было утверждено «постановление делегатов абхазского народа» и принято «обращение» к Михаилу Горбачеву. В этих документах речь идет о необходимости «оздоровления» межнациональных отношений путем «возвращения Абхазии политического, экономического и культурного суверенитета в рамках ленинской идеи федерации».

Первое серьезное столкновение на национальной почве произошло в июле 1989 года, когда во время акции протеста в Сухуми в связи с открытием в городе филиала Тбилисского государственного университета погибло 22 и было ранено более 500 человек.⁷ В 1990-1991 годах ситуация в Абхазии крайне обострилась. Гамсахурдиа попытался снизить напряженность подписав консенсусное соглашение с Абхазией. Абхазы, которые составляли 17,9% населения автономной республики получили 28 из 65 мест в абхазском парламенте, грузины (46%) – 26 мест, а остальные 37% населения автономии (армяне, греки и русские) – 11. Для конституционных изменений требовалось две трети голосов, что было призвано в определенной мере защитить юридические права и политическое влияние абхазов.⁸ Бывший грузинский министр Паата Закареишвили положительно оценивает это решение Звиада Гамсахурдиа. По его мнению, оно было направлено на предотвращение конфликта между грузинами и абхазами.⁹ Однако, практическое воплощение этого соглашения проходило с большими сложностями, чему во многом способствовали

¹ Созданная на территории Южной Осетии неформальная военизированная организация.

² Вестник Верховного Совета Грузинской советской социалистической республики, 1989, №11, стр. 7-8.

³ Тамаз Диасамидзе. «Региональные конфликты в Грузии – Юго-Осетинская автономная область, Абхазская автономная республика (1989-2002): сборник политических и юридических документов», Тбилиси, *Открытое Общество – Грузия*, 2003, сс. 31-33.

⁴ Там же, сс. 39-40.

⁵ Там же, сс. 38-41.

⁶ Там же, сс. 94-95.

⁷ Газета *Комунисти*, 18 июля 1989, сс. 1-3.

⁸ Гия Нодиа. «Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства»; Бруно Копиетерс, Гия Нодиа, Юрий Абашидзе. «Грузины и абхазы: поиск мирного урегулирования», Koln: Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien, 1998, сс. 30-31.

⁹ Интервью с Паатой Закареишвили, бывшим государственным министром по вопросам примирения и гражданского равноправия, Тбилиси, 14.01.2016.

неэффективность и неумение грузинских депутатов. Верховный Совет Абхазской автономной республики принял не одно антигрузинское постановление, направленные в конечном счете на выход Абхазии из состава Грузии.

10 августа 1992 года президиум Государственного совета Грузии принял постановление о вводе на территорию Абхазии ограниченного контингента подразделений Министерства обороны и МВД для охраны железнодорожной магистрали, пресечения грабежа грузовых железнодорожных составов и разоружения незаконных вооруженных формирований. Грузинские вооруженные силы под командованием Тенгиза Китовани вошли в Сухуми. Абхазские члены правительства автономии бежали в Гудауту. 14 августа абхазская гвардия перешла в наступление против грузинской армии. Президиум Верховного Совета Абхазии осудил «массовый террор и физическое истребление» абхазского народа и призвал жителей Абхазии на «отечественную войну» для защиты республики.¹

Абхамам не пришлось воевать в одиночку. К ним на помощь пришли казахи отряды, этнические абхазы из абхазских диаспор Турции и Сирии и подразделения Конфедерации горских народов Кавказа, которая была создана в 1989 году и объявила Сухуми своей столицей.² Абхазы добивались независимости, но поддерживавшие абхазских лидеров российские политики и военные стремились скорее ослабить Грузию, чем обеспечить независимость Абхазии. «Славянский дом» и консервативный «Союз», один из филиалов которого размещался в Сухуми, были носителями идеологии, провозглашавшей борьбу за сохранение имперской мощи России. Они служили главной опорой антигрузинской политики России в Абхазии.³ Их превозносили и воздавали им всяческие почести и хвалу Либерально-демократическая партия Жириновского, российская патриотическая газета «День», вице-президент Алексей Руцкой и спикер российского парламента Руслан Хасбулатов, наиболее яростно отстаивавшие «абхазское дело».⁴ Российская поддержка имела и практическое обоснование: Москва была обеспокоена безопасностью южных границ России (особенно ее беспокоила перспектива потери контроля над большим участком черноморского побережья). Кроме того, сражавшиеся на стороне абхазов казаки и российские наемники были замешаны в торговле оружием, приносившей огромные доходы.⁵

Война продолжалась 13 месяцев и привела к многочисленным жертвам с обеих сторон – в общей сложности, погибло 8 тысяч и было ранено 18 тысяч человек. Подписанные при посредничестве России, ОБСЕ и ООН соглашения систематически нарушались. Последнее соглашение о прекращении огня, подписанное 27 июля 1993 года в Сочи при посредничестве России, которая выступила гарантом соблюдения договоренности, было нарушено абхазской стороной 16 сентября 1993 года с молчаливого согласия Кремля. После 11 дней интенсивных боев Сухуми был захвачен абхазскими формированиями и почти 250 тысяч этнических грузин были вынуждены покинуть Абхазию.⁶

Гамсахурдиа попытался воспользоваться войной, чтобы вернуться к власти, но его попытка в ноябре 1993 года окончилась поражением. Россия вмешалась в противостояние Гамсахурдиа и Шеварднадзе и встала на сторону последнего. «Подавленная» Россией Грузия, по словам Шеварднадзе, была вынуждена согласиться на вхождение в СНГ в октябре 1993 года и подписать военные договоры.⁷

России больше не требовалось выводить свои войска из Грузии до конца 1995 года и передавать морские порты под грузинской контроль, как это предусматривалось соглашением 1993 года. Россия сохранила четыре военные базы в Грузии и получила право использовать грузинские порты и полигоны. В стране были размещены также российские пограничные войска с задачей оказать помощь в охране более 2 тысяч километров сухопутной и более 320 километров морской границы Грузии. Срок их пребывания на грузинской территории не ограничивался. Начальник тбилисской полиции даже обратился к российским военным с просьбой о помощи в борьбе с преступностью.⁸

На фоне напряженных отношений с соседним государством, Шеварднадзе проводил политику, которую можно условно назвать «две России». Он утверждал, что ответственность за сложившееся положение с российской стороны несут не Ельцин и работавшие в президентской администрации «демократы», а Верховный Совет и особенно военные. В этот период Грузия была одним из факторов внутривнутриполитического противостояния в России и с течением времени становилось очевидно, что ключи к отношениям с Грузией находятся в руках российских военных.⁹

Правительство Шеварднадзе ждало помощи Запада в решении или облегчении проблем охваченной гражданской войной и этническими конфликтами страны. Однако, не получив достаточной политической поддержки с Запада, Шеварднадзе стал постепенно двигаться в сторону сближения с Россией.¹⁰ Позднее Шеварднадзе скажет, что

¹ Тамаз Диасамидзе. «Региональные конфликты в Грузии – Юго-Осетинская автономная область, Абхазская автономная республика (1989-2002): сборник политических и юридических документов». Тбилиси, *Открытое Общество – Грузия*, 2003, сс. 104, 107-108.

² Станислав Лакоба. «Абхазия, Грузия и Кавказская конфедерация». Альманах «*Грузины и абхазы*», сс. 113-121.

³ Svante E. Cornell, *Small Nations and Great Powers: A study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus*. *Routledge Curzon*, 2001, с. 346.

⁴ Carolyn McGiffert Ekedahl and Melvin A. Goodman, *The Wars of Eduard Shevardnadze*, *University Park: The Pennsylvania State University Press*, 1997.

⁵ «Абхазия де факто или Грузия де юре?» (о политике России в Абхазии в постсоветский период 1991-200). Sapporo, Slavic research Center, Occasional Papers: Special Issue. Hokkaido University, 2001

⁶ Tom Trier, Hedvig Lohm, David Szakonyi, "Under Siege. Inter-Ethnic Relations in Abkhazia". London: Hurst&Co., 2010.

⁷ «Грузинская хроника», октябрь 1993, сс. 7-8.

⁸ Russian military presence in Georgia, Central Asia reaffirmed, *Moscow News*, 10 сентября 1993, с.3.

⁹ Jonathan Aves, *National Security and Military Issues in the Transcaucasus: The Cases of Georgia, Azerbaijan and Armenia*. In: *State Building and Military Power in Russia and the New States of Eurasia*, Bruce Parrott (Ed), M.E. Sharpe. Inc. 1995. с. 226.

¹⁰ David Darchiashvili, *Georgia in the South Caucasus Regional Context*. *Building Democracy in Georgia*, Discussion Paper, 12 мая 2003. с. 8.

для Грузии это решение означало, что страна «опустилась на колени».¹ В результате было узаконено размещение в Грузии четырех российских военных баз и в марте 1994 года Грузия и Россия подписали договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве.² В этот же период российское правительство ввело серию санкций против Абхазии, приведших, в частности, к закрытию северной границы Абхазии и Сухумского аэропорта.³ По мнению Пааты Закареишвили, этим шагом Россия хотела завоевать доверие Тбилиси.⁴ Следует также отметить, что в связи с эскалацией конфликта в Чечне, Россия усилила наблюдение на своих границах.

* * *

Многие эксперты расценили вхождение Грузии в СНГ как капитуляцию перед источником угрозы. Однако, при более глубоком анализе можно увидеть, что решение «примкнуть» к России нельзя рассматривать только в негативном ключе. В частности, Шеварднадзе использовал членство Грузии в СНГ для получения двойной выгоды. Во-первых, он умиротворил внешнего агрессора, во-вторых, с помощью этой же внешней силы нанес поражение сторонникам Звиада Гамсахурдиа и обеспечил устойчивость и жизнеспособность своего режима.⁵

Вступление Грузии в СНГ было классическим примером так называемой «политики примыкания (*bandwagoning*)», когда в силу неспособности самостоятельно противостоять внешнему давлению, страна решает «примкнуть» к источнику внешней угрозы. Такая политика вряд ли является желанным выбором для государства, и именно этим фактором объясняется первоначальное отрицательное отношение Гамсахурдиа и Шеварднадзе к вступлению в СНГ. К «политике примыкания» обычно прибегают слабые государства, не имеющие союзников, способных помочь противостоять угрозе, и в том случае, если внешняя угроза, по их мнению, поддается умиротворению. В 1992 году Грузия отвечала всем этим условиям. Во-первых, в течении всего этого времени Грузия была слабым государством. Бруно Коппитерс утверждает, что в первой половине 1990-х годов Грузия была не просто слабой страной. По его словам, на фоне конфликтов в Абхазии и Южной Осетии, а также внутривосточной напряженности, она «провалилась» в еще более низкую категорию «несостоявшихся государств».⁶ Находит подтверждение и вторая теоретическая предпосылка «политики примыкания»: государство выбирает стратегию «примыкания» при отсутствии союзников и когда у него нет другого пути. Во время войны в Абхазии Шеварднадзе направил письменное обращение в адрес Генерального секретаря ООН с просьбой разместить миротворческие силы ООН в зоне конфликта. Ответ был отрицательным: ООН заявила, что время для такой миротворческой операции пока еще не созрело.⁷ Это усугублялось еще и тем, что до середины 1990-х годов у США и Европы не было последовательной и ясной политики по отношению к Кавказу. Зейно Баран объясняет это тем, что значительная часть американских политиков и экспертов плохо знали этот регион в то время.⁸ По мнению Сванте Корнелла, в числе многих факторов (среди которых были события на Балканах и в Сомали), препятствовавших активизации роли США на Кавказе в 1991-1994 годах, было и то, что в Вашингтоне в то время не считали этот регион зоной своих стратегических интересов.⁹ Дэвид Марк идет гораздо дальше в этом отношении, утверждая, что Закавказье фактически игнорировалось Западом на протяжении последних 300 лет, за исключением ряда коротких периодов повышенного внимания, в частности во время Крымской войны и двух мировых войн.¹⁰ Поэтому, Грузия, которая в течении всего этого периода была слабым государством, не имела союзников и полагала, что сумеет умиротворить агрессора вступлением в СНГ, избрала «политику примыкания». По мнению Ираклия Менагаришвили, несмотря на вступление в СНГ, Шеварднадзе оставался независимой фигурой и российское руководство относилось к нему с недоверием.¹¹

29 августа 1995 года можно считать тем днем, когда эта политика начала меняться. На выезде со двора парламента, который в то время заседал в здании ИМЭЛ, на пути автомашины Шеварднадзе взорвалась бомба. Засыпанный обломками бетона и металла Шеварднадзе, направлявшийся на торжественную церемонию подписания новой конституции, чудом избежал смерти лишь благодаря тому, что террористы слегка замешкались.¹² Организацию покушения впоследствии приписали главе службы государственной безопасности Игорю Гиоргадзе, считавшемуся пророссийской фигурой, и Джабе Иоселиани. В результате у Шеварднадзе появился шанс укрепить свою власть. Иоселиани был арестован вместе с почти 200 бойцами «Мхедриони». Были произведены аресты и в Министерстве безопасности, частично очистившие это ведомство от неблагонадежных кадров. Сам Гиоргадзе бежал в Москву с одной из близлежащих российских военных баз. Начатую Шеварднадзе кампанию борьбы с организованной пре-

¹ Jonathan Wheatley, *Georgia from National Awakening to Rose Revolution: Delayed Transition in the Former Soviet Union*. Free University, Germany. 2004. с.84.

² Ted Hopf, *Identity, Legitimacy and the Use of Military Force: Russia's Great Power Identities and Military Intervention in Abkhazia*. *Review of International Studies*. Vol 31. 2005. с. 229.

³ Dov Lunn, *Russian Peacekeeping Strategies in the CIS: The Case of Moldova, Georgia and Tajikistan*. London, Macmillan. 2000, с. 141.

⁴ Интервью с Паатой Закареишвили.

⁵ Helena Frazer, *A Case of Bandwagoning? Georgian Foreign Policy and Relations With Russia*. University of Oxford. MPhil in International Relations. 1997.

⁶ Бруно Коппитерс. «Грузинская модель безопасности: центр-периферия»; Бруно Коппитерс, Роберт Легволд (ред), «Государственность и безопасность: Грузия после «революции роз», Тбилиси, 2006, сс. 447-448.

⁷ Edgar O. Balance, *Wars in the Caucasus*. New York University Press. 1997. с. 127.

⁸ Zeyno Baran, *The Caucasus: Ten Years after Independence*. *The Washington Quarterly*, 25:1, Winter 2002. с. 222.

⁹ Svante Cornell, *US Engagement in the Caucasus: Changing Gears*. *Helsinki Monitor*, 2005 No. 2. с. 111.

¹⁰ David E. Mark, *Eurasia Letter: Russia and the New Transcaucasus*. *Foreign Policy*, No 105. Winter 1996-1997. с. 153.

¹¹ Интервью с Ираклием Менагаришвили, директором Центра стратегических исследований. 13.10.2016.

¹² Эдуард Шеварднадзе. «Мысли о прошлом и будущем: воспоминания», Тбилиси, *Палитра Л*, 2006, сс. 443-447.

ступностью возглавил министр внутренних дел Шота Квирая. Оставшийся без руководства «Мхедриони», в октябре прекратил свое существование. Неудавшаяся попытка покушения на Шеварднадзе укрепила его власть, что оказало влияние на внешнеполитический курс и отношение к России.

Глава 3. ЭДУАРД ШЕВАРДНАДЗЕ: ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К КОНФРОНТАЦИИ (1995-2003)

С 1995 года, вслед за принятием новой конституции, вводом в обращение новой национальной валюты и относительной стабилизацией обстановки внутри страны, во внешней политике Грузии начинается новая эпоха.¹ Начиная с этого времени, главной задачей внешней политики Грузии становится нейтрализация исходящей от России угрозы. Шеварднадзе пытался решить эту задачу путем активизации отношений с западными странами, стремясь заручиться гарантиями безопасности от Запада, что совпало с ростом интереса западных государств, в первую очередь США, к каспийской нефти.² Вопрос транзита каспийских энергоносителей через грузинскую территорию занял особое место в грузино-российских отношениях. В частности, Россия считала, что это противоречит ее интересам и, соответственно, не была заинтересована в развитии транспортного коридора через Грузию. Поэтому Москва использовала различные рычаги, для того чтобы помешать реализации этого проекта. В это время, при поддержке США, начинается прокладка двух нефтепроводов – Баку-Супса и Баку-Тбилиси-Джейхан.³

С 1995 года, несмотря на российское давление и неурегулированные конфликты в Абхазии и Южной Осетии, Грузии все-таки удается развернуть вектор своей внешней политики в сторону Запада. Именно с этого периода Шеварднадзе начинает проводить активную дипломатию на западном направлении. В феврале 1995 года, в рамках официального визита в Соединенное королевство, Шеварднадзе встретился с королевой Елизаветой II, премьер-министром Джоном Мейджором и рядом других политиков. В ходе этих встреч Грузия и Великобритания подписали Декларацию о дружбе и сотрудничестве.⁴ Одновременно, Грузия начинает более интенсивно контактировать с НАТО. Отношения Грузии и НАТО берут начало в 1992 году, когда Грузия была принята в Совет североатлантического сотрудничества (ССАС) (который в 1997 году был преобразован в Совет североатлантического партнерства – СЕАП). Сотрудничество Грузии с НАТО постепенно углублялось и расширялось. Так, в 1994 году Грузия присоединилась к программе НАТО «Партнерство во имя мира», а в 1999 году к Программе планирования процессов и анализа (ППА). В рамках программы «Партнерство во имя мира», в 1997 году в Тбилиси с визитом прибыл Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана. Он провел переговоры с Эдуардом Шеварднадзе и министрами обороны и иностранных дел.⁵ Кроме того, на этом, втором, этапе своей внешней политики Грузия стала членом Совета Европы (1999), что было расценено как серьезное признание европейской ориентации Грузии.⁶ Под конец XX века, в ноябре 1999 года, на саммите ОБСЕ в Стамбуле, была предпринята попытка создания новой региональной системы безопасности в регионе Черного моря. Согласно достигнутой в итоге договоренности, Российская Федерация взяла на себя обязательство вывести свои военные базы и пограничные войска из Грузии и Молдавии. Это соглашение должно было стать фундаментом для последующей демилитаризации региона и урегулирования нерешенных региональных конфликтов. В апреле 1999 года Грузия, Азербайджан и Узбекистан отказались продлевать свое участие в договоре о коллективной безопасности СНГ.⁷ 10 октября 1997 года, в ходе саммита Совета Европы в Страсбурге, четыре государства (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова) учредили региональную международную организацию ГУАМ. Ее главной задачей было объявлено активное сотрудничество между странами-участницами в сфере экономики, безопасности, и демократического развития.⁸ В ноябре 2002 года, на саммите НАТО в Праге, Шеварднадзе официально заявил о намерении Грузии вступить в ряды Альянса.⁹

В течении всего этого периода в грузино-российских взаимоотношениях ощущалась определенная напряженность. Во время своего первого президентского срока Шеварднадзе стал объектом еще одного покушения, спланированного и осуществленного сторонниками бывшего президента Гамсахурдиа 9 февраля 1998 года. Тот факт, что исполнители теракта прошли подготовку в Чечне, дал основания для серьезных подозрений в возможной причастности российских спецслужб к покушению.¹⁰

Дефолт 1998 года в России оказал заметное влияние на грузинскую экономику, пошатнув стабильность национальной валюты, лари. В результате, на первое место во внешнеторговом обороте Грузии, обогнав Россию, вышла

¹ Реваз Бахтадзе. «Принятие решений в слабом государстве», *ВТКК Georgia*, серия исследований международной политики, Тбилиси 2007, с. 63.

² Джаба Девдариани. «Грузия и Россия: трудный путь к взаимопониманию»; Бруно Копиетерс, Роберт Легволд (ред), «Государственность и безопасность: Грузия после «революции роз», Тбилиси, 2006, с. 223.

³ Там же.

⁴ *The Georgian Chronicle. Monthly Bulletin*, Vol.4. No. 2. February 1995.

⁵ *The Georgian Chronicle. Monthly Bulletin*, February. 1997.

⁶ Гия Нодиа (ред), Алваро Пинто Сколбах. «Политический ландшафт Грузии: достижения, вызовы и перспективы», *CIPDD*. 2006. с. 41.

⁷ Khatuna Giorgadze. Russia: Regional Partner or Aggressor? *The Review of International Affairs*, Vol 2. No. 1 Autumn 2002. с. 68.

⁸ Общие сведения о ГУАМ. http://geomissionguam.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=GEO&sec_id=673

⁹ Eric A. Miller, Smelling the Roses: Eduard Shevardnadze's End and Georgia's Future. *Problems of Post-Communism*, Vol. 51, No. 2, March/April 2004, с. 12.

¹⁰ Интервью с Ираклием Менагаришвили.

Турция.¹ Так продолжалось до 2006 года, то есть до тех пор, когда Россия ввела эмбарго на импорт грузинского вина, минеральной воды, и сельскохозяйственной продукции.

Однако, своего пика напряженность в отношениях между двумя странами достигла во время Второй чеченской войны. По мнению Оксаны Антоненко, в отличие от Первой чеченской войны, приведшей к сближению позиций России и Грузии, вторая война, наоборот, способствовала обострению существовавшего уже тогда кризиса, достигшего кульминации летом 2002 года на фоне развернувшихся в Панкисском ущелье событий.²

ПАНКИССКИЙ КРИЗИС

Для целей данного исследования крайне важно рассмотреть панкисский кризис на фоне террористических актов в США 11 сентября 2001 года. После терактов в Нью-Йорке интерес США к региону Кавказа больше не объясняется только фактором нефти. После 11 сентября регион занял одно из центральных мест в контртеррористической и ближневосточной политике Вашингтона.³ В этот период Россия оказывает поддержку контртеррористической кампании США. В итоге, Путин и Буш-младший подписывают декларацию в 2002 году,⁴ в которой заявляют об общей заинтересованности двух стран в сохранении стабильности и территориальной целостности государств Центральной Азии и Южного Кавказа.⁵ Однако, очень скоро стало очевидно, что Россия собиралась использовать борьбу с терроризмом в своих интересах, в частности в отношении Чечни (и Панкисского ущелья).⁶

В 1999-2000 годах в Панкисском ущелье нашли убежище около 7 тысяч чеченских беженцев.⁷ Основное бремя гостеприимства пришлось нести их кровным родственникам, кистинцам. Дело дошло до конфликта между местными кистинцами и чеченскими беженцами. Последние вознамерились установить в ущелье свои порядки – создали альтернативный совет старейшин, начали издеваться над разговорным чеченским языком кистинцев. Кистинцы исповедуют традиционный ислам суфийского толка, который прибывшие чеченцы считали язычеством и «ложной» религией. В Чечне в это время набирало силу радикальное толкование ислама, и чеченские беженцы, в большинстве своем приверженцы радикального ислама, призывали кистинцев вернуться в лоно «чистой веры». В результате особо рьяным борцам с местными традициями кистинцы запретили входить в Дуисскую мечеть. «Новые» чеченцы при поддержке миссионеров из Саудовской Аравии построили собственные мечети в Дуиси, Омало и Биркиани. В этих мечетях – сегодня их называют «ваххабитскими» – могли молиться только «истинные» мусульмане и «истинные» чеченцы. Несмотря на трения с беженцами-неофитами, кистинцы перестали отмечать совместные праздники с грузинами, все реже посещали свадьбы и крещения грузинских горцев.⁸ Церковь в Джоколо опустела.

С течением времени напряженность усиливалась. В 2001-2002 годах в регионе выросли масштабы незаконного оборота оружия и наркотиков. Ущелье закрылось для всех, кроме коренных местных жителей. На всех въездных дорогах появились блокпосты грузинских войск и кистинского народного ополчения. Японский журналист Косуке Цунеока утверждает, что в это время власть центрального грузинского правительства на регион уже не распространялась. «Фактически, здесь (в Панкисском ущелье) действует только местное самоуправление, опираясь на исламские законы» – пишет Цунеока. По его словам, чеченский полевой командир Руслан Гелаев обладал таким огромным влиянием, что совет старейшин ущелья согласовывал с ним практически все серьезные решения.⁹

После Второй чеченской войны пошли слухи о том, что в Панкисском ущелье укрепились боевики Аль-Каиды, превратив ущелье в свою опорную базу.¹⁰ Москва неустанно доказывала, что среди мирных жителей Панкисского ущелья скрываются чеченские террористы. В 2001 году президент Шеварднадзе признал, что Руслан Гелаев, экстрадиции которого добивалась Россия, находился в Грузии.¹¹ Тогдашний министр иностранных дел Российской Федерации Игорь Иванов даже предположил, что в ущелье может скрываться сам Усама Бен Ладен.¹² Вследствие этого, российские ВВС неоднократно вторгались в воздушное пространство Грузии. Министр обороны России Сергей Иванов говорил, что поскольку Грузия неспособна самостоятельно навести порядок в Панкисском ущелье, искоренить «гнездо терроризма» в ущелье должна российская армия.¹³

На фоне ухудшения отношений с Москвой, когда угроза со стороны России стала реальной, Шеварднадзе активизировал дипломатические контакты с Западом и поручил специально созданной правительственной комиссии

¹ Мераб Какулиа. «До и после введения лари: национальная валюта Грузии в ретроспективе». *Центральная Евразия: национальные валюты*. Под ред. Э. М. Исмаилова. Стокгольм: CA&CC Press, 2008, сс.196-197.

² Оксана Антоненко. «Замороженная неуверенность: Россия и конфликт по Абхазии», Бруно Копиетерс и Роберт Легволд (ред), «Государственность и безопасность: Грузия после «революции роз», Тбилиси, 2006, с. 301.

³ Brenda Shaffer. «US Policy». In: *The Caucasus: Challenge for the EU. Chaillot Papers*. No. 65. December 2003. с. 57.

⁴ Полный текст декларации. <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/05/20020524-2.html>

⁵ Taras Kuzio, CIS States Confront Questions Concerning Strategic Alignments. *Eurasia Insight*, 07/01/02 <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav070102.shtml>

⁶ John O'Loughlin, Gearid Tuathail, Vladimir Kolossov. «A 'Risky Westward Turn'? Putin's 9-11 Script and Ordinary Russians». *Europe-Asia Studies*, Vol. 56, No. 1. Jan., 2004, сс. 3-34.

⁷ Tracey C. German. «The Pankisi Gorge: Georgia's Achilles' Heel in its Relations with Russia?», *Central Asian Survey*, 23(1), March 2004. с. 30.

⁸ История региона и его жители. http://www.pankisi.org/cgi-bin/blosxom.cgi/georgian/history_geo

⁹ Японский журналист о Панкисском ущелье. <http://www.civil.ge/geo/article.php?id=2749>

¹⁰ Бесшумный огонь Панкиси. <http://shokoladi.ge/content/pankisis-chumi-cecxi>

¹¹ Панкисское ущелье – криминальный анклав. <http://www.civil.ge/geo/article.php?id=771>

¹² Andrew McGregor. «Ricin Fever: Abu Musab Al-Zarqawi in the Pankisi Gorge». *Terrorism Monitor*, Vol. 2, Issue 24, December 16. 2004. с. 11.

¹³ Ian Traynor. «Russia Angry at U.S. War Plan for Georgia». *The Guardian*, February 22. 2002 <http://www.guardian.co.uk/international/story/0,3604,654020,00.html>

подготовить к ноябрю 2002 года программу военной, экономической и политической интеграции Грузии в НАТО.¹ Почти в это же время Путин объявляет, что Россия готова «помочь» Грузии и провести совместную грузино-российскую военную операцию по нейтрализации террористов в Панкисском ущелье. Однако, грузинская сторона отвергла это предложение, заявив, что считает недопустимым вмешательство внешних сил в панкисскую проблему.² Тем не менее, Шеварднадзе обратился за помощью к США для решения панкисского кризиса.³

Именно в этот период в Грузии начинается американская программа «Обучение и оснащение» (Train and Equip), в рамках которой в Грузию из США прибыли около 200 американских военных инструкторов. Реакция Кремля на эту программу была крайне негативной, что привело к появлению первой трещины в возникшей после 11 сентября дружбе Москвы и Вашингтона.⁴ Однако, Россия была вынуждена смириться с присутствием американских военных в Грузии. Понимая, что продолжать агрессивную политику на этом этапе невозможно, Москва отступила. В октябре 2002 года Шеварднадзе и Путин договорились о необходимости нормализовать отношения между двумя странами.⁵ В качестве компромисса, по инициативе Госдепартамента США, был создан трехсторонний координационный совет с участием представителей спецслужб Грузии, России и США для обмена информацией о положении дел в Панкисском ущелье.⁶

14 января 2002 года, МВД и Министерство государственной безопасности Грузии распространили совместное заявление о том, что правоохранительные органы приступили к проведению в Панкисском ущелье «оперативно-розыскных мероприятий по освобождению содержащихся в ущелье заложников, изъятию огнестрельного оружия и искоренению незаконного оборота наркотиков».⁷ Этой операции предшествовали переговоры с чеченскими боевиками, часть из которых согласилась добровольно покинуть ущелье. Перейдя на российскую территорию, часть из них (например, Сабаев) попала в засаду и была уничтожена. Программа США «Обучение и оснащение» содействовала проведению операции. Поблизости от ущелья были проведены военные маневры. В ходе операции были задержаны и переданы России лица (например, Текушев), разыскиваемые по обвинению в причастности к террористическим актам в Москве и Волгограде. Операция была с энтузиазмом встречена местными жителями. Они сообщали правительственным войскам ценную информацию и помогали в урегулировании ситуации. Для того, чтобы избежать российских засад, отход наиболее влиятельного чеченского полевого командира Руслана Гелаева из Грузии готовился и планировался в течении восьми месяцев.⁸ По сведениям Косуке Цунеока, именно грузинские спецслужбы организовали перевозку подразделений Гелаева из Панкисского в Кодорское ущелье. «Всем сказали, что нужно срочно уходить в Чечню. Мы выехали из восточной части Панкисского ущелья. Я находился в грузовике грузинской армии. Вскоре я узнал, что у Гелаева было тайное соглашение с грузинами о том, что, если отряд переедет в Абхазию, они снабдят его оружием и продовольствием». Японский журналист утверждает, что вместе с чеченцами в рейде участвовало небольшое количество грузинских, украинских и азербайджанских военных. В Кодорском ущелье к ним присоединились грузинские партизаны.⁹

По данным газеты *24 саати*, потерпев неудачу в боях, Гелаев был вывезен из Кодорского ущелья на вертолете грузинских вооруженных сил, а затем перешел на территорию Карачаево-Черкессии. Блокада Панкисского ущелья завершилась к концу 2002 года, когда грузинская армия, с помощью местных кистинцев, очистила ущелье от бандформирований. В 2003 году ущелье покинула последняя группа чеченских боевиков, все еще скрывавшихся в Грузии. В 2004 году ситуация полностью нормализовалась и безопасность была в полной мере восстановлена.

* * *

Политика Шеварднадзе во время панкисского кризиса служит классическим примером создания «противовеса» внешней угрозе. Этот пример хорошо объясняет теория баланса угрозы. В отличие от СНГ, когда Грузия предпочла «примкнуть» к источнику угрозы, в условиях панкисского кризиса Тбилиси прибег к иной стратегии, решив уравновесить внешнюю угрозу (то есть создать ей противовес). Это решение можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, хотя Грузия все еще была слабым государством в указанное время, внутривнутриполитическая ситуация в стране была гораздо более стабильной, чем в первой половине 1990-х годов. Во-вторых, в отличие от периода вступления в СНГ, в 2002 году США уже имели вполне отчетливые интересы в Грузии, и у Тбилиси, таким образом, был союзник, способный оказать помощь в уравновешивании внешней угрозы. И наконец, если сравнить объяснение ситуации при помощи теории баланса силы с применением теории баланса угрозы, последняя теория выглядит предпочтительнее. Грузия решила прибегнуть к помощи более сильного, хотя и географически более отдаленного, государства в качестве противовеса угрозе, исходящей от более слабого, агрессивного и географически близкого государства.

¹ Tracey C. German. «Faultline or Foothold? Georgia's Relations with Russia and the USA». *Conflict Studies Research Center*. January 2004. с. 3.

² Там же.

³ RFE/RL Newsline, 20,25, 27 February 2002.

⁴ Thomas De Vaal. «Reinventing the Caucasus». *World Policy Journal*, Vol. XIX, No. 1, Spring 2002. стр. 55.

⁵ Putin, Shevardnadze Soften Russia-Georgia Discrepancies. *RFE/RL Security Watch*, Vol. 3 No. 35, October 8. 2002.

⁶ Интервью с Ираклием Менагаришвили.

⁷ Панкисское ущелье – криминальный анклав. <http://www.civil.ge/geo/article.php?id=771>

⁸ Интервью с Ираклием Менагаришвили.

⁹ Японский журналист о Панкисском ущелье. <http://www.civil.ge/geo/article.php?id=2749>

НАКАНУНЕ «РЕВОЛЮЦИИ РОЗ»

По мнению некоторых экспертов, в последний год своего правления Шеварднадзе попытался еще раз сменить внешнеполитический курс страны, на этот раз в пользу России. Но эта попытка была не такой явной, как в предыдущие годы. Бруно Коппитерс связывает эту попытку корректирования внешней политики с изменением направления политики безопасности США. В 2003 году, на фоне внутривосточного кризиса в Грузии, Америка открыто выразила свои симпатии новой политической команде и лидерам «революции роз».¹

Еще одной причиной этой смены внешнеполитического курса могло быть реформирование внешнеполитических инструментов Москвы. Еще до «революции роз», растущей популярностью в России стала пользоваться идея «либеральной империи»,² согласно которой наилучшим средством восстановить экономическое влияние России на постсоветском пространстве является экономическая экспансия.³ В частности, по мнению архитекторов «либеральной империи», она должна создаваться не насильственными действиями и военной оккупацией, а через получение контроля над ключевыми экономическими объектами (особенно энергоносителями) на постсоветских территориях.⁴

Армения стала первой республикой Кавказского региона, вовлеченной в проект строительства российской «либеральной империи». В частности, еще в 2002 году Россия и Армения заключили соглашение «имущество взамен за долги»,⁵ по которому Россия получила контроль над армянскими предприятиями, общая стоимость которых равнялась долгу Армении перед Россией (93 млн долларов). Позднее, практически вся армянская экономика стала собственностью «либеральной империи».⁶

То, что между Россией и Арменией расположены Грузия и Азербайджан, является географическим препятствием на пути объединения российской и армянской экономик в единое экономическое пространство. Грузия представляет из себя более реалистичный «маршрут» для такого объединения, чем Азербайджан, из-за продолжающегося армяно-азербайджанского конфликта. Вхождение Грузии в структуру «либеральной империи» облегчило бы задачу по интегрированию Азербайджана, поскольку его основные транспортно-коммуникационные артерии, в том числе трубопроводы, проходят через грузинскую территорию.

Включение Грузии в «либеральную империю» началось уже в 2003 году, когда РАО ЕЭС приобрело акции и другие активы в Грузии американской компании «АЭО (Американское Электрохимическое Общество) – Шелковый путь», владевшей Тбилисской электросетевой компанией. В результате, РАО ЕЭС получило контроль над 75% грузинской энергетической системы.⁷

Разворот Шеварднадзе в сторону России можно считать аномалией с точки зрения теории баланса силы или теории баланса угрозы. И действительно, исходящая от России угроза была такой же, как и в предыдущие годы. Интерес США к Грузии и региону также не изменился. Поэтому, лучше всего эту последнюю попытку скорректировать внешнеполитический курс страны может объяснить т.н. теория «всестороннего балансирования» (Omnibalancing), а не теории баланса силы или угрозы. В этом случае Шеварднадзе попытался опереться на поддержку внешней силы для нейтрализации внутривосточной угрозы.⁸

Этот период был отмечен острым внутривосточным кризисом в Грузии. Правительство Шеварднадзе оказалось неспособным обеспечить поступление доходов в государственный бюджет, что сильно подорвало его потенциал, и защитить общество от влиятельных и нелегитимных (никем не избранных) местных группировок и монополий. В обществе не было консенсуса по основополагающим вопросам – в чем заключается сущность государства, каковы его политические ценности и задачи. Коррупция поразила даже такой важный для единства и целостности институт как армия и подорвала необходимую для национального рынка инфраструктуру. Уровень благосостояния большинства граждан опустился ниже базового значения, понизив ценность гражданства и усилив традиционное для постсоветских республик отчуждение между государством и обществом.

Эдуард Шеварднадзе не смог заполнить ту пропасть, которая существует между правителями и подчиненными. Ему не удалось избежать политической асимметрии исключительно сильной президентской власти, опирающейся на поддержку единственной доминантной партии. Он также не сумел обеспечить контроль исполнительной власти, делегирование полномочий и включение общественности в политические процессы. Люди с пониманием относились к тому, что Шеварднадзе перенес главный акцент на стабильность и общественную консолидацию. Однако, к

¹ Бруно Коппитерс. «Грузинская модель безопасности: центр-периферия»; Бруно Коппитерс, Роберт Легволд (ред), «Государственность и безопасность: Грузия после «революции роз», Тбилиси, 2006, с. 497.

² Анатолий Чубайс. «Миссия России в XXI веке». *Независимая газета*, 2003, 1 октября, http://www.ng.ru/printed/ideas/2003-10-01/1_mission.html

³ Henry Kissinger. «Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the Twenty-First Century». *London: The Free Press*, 2002, с. 76.

⁴ Keith Crane, D. J. Peterson, and Olga Oliker. «Russian Investment in the Commonwealth of Independent States». *Eurasian Geography and Economics*, 2005, Vol. 46, No. 6.

⁵ Анна Зейберт. «Баланс интересов Армении и России нуждается в переоценке». *Деловой Экспресс, Express.AM*, 2006, № 4, 9-15 февраля http://www.express.am/4_06/geopolitics.html

⁶ Гаидз Минасян. «Армения, российский форпост на Кавказе?». *Russie.Nei.Visions*, 2008, No. 27, февраль, сс. 9-10 http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_RNV_minassian_Armenie_Russie_RUS_fevr2008.pdf

⁷ Tea Гуларидзе. «Чубайса в Тбилиси встретили акциями протеста». *Civil Georgia*, 2003, 7 августа, <http://www.civil.ge/rus/article.php?id=3014&search=Tea%20Гуларидзе>

⁸ Реваз Бахтадзе. «Принятие решений в слабом государстве», *ВТКК Georgia*, серия исследований международной политики, Тбилиси 2007, с. 74.

концу 1990-х годов экономические реформы потерпели неудачу. В последние годы его президентства центральная власть была настолько ослаблена и ослаблена хронической коррупцией, интригами, нераскрытыми убийствами, отсутствием средств в опустевшей казне, что можно сказать, что ее фактически не существовало. У правительства не было больше ни сил, ни возможностей построить хорошо организованное эффективное государство. Положение усугублялось неурегулированными конфликтами. В конце концов, режим Шеварднадзе завершился уже знакомым для грузин финалом – революцией.

Глава 4. ОТ ПРОЩУПЫВАНИЯ ПОЗИЦИЙ К СТОЛКНОВЕНИЮ – ПЕРВЫЙ ЭТАП ПОЛИТИКИ СААКАШВИЛИ (2003-2008)

ПЕРИОД СЛАБОЙ ОТТЕПЕЛИ

«Революция роз» и приход к власти откровенно прозападной политической команды привели к самому серьезному перелому в грузино-российских взаимоотношениях. Разумеется, «западный выбор» не был «эксклюзивом» молодого правительства Саакашвили. Однако, Национальное движение было первой правящей силой, получившей возможность целенаправленно и последовательно проводить прозападную политику. Западный разворот вектора внешней политики Грузии не остался незамеченным в Кремле, хотя на начальном этапе это не стало причиной ухудшения отношений между странами, тем более, что первые годы со стороны новой власти не было никаких громких заявлений о западном выборе.

В период с конца 2003 года, когда власть в Тбилиси перешла к новому правительству, до резкого обострения ситуации в Цхинвальском регионе летом 2004 года, в отношениях между Грузией и Россией даже наметились признаки улучшения. Начало этому положили, среди прочего, и личные посреднические усилия министра иностранных дел Российской Федерации Игоря Иванова во время политического кризиса в Тбилиси в ноябре 2003 года, завершившегося отставкой Шеварднадзе. Говоря о роли России в ноябрьских революционных процессах, политолог Корнелий Какачиа отмечает: «Своим участием в этом процессе Россия хотела показать, что она остается в Грузии ключевым фактором и без нее никакие проблемы решить не получится». По его словам, Москва рассматривала позитивную роль Иванова как своеобразную инвестицию в будущие отношения с новым правительством.¹ С Какачиа согласен и Ираклий Менагаришвили, занимавший в то время пост министра иностранных дел Грузии: «Россия была «сыта по горло» политикой балансирования Шеварднадзе, который в последние годы все больше и больше склонялся к Западу, и поэтому одобряла его смещение».²

Первые 5-7 месяцев после революции 2003 года были в грузино-российских отношениях периодом своеобразного взаимного прощупывания позиций. После своей инаугурации 24 января 2004 года, новый президент Грузии Михаил Саакашвили дал ясно понять Москве, что урегулирование отношений с Россией было одним из главных приоритетов нового правительства.³ Одним из подтверждений этого стал его первый официальный визит в Москву 10-12 февраля 2004 года, в ходе которого он встречался с представителями высшей политической элиты России, в том числе лично с президентом Владимиром Путиным. Во время этих встреч Саакашвили заявил, что он против размещения американских военных баз на территории Грузии и готов максимально учитывать интересы России в регионе.⁴ Со своей стороны, российский президент также выразил особую надежду на восстановление «традиционных дружественных отношений» между двумя странами.⁵

Период оттепели между Тбилиси и Москвой включал в себя переговоры о реструктуризации долга Грузии за поставки российской энергии, об урегулировании конфликта в Абхазии, где и Грузия, и Россия желали вернуться к т.н. «сочинскому процессу», о СМИ и обмене информацией, о создании двусторонней торговой комиссии и о тесном сотрудничестве в области энергетики.

Наметились перспективы укрепления сотрудничества и в области безопасности. 3 апреля 2004 года министр обороны Грузии и его российский коллега заявили о готовности совместно бороться с терроризмом, незаконным оборотом оружия и наркотиков, торговлей людьми и нелегальной миграцией. Тбилиси также заверил Кремль в сотрудничестве в решении проблем Панкисского ущелья, согласившись, в частности, на создание совместных пограничных постов и совместное патрулирование.

Либерально настроенные российские эксперты советовали российскому руководству придерживаться мягкой политики по отношению к Тбилиси, так как жесткий подход мог, по их мнению, подтолкнуть грузинскую сторону к более активным контактам с Западом.⁶ Однако, традиционалисты в политических и академических кругах с самого начала скептически смотрели на устремления правящей грузинской тройки (Саакашвили-Бурджанадзе-Жвания).

¹ Интервью с Корнелием Какачиа, соучредителем Грузинского института политики, 20.10.2016.

² Интервью с Ираклием Менагаришвили.

³ Хорошей иллюстрацией первоначального отношения Саакашвили к России может служить одно из его первых выступлений в парламенте Грузии, <http://www.palitrav.ge/yvela-video/akhali-ambebi/79262-saakashvilis-tbili-gamosvla-ruseththan-dakavshirebith-romelic-namdvilad-ar-gemakhsovbath.html>

⁴ Владислав Воробьев. «Не горюй», *Российская газета*, 12.02.2004. <https://rg.ru/2004/02/12/saakashvili.html>

⁵ Там же.

⁶ Владимир Иноземцев. *Независимая газета*, 17.08.2004.

Например, директор Института стран СНГ Константин Затулин был уверен, что грузинское правительство собиралось «окончательно вывести Грузию из сферы влияния России и сделать ее верным союзником США».¹ Интересное мнение высказал директор Московского Центра Карнеги Дмитрий Тренин, охарактеризовавший грузино-российские отношения конца 2003 года как «затишье перед бурей».²

Большое значение для дальнейшего развития событий имел успех нового грузинского правительства в Аджарии. Тбилиси было необходимо восстановить контроль над этим регионом, находившимся под властью непокорного губернатора Аслана Абашидзе, но при этом грузинских руководителей беспокоила возможность вмешательства России. Потенциальным инструментом влияния Москвы на процессы в Аджарии была дислоцированная в Батуми 12-я российская военная база. И хотя она была укомплектована в основном местными, большинство из них имели российское гражданство.

В кульминационный момент кризиса, в апреле-мае 2004 года, когда президент Саакашвили выдвинул ультиматум Аслану Абашидзе, дав ему 10 дней чтобы уйти в отставку, Москва сыграла свою роль в мирном разрешении конфликта. По оценке бывшего члена Национального движения Давида Дарчиашвили, «в отличие от Абхазии и Южной Осетии, конфликт в Аджарии не имел глубоких исторических, этнических или политических корней. К тому же у России нет общей границы с Аджарией, что серьезно осложнило бы ей задачу сохранения тамошнего режима... Они только попросили гарантии безопасности для Абашидзе и возможность спокойно вывезти его оттуда, что и было им предоставлено».³

Упразднение режима Абашидзе вызвало крайнее недовольство Москвы. Как вспоминает Ираклий Менагаришвили, Путин позднее даже упрекал Иванова за поддержку Тбилиси во время аджарского кризиса, хотя достоверность этой информации проверить не удалось.⁴ Заслуживают внимания оценки этих событиях, прозвучавшие в сравнительно независимых российских изданиях и телеканалах. Политологи, журналисты и политики практически единодушно подчеркивали, что российское правительство предало своего самого верного союзника в Закавказье и лишилось самой надежной опоры в регионе. В российских публикациях говорилось также, что Россия потерпела унижительное поражение в Аджарии, а политика Саакашвили продемонстрировала убедительное превосходство над Кремлем.⁵

Естественно, на фоне таких настроений, росла опасность того, что российское руководство попытается отыграться за это поражение или, как минимум, не допустит, чтобы Грузия повторила свой успех, в плане восстановления контроля, с другими «непокорными территориями» (Абхазия и Южная Осетия).

КОНФЛИКТ ВОКРУГ КОНФЛИКТОВ

Постепенно, период слабой оттепели в грузино-российских отношениях уступил место политике сдерживания, что было вызвано двумя основными причинами: 1) попыткой Грузии восстановить свою территориальную целостность в Абхазии и Цхинвальском регионе и 2) активизацией политики Тбилиси по сближению с Евроатлантическими структурами, которая с 2005 года приобретает все более явный характер. Кроме того, между этими двумя переменными прослеживается важная взаимосвязь. Предположительно, «степень проблемности» российского фактора в конфликтных регионах во многом определялась/определяется «степенью прозападности» Грузии.

26 мая 2004 года, спустя несколько недель после завершения аджарской эпопеи, в честь Дня независимости, грузинское правительство провело самый масштабный за последние годы военный парад. В нем приняли участие около 5000 военнослужащих элитных частей грузинской армии. Были также продемонстрированы различные виды военной техники и тяжелых вооружений. В тот же день в своем телевизионном выступлении грузинский президент подробно рассказал о последних достижениях Грузии в военной области и заметил: «Спросите любого грузинского солдата для чего он служит в грузинской армии, и он ответит – для восстановления целостности Грузии».⁶ При этом, он тут же добавил, что нельзя восстановить территориальную целостность Грузии танками. Поэтому, по его словам, важнейшим фактором является экономическое развитие, благодаря которому абхазы и осетины сами захотят жить в составе единой Грузии (президент даже произнес несколько фраз на абхазском и осетинском языках). Однако, на фоне объявления конкретных сроков и хвalebных заявлений о боеготовности грузинской армии с перечислением видов и количества вооружений, это выступление было воспринято как обычная, сопутствующая таким случаям, демагогия не только большинством абхазов и осетин, но и в России. Было совершенно очевидно, что разговоры о планах примирения на фоне военного парада недвусмысленно указывали на то, по какому сценарию начнут развиваться события в Абхазии и Южной Осетии, если Сухуми и Цхинвали отвергнут этот план.

В целом, начиная с этого времени и до 2008 года, подход грузинского правительства к урегулированию кон-

¹ Игорь Тобарков. «Российские политики стараются приноровиться к политическим изменениям в Грузии», *Eurasia Insight*, 11.01.2004.

² Интервью с Дмитрием Трениным, директором Московского Центра Карнеги, 22.11.2003, <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=5865&search=q&a%20with%20Dmitri%20Trenin>

³ Интервью с Давидом Дарчиашвили.

⁴ Интервью с Ираклием Менагаришвили.

⁵ Скурлатов, В. «Что потеряла Россия, сдав Аджарию». <http://www.contrtv.ru/print/362/>

⁶ Саакашвили провозгласил план мирного возвращения Абхазии на фоне демонстрации военной мощи, 26.05.2004, <http://civil.ge/geo/article.php?id=6830&search=>

фликтов был непоследовательным и бессистемным, и может быть лучше всего охарактеризован как политика «кнута и пряника». С одной стороны, Тбилиси проводил примирительную политику по отношению к Абхазии и особенно Цхинвальскому региону. Это выражалось в обещаниях предоставить Южной Осетии «больше автономии, чем Северная Осетия имеет в Российской Федерации»¹ и выплачивать жителям региона грузинские пенсии в дополнение к российским, в различных гуманитарных акциях – распределении продуктов питания, сельскохозяйственных удобрений и т.д. Одновременно с этим, однако, грузинская сторона, без какого-либо согласования с трехсторонней Смешанной контрольной комиссией,² усилила меры безопасности в Цхинвальском регионе, ввела дополнительные силы и ужесточила контроль. По мнению бывшего министра по вопросам примирения и гражданского равноправия Пааты Закареишвили, действия Тбилиси можно назвать «гуманитарным штурмом» Цхинвали, но лишь одна сторона этого процесса предназначалась для международной аудитории – все остальное было давлением.³ Об этом же говорит и директор Кавказского центра стратегических исследований Мамука Арешидзе, по словам которого, все эти акции были всего лишь декорацией – в действительности, в Цхинвали все это ощущалось так, как будто вокруг сжимается кольцо окружения.⁴

Одним из серьезных факторов эскалации напряженности в зоне конфликта стало решение грузинских властей упразднить Эргнетский рынок, не предложив, при этом, взамен никакой альтернативы. Рынок был закрыт подразделениями МВД 31 мая 2004 года. В результате, буквально за одну ночь были разорваны торговые связи, считавшиеся последней возможностью восстановить былое доверие между грузинами и осетинами. Цхинвальские власти, так же, как и рядовые жители Южной Осетии, восприняли это не как борьбу с контрабандой, а как «очередной недружественный шаг со стороны агрессивно настроенного грузинского государства», действующего во вред народу Южной Осетии.⁵

Спустя несколько недель после закрытия Эргнетского рынка, осетинские сепаратисты, предположительно с помощью российских силовиков, разоружили и взяли в плен дислоцированных в селе Ванати грузинских полицейских и на виду у всех заставили их стать на колени в центре Цхинвали. Михаил Саакашвили открыто обвинил российскую военную разведку в причастности к инциденту в Ванати и в довольно жесткой форме предостерег от попыток вмешательства во внутренние дела Грузии. Негативная роль Москвы в процессе урегулирования конфликта в Цхинвали еще раз проявилась в начале июля, когда грузинские власти задержали грузовики, груженные принадлежавшим российским миротворцам оружием, которое предназначалось для сепаратистов.⁶ Именно этот момент стал началом конца короткой оттепели в грузино-российских отношениях.

С 8 августа 2004 года ситуация в Цхинвальском регионе стала критической. В дело вступили гранатометы и легкая артиллерия. В ходе боевых действий обе стороны несли тяжелые потери, исчислявшиеся десятками. В конце концов, грузинская сторона осознала, что Россия может вмешаться в конфликт, в то время, как Запад не готов воевать за Грузию. Поэтому, Саакашвили отдал приказ всем военным подразделениям немедленно покинуть зону конфликта.⁷ Этому во многом способствовало заявление Белого Дома, открыто призвавшего Тбилиси не допустить эскалации конфликта.⁸

В целом, перипетии лета 2004 года повлияли на трансформацию грузино-российских взаимоотношений с нескольких точек зрения. В первую очередь, Саакашвили на собственном опыте убедился (опыт предшественников оказался для него неубедительным), что Россия вовсе не является партнером Грузии в поиске приемлемых для Тбилиси путей урегулирования конфликтов (повторить аджарский вариант в отношении других конфликтов не получится). Во-вторых, отношения с российским руководством были испорчены, в первую очередь лично с президентом Путиным, который и до этого не особенно доверял своему визави. По словам Ираклия Менагаришвили, из нескольких источников ему известно, что после 2004 года Путин часто говорил, что Саакашвили обманул его и поэтому больше не заслуживает доверия.⁹ В-третьих, столкнувшись с «истинным лицом» России в конфликтах, Тбилиси понял, что необходимо искать такого партнера, который сумеет если не перевесить, то хотя бы уравновесить российский фактор. В сложившихся обстоятельствах, естественно, Грузия обратила свои взгляды на Запад.¹⁰

С сентября 2004 года, в поиске решений конфликта в Цхинвальском регионе, грузинская сторона стала отдавать предпочтение различным мирным инициативам и повышению уровня интернационализации конфликта путем

¹ «Михаил Саакашвили: мы не исключаем статуса расширенной автономии для т.н. Южной Осетии», 02.06.2005, <http://civil.ge/geo/article.php?id=7094>

² Смешанная контрольная комиссия (СКК) была создана в 1992 году на основании т.н. Дагомысского соглашения. В нее входили представители Грузии, России и сепаратистского режима Южной Осетии.

³ Интервью с Паатой Закареишвили.

⁴ Интервью с Мамукой Арешидзе, руководителем Кавказского центра стратегических исследований, 24.12.2016.

⁵ «Грузия оказывает давление на лидеров Южной Осетии», *Кавказское обозрение*, RFE/RL, т.7, №25, 25.06.2004.

⁶ «Задержание груза с оружием обострило ситуацию в Цхинвальском регионе и вызвало разногласия в грузинском правительстве», 06.07.2004, <http://civil.ge/geo/article.php?id=7130>

⁷ По сведениям некоторых респондентов (М. Арешидзе, П. Мамрадзе, В. Маисаиа), большую роль в предотвращении дальнейшей эскалации конфликта в 2004 году сыграл тогдашний премьер-министр Зураб Жвания.

⁸ «США призывают Грузию не допустить обострения конфликта в Южной Осетии», 13.08.2004, <http://civil.ge/geo/article.php?id=7413&search=>

⁹ Интервью с Ираклием Менагаришвили.

¹⁰ «В поисках путей нормализации российско-грузинских отношений», сборник статей, Фонд Рондели, стр. 28, <http://gfsis.org/files/library/pdf/2464.pdf>

расширения роли международных организаций.¹ Несмотря на множество проектов, предусматривавших, по словам Саакашвили, «все, чего желает Цхинвали, кроме независимости»,² адресат президентских инициатив не проявлял особого энтузиазма. Кроме крайне низкого уровня доверия между грузинской и осетинской сторонами, большая «заслуга» в этом принадлежит, конечно, Российской Федерации, значительно активизировавшей контакты с Абхазией и Южной Осетией в обход официального Тбилиси. Разногласия между Грузией и Россией в этом вопросе были настолько глубокими, что, как отметил в 2007 году заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа Сергей Маркедонов, «российско-грузинские отношения поддаются сегодня улучшению только в тех сферах, которые прямо не затрагивают югоосетинское и абхазское направления».³ Россия играла в этих конфликтах роль главного миротворца и посредника как член группы друзей Генерального секретаря ООН. В тоже время, однако, она явно благоволила сепаратистским властям в этих конфликтах. Политика Москвы воспринималась в Тбилиси не как миротворческая, а скорее, как способствующая «раздроблению» Грузии.

Именно с 2007 года начинается очередной новый этап грузино-российских взаимоотношений, ознаменовавший переход разногласий между двумя странами в более серьезную стадию. Отправной точкой этого этапа стало беспрецедентно жесткое выступление Михаила Саакашвили с трибуны ООН в сентябре того же года, в котором он открыто обвинил Россию в «аннексии» и «бандитской оккупации» Абхазии и Южной Осетии.⁴ Москва видела определенную символическую связь между этим выступлением на 61-й сессии Генеральной ассамблеи ООН и состоявшемся днем ранее заседании Североатлантического совета, на котором было принято решение о начале расширенного диалога с Грузией (подробнее об этом в следующих главах).⁵

Не менее вызывающим и безответственным было поведение Тбилиси в отношении другого конфликтного региона – Абхазии. «Шлайнингский процесс», цикл неформальных грузино-абхазских встреч, вносящих существенный вклад в процесс восстановления доверия и преодоления послевоенного отчуждения между сторонами, фактически прекратился в 2004 году.⁶ Председатель правительства Абхазской автономной республики Ираклий Аласания, который совместно с государственным министром по вопросам урегулирования конфликтов Гиоргием Хаиндрава сумел организовать визит в Тбилиси де факто министра иностранных дел Абхазии, с 2006 года был практически полностью отстранен от грузино-абхазского мирного процесса. Необходимо отметить, что именно в дни визита Сергея Шамба в Тбилиси, президент и министр обороны Грузии, с определенной символической нагрузкой, посетили Сенакскую военную базу, выступив с ее территории с политическими заявлениями.⁷

Продолжением непродуманной политики урегулирования конфликтов стали Кодорские события. После того, как Кодорское ущелье⁸ было очищено от укрывавшихся там бандформирований (2006 г.), там разместилось легитимное правительство Абхазской автономной республики до тех пор, согласно официальной формулировке, пока «на всей территории Абхазии не будет восстановлена грузинская юрисдикция». Этот шаг Тбилиси фактически нарушал Московское мирное соглашение⁹ и, кроме того, значительно повышал риск эскалации конфликта в виду особого военно-стратегического положения «Верхней Абхазии».¹⁰ По словам бывшего министра обороны Грузии Давида Тевзадзе, именно Кодорскому ущелью предстояло стать плацдармом для военной операции по освобождению Сухуми. Примечательно, что в ущелье было накоплено больше вооружений и боеприпасов, чем «деревьев в местных лесах».¹¹

Масла в огонь подлило создание альтернативного правительства Южной Осетии на контролировавшейся грузинской стороной территории Цхинвальского региона, что только усилило раздражение и неприязнь. Под юрисдикцию созданной в 2007 году «Временной администрации Южной Осетии» было передано и историческое Ксанское ущелье. Тем самым, были фактически восстановлены первоначальные границы Юго-Осетинской автономной области. По словам Ираклия Менагаришвили, это было сделано с единственной целью – повысить авторитет руководителя альтернативной администрации Дмитрия Санакоева, который был объявлен в розыск в Цхинвали, среди осетин.¹² Позднее, во время грузино-российской войны, это обстоятельство станет решающим фактором, которым Россия будет оправдывать оккупацию Ахалгорского района.

Внимательно наблюдая за активизацией политики Тбилиси в отношении конфликтных регионов, в Кремле оче-

¹ На сессии Генеральной ассамблеи ООН 21 сентября 2004 года Михаил Саакашвили представил план «поэтапного урегулирования» конфликтов в Грузии. Различные мирные инициативы были озвучены и в начале 2005 года на парламентской ассамблее Совета Европы и в июле того же года на международной конференции в Батуми.

² «Тбилиси представит в Батуми мирный план урегулирования конфликта в Южной Осетии», 10.05.2005. <http://civil.ge/geo/article.php?id=10192>

³ Сергей Маркедонов. «Грузинский парадокс российской политики», журнал *Россия в глобальной политике*, апрель-май 2007, с. 6.

⁴ «Саакашвили подверг критике Россию с трибуны ООН», 27.09.2007, <http://www.civil.ge/geo/article.php?id=16198>

⁵ Дайджест современной постсоветской прессы, №39, т. 58, 25 октября 2006, сс. 1-3.

⁶ Подробнее о прекращении Шлайнингского процесса см. в статье Пааты Закареишвили «Как правительство «роз» уничтожало неформальный грузино-абхазский диалог».

⁷ Новая военная база в Сенаки, открывшаяся в конце 2005 года, находится в непосредственной близости от границ Абхазии.

⁸ Ущелье находится в северо-восточной части Абхазии и после войны контролировалось грузинской стороной. Формальным правителем ущелья был бывший губернатор (рцмунбули) Эмзар Квициани, который фактически не повиновался центральному правительству.

⁹ Соглашение о прекращении огня от 3 сентября 1992 года, в соответствии с которым ни грузинские, ни абхазские вооруженные силы не должны были находиться в Кодорском ущелье.

¹⁰ Под этим именем Кодорское ущелье упоминалось в правительственных кругах Грузии с 2006 года по 2012 год.

¹¹ Интервью с Давидом Тевзадзе, занимавшем пост министра обороны Грузии с 1998 по 2003 год, 20.11.2016.

¹² Интервью с Ираклием Менагаришвили.

видно хорошо понимали, что восстановление территориальной целостности страны было первостепенной задачей для грузинского правительства, для выполнения которой Тбилиси мог применить любые средства, включая военную силу. Кремль хорошо использовал эти, идущие из Тбилиси сигналы, чтобы спровоцировать грузинское правительство на силовые действия, что и стало причиной августовской войны 2008 года.

ВЛИЯНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ГРУЗИИ НА ДВУСТОРОННИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ. РОЛЬ ЛИЧНОСТИ СААКАШВИЛИ

После «революции роз», по объективным оценкам, консолидированная и хорошо организованная правительственная команда энергично приступила к модернизации страны и строительству государственных институтов. Поддержка значительной части населения и высокий уровень легитимности давали возможность правительству безотлагательно провести некоторые болезненные и непопулярные реформы. В результате, всего за 2-3 года после смены власти, Грузия достигла заметных успехов в борьбе с коррупцией и организованной преступностью, наведении порядка внутри государства, повышении эффективности административного аппарата. Была создана крепкая, структурированная система силовых ведомств, проведены реформы в области образования, обороны, экономики, законодательства и т.д. Все это позволило постепенно избавиться от характерного для предыдущего периода синдрома слабого государства. Несмотря на достигнутый прогресс, однако, жесткий, насильственный и радикальный характер некоторых реформ стал вызывать растущее недовольство общественности. Шаг за шагом крепло ощущение того, что в стране строится сильное, дееспособное государство, целиком и полностью опирающееся на власть силы и «железной руки». С этой точки зрения, тенденция формирования новых государственных структур вызывала стойкую аналогию с централизованным режимом Владимира Путина и особенно с его авторитарными тенденциями. По словам работающего в Грузии американского политолога Стивена Джонса, «Путин и Саакашвили управляют очень разными системами, но обоих этих государственных деятелей отличает централизованная система принятия решений в узком кругу, персонифицированная власть и ограниченный политический плюрализм. Они возрождают государство с особым упором на милитаризм. Оба используют эмоциональную риторику и стремятся приструнить непокорные территории». ¹ Это мнение разделяет и политолог Корнелий Какачиа, который утверждает, что «первоначально он [Саакашвили] восхищался Путиным и внимательно изучал его опыт для того, чтобы извлечь полезные уроки, в том числе, например, то, что Путин вернул контроль над Чечней силой». ²

Накопившиеся в обществе протестные настроения против правительства Национального движения вылились в ноябрьские волнения 2007 года, сыгравшие значительную роль в новейшей истории Грузии. Силовой разгон акции протеста показал, что Саакашвили был способен на совершенно неадекватные и роковые для всей страны решения ради сохранения собственной власти. Сформировавшуюся к этому времени в Грузии систему можно охарактеризовать как «авторитарную модернизацию», ³ когда правящий режим, с одной стороны, часто апеллирует к развитию государства и прогрессу, но, с другой стороны, проводит политику максимальной концентрации власти путем усиления контроля над бизнесом, СМИ, неправительственным сектором и политической жизнью обществом в целом. Такие системы государственного управления отличаются жесткостью и прямолинейностью. Их прямые, централизованные подходы практически не оставляют пространства для лавирования, и поэтому они более склонны к войне и конфронтации. С этой точки зрения, можно сказать, что необдуманная и амбициозная риторика Саакашвили тоже сыграла свою роль. В своих публичных заявлениях официальные лица часто говорили о том, что Грузия имеет армию «натовского образца» и «лучшую в регионе полицию» и сумеет вернуть контроль над Цхинвали «максимум за две недели». На фоне таких заявлений, у правительства возникает искушение дать «достойный отпор» всем врагам или провокаторам (включая поддерживаемые Москвой сепаратистские режимы конфликтных зон) для того, чтобы доказать общественности эффективность и боеготовность своей армии и полиции.

События 7 ноября 2007 года имели также психологический эффект на планы Саакашвили вернуть утерянные территории. Дело в том, что на состоявшихся вслед за разгоном митинга внеочередных президентских выборах, 5 января 2008 года, несмотря на щедрое финансирование предвыборной кампании и максимальное использование СМИ и административного ресурса, Саакашвили получил лишь немногим более 50% голосов. Появились обоснованные подозрения в том, что итоги голосования были сфальсифицированы, и по правилам должен был состояться второй тур. Из-за этого были запланированы новые акции протеста. В результате Саакашвили понял, что его прежняя популярность сильно расшатана и значительная часть электората от него отвернулась. Как вспоминает Петрэ Мамрадзе, руководивший в то время государственной канцелярией, Саакашвили «все это очень тяжело переживал». ⁴ Восстановление территориальной целостности страны могло стать тем грандиозным успехом, который заставил бы людей обо всем позабыть, а имя Саакашвили было бы навечно вписано в анналы грузинской истории наряду с другими великими грузинскими героями.

¹ Интервью со Стивеном Джонсом, историком, политологом, 17.11.2016.

² Интервью с Корнелием Какачиа.

³ Этот термин ввел в обиход политолог Гия Нодиа.

⁴ Интервью с Петрэ Мамрадзе, политологом, бывшим членом парламентского комитета по вопросам Европейской интеграции, 11.11.2016.

ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ ГРУЗИИ

Еще в январе 2004 года председатель думского комитета по вопросам СНГ Андрей Кокошин заявил, что самой большой ошибкой прежнего грузинского правительства было то, что в деле урегулирования конфликтов Тбилиси «чрезмерно полагался» на Запад.¹ Прозападная политика Грузии как в области внешних отношений, так и в сфере безопасности, которая с каждым днем становилась все более и более интенсивной, была одной из главных причин недовольства Москвы. Можно сказать, что, хотя российская дипломатия формально признавала суверенитет и территориальную целостность бывших советских республик, в действительности они оставались для Москвы «ближним зарубежьем». В такой ситуации, те постсоветские страны, включая Грузию, у которых сложились наиболее натянутые отношения с Российской Федерацией, были ограничены в возможности проводить независимую внешнюю политику и политику безопасности. Российский «ответ» на «западный выбор» Грузии выражался в различных силовых действиях, а также экономических и дипломатических санкциях, о которых будет рассказано ниже.

Для оценки грузино-российских отношений в 2004-2008 годах, в первую очередь, необходимо изучить общую геополитическую картину в регионе, в контексте которой и развивались эти отношения. Следует отметить, что за последние 25 лет наибольший интерес к региону Запад, и в частности Вашингтон, проявлял именно в этот период. Это было связано не только с добычей и транспортировкой каспийских энергоносителей, но и с общим видением администрации Буша младшего касательно отношений с Москвой и, соответственно, политикой Белого дома по отношению к граничащим с Россией регионам. По словам военного эксперта и бывшего дипломата Вахтанга Маисаиа, Вашингтон строил свою политику на основе геополитической теории сдерживания России (т.н. «хартленда»), согласно которой Россия должна быть окружена кольцом демократических (прозападных) государств, которые будут сдерживать экспансионистские и неоимпериалистические амбиции Москвы.² В этом контексте, Закавказье часто считается центральным узлом «петли анаконды»³ на наиболее уязвимом, южном участке российской границы. Интерес Запада к Грузии подогревался также стратегической близостью страны к таким «горячим точкам» как Ирак, Иран и Афганистан.

То, что страна оказалась в центре внимания Запада, проявлялось в усилении поддержки и расширении программ помощи Грузии со стороны Европы и особенно США. Проводимые новыми грузинскими властями в различных областях реформы получили полную поддержку Вашингтона, в основном из-за опасений администрации Белого Дома, что в противном случае Грузия может не состояться как государство. Кроме того, американская поддержка правительству Саакашвили, как представляется, имела дополнительные мотивы, главным образом, идеологического характера. Грузия стала в регионе позитивным примером «смены режима». Как пишет Томас де Ваал, Саакашвили быстро превратился в «рекламного мальчика» администрации Буша для популяризации «плана свободы» и продвижения демократии. По мере того, как тускнела яркость других «цветных» революций, грузинский эксперимент Саакашвили становился все более и более заметным, а его недостатки – незаметными.⁴ В этом контексте необходимо рассматривать имевший историческое значение визит президента Буша в Грузию 10 мая 2005 года.⁵ На фоне сближения с Вашингтоном членство в Североатлантическом альянсе постепенно стало национальным проектом для Грузии. Курс в сторону НАТО одобрили не только многие политические партии, но и почти 80% рядовых граждан Грузии. Среди стран кандидатов на членство в Альянсе, это был самый высокий показатель за последние десятилетия.⁶

Естественно, чем чаще становились визиты в Тбилиси западных дипломатов и натовских высокопоставленных чинов, тем больше росло недовольство Москвы грузинской политикой. Это выражалось не только в агрессивных заявлениях и риторике, но и в нарушениях воздушного пространства Грузии, прекращении поставок газа и электроэнергии, а также взрывах в Гори и Цителубани, которые грузинская сторона, как правило, приписывала российским спецслужбам.⁷

Однако, самым значительным событием, наиболее отчетливо высветившим глубину грузино-российского кризиса и его эмоциональную составляющую, стало задержание грузинскими властями четырех офицеров ГРУ 27 сентября 2006 года. По заявлению правительства, задержанные занимались в Грузии сбором информации о планах североатлантической интеграции страны.⁸

Больше всего от реакции Кремля на «шпионский скандал» пострадала грузинская диаспора России, что серьезно подорвало международный имидж Российской Федерации. «Вашингтон Пост» писала по этому поводу: «Если до этого рост ксенофобии в обществе был вызван в основном бездействием, некомпетентностью и безответственностью власти, то теперь этническую вражду поощряют уже непосредственно представители как законодательной,

¹ Телеканал НТВ (Россия), 8 января 2004.

² Интервью с Вахтангом Маисаиа, военным экспертом и бывшим дипломатом, 12.12.2016.

³ Своеобразная геополитическая стратегия, предусматривающая создание вокруг России (особенно вдоль восточных и юго-восточных границ) кольца прозападных государств, либо членов НАТО, либо находящихся под западным «колпаком безопасности».

⁴ Thomas de Waal. «Missiles Over Tskhinvali», *The National Interest*, May/June 2010/er 2009.

⁵ Lynch, op. cit., p.51.

⁶ Для сравнения, в Эстонии членство в НАТО поддерживало 69% населения, в Словении – 66%, в Латвии – 60%, в Литве – 46%.

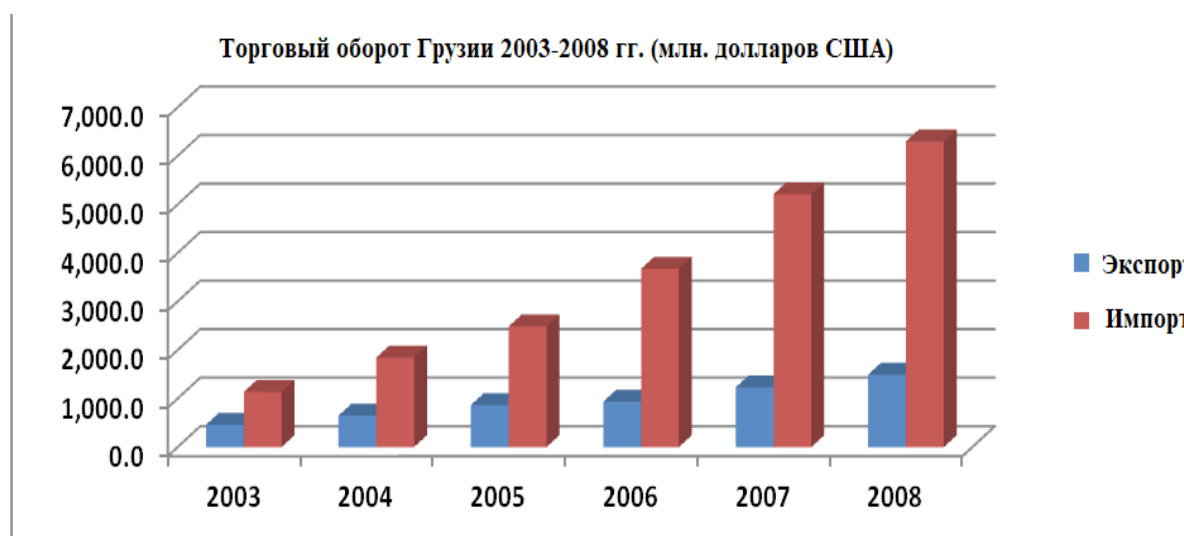
⁷ «Как ведется расследование цителубанского инцидента Россией». *Радио свобода*, 17.08.2007, <http://www.radiotavisupleba.ge/a/1553954.html>

⁸ «МВД задержало четырех российских офицеров по обвинению в шпионаже», 27.09.2007, <http://civil.ge/geo/article.php?id=13770&search=>

так и исполнительной власти».¹ По распоряжению российского правительства, соответствующие государственные структуры принудительно депортировали в Грузию на грузовых самолетах около 200 грузин, включая детей.² Об оставшихся в России грузинах российские власти заговорили как о самом криминальном национальном меньшинстве Российской Федерации. Эта кампания приняла наиболее уродливые формы, когда некоторые московские школы получили распоряжение передать милиции списки учеников с грузинскими фамилиями.

Необходимо отметить, что арестованные офицеры ГРУ были высланы из страны не тайком, без лишней огласки, как этого требует стандартный для таких случаев протокол или *modus operandi*, а были переданы официальным представителям ОБСЕ в ходе своеобразной театрализованной церемонии, что предположительно лишь еще больше усилило раздражение Кремля. Как вспоминает Петрэ Мамрадзе, «Грузины поставили поистине фантастический спектакль, направленный главным образом на то, чтобы как можно сильнее унижить российскую политическую элиту».³ Это признают и перешедшие в оппозицию бывшие члены правительства. Например, бывший государственный министр по вопросам урегулирования конфликтов Гиоргий Хаиндрава полагает, что грузинское правительство могло бы провести «шпионское дело» более профессионально, без лишнего ажиотажа, чтобы не создавать ненужных проблем для почти 800 тысяч грузин, которые в свое время были вынуждены уехать на заработки в Россию из-за тяжелого экономического кризиса.⁴

Параллельно с политическим давлением, Россия попыталась использовать и экономические меры воздействия,⁵ чтобы повлиять на внешнеполитический курс Грузии. Начиная с первых месяцев 2006 года, под предлогом низкого качества продукции, Россия наложила эмбарго на импорт вначале грузинских овощей и фруктов, а с марта месяца – на грузинскую минеральную воду и вино. До введения санкций Россия была главным торговым партнером Грузии – на ее долю приходилось почти 20% всего внешнеторгового оборота Грузии (кроме того, следует отметить, что торговые отношения между двумя странами развивались с нарастающей динамикой). Следует отметить, что внешнеторговый баланс Грузии был отрицательным и до закрытия российского рынка, а эмбарго лишь еще больше усилило торговый дефицит. Например, если в 2003 году импорт превышал экспорт в 2.5 раза, после 2006 года это соотношение достигло 4.2 (см. график). Необходимо подчеркнуть, что когда началась экономическая блокада, Грузия предприняла определенные шаги по диверсификации своей внешней торговли, но так и не сумела компенсировать потерю экспортного потенциала российского рынка.

Источник: Национальная статистическая служба Грузии

Главным международным событием, во многом определившим грузино-российские отношения в этот период, было признание независимости Косово европейскими государствами и США в феврале 2008 года. В ответ на это решение Запада, Москва дала ясно понять, что косовский прецедент может стать моделью для нерешенных сепаратистских конфликтов на территории СНГ. По заявлениям российских руководителей, Россия выступает за применение «универсального подхода» к урегулированию конфликтов вокруг этих территорий. «Если кто-нибудь считает, что Косово можно предоставить государственную независимость, то тогда почему мы должны отказывать в этом абха-

¹ Masha Lipman. Washington Post. 21 September 2006.

² См. постановление Страсбургского суда по правам человека, принятое спустя 10 лет после этих событий, <http://www.radiotavisupleba.ge/a/strasburgshi-mogebuli-saqme/28188970.html>

³ Следует отметить, что Владимир Путин сам является бывшим офицером российских спецслужб и «шпионский скандал» можно считать «персональной пощечиной» российскому лидеру.

⁴ Газета *Время новостей*, 3 октября 2006 года, сс. 1-2.

⁵ Полный перечень российских санкций против Грузии см. на странице Центра анализа безопасности Грузии, в разделе информационных ресурсов, <http://gfsis.org/gsac/eng/point.php>

зам или южным осетинам?».¹ Следует отметить, что Россия использовала косовский прецедент выборочно, исключительно в качестве инструмента давления на Грузию. По словам Ираклия Менагаришвили, «Совершенно очевидно, что политика Кремля применить косовский прецедент по отношению к конфликтам в Грузии заметно отличается от позиции России по отношению к Нагорному Карабаху, также, как и к конфликту в молдавском Приднестровье».²

Следующим важным международным событием, повлиявшим на будущее развитие грузино-российских отношений, стал саммит НАТО в Бухаресте в апреле 2008 года. Предполагалось, что этот саммит может одобрить план действий по подготовке к членству в НАТО (ПДЧ) для Грузии. Несмотря на то, что военно-политический устав НАТО не гарантирует, что получившая ПДЧ страна будет непременно принята в ряды Альянса и, соответственно, окажется под «колпаком» коллективной системы безопасности (Статья 5 устава НАТО), усилиями грузинского правительства вопрос получения-неполучения ПДЧ приобрел в Грузии почти сакральное значение. На Бухарестском саммите присутствовал Владимир Путин (первый в истории альянса случай присутствия российского лидера на саммите НАТО), который в очередной раз зафиксировал свою жесткую позицию по вопросу возможного приглашения Грузии и Украины в ряды альянса: «Появление на наших границах мощного военного блока, действие членов которого регулируется в том числе и статьей 5 Вашингтонского договора, будет воспринято Россией как прямая угроза безопасности нашей страны».³

В итоге, ни Грузия, ни Украина не получили ПДЧ в Бухаресте, но саммит сделал знаменательное заявление о том, что в будущем эти страны обязательно станут членами альянса. Рональд Асмус вспоминал впоследствии, что британский премьер Гордон Браун полуслушя сказал Бушу по этому поводу: «Не совсем понимаю, что мы сделали. Понимаю, что мы не дали им ПДЧ, но не уверен, что мы не приняли их прямо в альянс».⁴

Значение Бухарестского саммита заключается еще и в том, что на нем было принято важнейшее решение – отныне, для того, чтобы предоставить ПДЧ Грузии и Украине, саммит НАТО больше не потребуется. Для этого будет достаточно решения министров иностранных дел членов Альянса. При этом, министрам иностранных дел было поручено провести в декабре 2008 года оценку прогресса, достигнутого Грузией и Украиной за прошедший период. Это совсем не означало, разумеется, что в декабре 2008 года Грузия и Украина получили бы ПДЧ. Однако, тот факт, что была назначена конкретная дата, вызвал сильное раздражение Кремля и несомненно повлиял на будущие планы Москвы.

После марта-апреля 2008 года, военная риторика со стороны Тбилиси и Москвы неуклонно усиливалась. На фоне агрессивных заявлений, полным ходом шел процесс военного строительства, резко увеличился оборонный бюджет Грузии. В 2007-2008 годах, на военные расходы было выделено почти 1.5 миллиарда лари, примерно в два раза больше, чем в предыдущие годы.⁵ Одновременно, вблизи грузинских границ, на Северном Кавказе и в акватории Черного моря, начались масштабные военные маневры российских вооруженных сил, интенсивными темпами шла милитаризация сепаратистских регионов Грузии,⁶ где, как позднее признал Путин, в соответствии с планами российского Генштаба, проходила военную подготовку т.н. «народное ополчение» Южной Осетии.⁷ Несмотря на это, однако, даже в июле большинство экспертов считали маловероятным, что дело реально дойдет до масштабных боевых действий. Их главный аргумент заключался в том, что с позиций здравого смысла и рационального интереса, ни одна из сторон конфликта не должна была стремиться к войне. Например, по мнению обозревателя «Независимой газеты», даже человек с очень богатой фантазией не сможет назвать причину, по которой Цхинвали может начать боевые действия против Грузии.⁸ То же самое можно сказать и о грузинской стороне. Грузинская экономика была слишком слаба для длительных военных операций. Начав войну, Грузия рисковала бы потерять поддержку Запада, в первую очередь на пути интеграции в НАТО.

Несмотря на эти расчеты, однако, с наступлением лета, в Цхинвальском регионе начались интенсивные артиллерийские обстрелы сел и контрольно-пропускных пунктов как с грузинской, так и с осетинской стороны. Осетинская сторона начала обстреливать грузинские позиции не по своей воле, а, как считают в Грузии, при поддержке и под диктовку из Москвы. Об этом говорит хотя бы то, что у осетинских формирований неожиданно появились крупнокалиберные вооружения, которые раньше они никогда не использовали.⁹ Что касается грузинской стороны, по мнению большинства опрошенных респондентов, Тбилиси явно не рассчитывал на затяжную военную кампанию, надеясь на блицкриг.¹⁰ Соответственно, можно сказать, что первоначальное предположение о том, что «стрельба не приведет к войне» не оправдалось. Напротив, выяснилось, что война планировалась уже давно. Естественно, интересы и ожидания сторон были разными.

¹ Цитата, Аксакова etc, стр. 26.

² Интервью с Ираклием Менагаришвили.

³ Анатолий Панков. «НАТО: окружение отложено», <http://www.sapr.ru/article.aspx?id=18971&iid=881>

⁴ Ronald D. Asmus. «A Little War that Shook the World», Palgrave, Macmillan.

⁵ «Оборонный бюджет Грузии достиг 1.3 млрд. лари», 29.08.2007, <http://www.civil.ge/geo/article.php?id=15979>

⁶ «По заявлениям грузинских официальных лиц, Россия использует ротацию своего миротворческого контингента для размещения дополнительных вооружений в зоне конфликта», <http://civil.ge/geo/article.php?id=12762>

⁷ «Путин рассказал о подготовке к войне с Грузией» (2012), <https://lenta.ru/news/2012/08/08/putin>

⁸ Yury Karlenovich Simonyan. *Nezavisimaja Gazeta*, July 28, 2008, с.12.

⁹ Интервью с Корнелием Какачиа.

¹⁰ Этого мнения придерживаются респонденты Д. Тевзадзе, М. Арешидзе, П. Мамрадзе, В. Маисаиа, З. Абашидзе и другие.

* * *

Подводя итоги внешней политики Грузии после «революции роз», можно заключить, что Грузия отдает явное предпочтение стратегии уравнивания внешней угрозы. По мнению профессора Государственного университета Ильи Гиоргия Гвалиа, в отличие от внешней политики Шеварднадзе, когда страна опиралась только на внешние ресурсы для уравнивания угрозы, можно сказать, что правительство Саакашвили избрало двойную стратегию уравнивания. В качестве внешнего противовеса угрозе оно использовало поддержку США и североатлантическую интеграцию, а внутренним противовесом стало укрепление военного потенциала страны.¹

Глава 5. БАЛАНСИРУЯ НА ГРАНИ НОВОЙ ВОЙНЫ: ВТОРОЙ ЭТАП ПОЛИТИКИ СААКАШВИЛИ (2008-2012)

ПОСЛЕДСТВИЯ АВГУСТОВСКОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННАЯ КРИЗИСНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

По окончании августовской войны 2008 года, главным предметом политической дискуссии как внутри страны, так и на международной арене, стало выявление виновника, то есть того, кто «первым нажал на курок». Позиции грузинской и российской сторон в отношении августовской войны можно кратко сформулировать следующим образом: с точки зрения Кремля, война была «принуждением к миру» и Российская Федерация действовала из гуманитарных соображений, так как «невменяемый» Саакашвили решил восстановить конституционный порядок путем геноцида осетинского народа. Тбилиси утверждает, что грузинские вооруженные силы были вынуждены начать боевые действия, чтобы остановить российскую военную колонну, которая вторглась в Грузию через Рокский туннель. С точки зрения грузинских властей, это была военная агрессия «неоимпериалистической России», решившей наказать таким образом «прозападную Грузию». Оба этих аргумента конечно же представляют действительность в очень упрощенном и утрированном виде, пытаясь высветить реальную картину с выгодной для себя стороны.

Что касается Запада и остального международного сообщества, 2 декабря 2008 года, при поддержке Евросоюза, была создана независимая международная комиссия по установлению фактов, которая также известна как «Комиссия Тальявини»,² для расследования всех обстоятельств конфликта. Несмотря на то, что заключения и выводы комиссии были опубликованы довольно поздно, только в сентябре 2009 года, на Западе стали говорить о причинах и виновниках войны сразу же по окончании боевых действий. Логический анализ фактов и последовательности событий показывал, что военные действия 8 августа 2008 года первыми начала грузинская сторона. Однако, это совершенно не снимает ответственности и вины с российской стороны. По словам Ираклия Менагаришвили, «на Западе знали, что инициатор, судя по всему, был отсюда [из Грузии]. Все помнят флаги и трибуны, которые везли в Цхинвали или хотя бы известное заявление генерала Каркарашвили...Россия сделала все для того, чтобы вынудить Саакашвили сделать первый выстрел. Но в целом, главный виновник – это тот, кто ставит капкан, а не тот, кто в него попадает».³ С этим согласен Паата Закареишвили, но добавляет при этом: «С правовой точки зрения, война – вовсе не преступление, тем более, если речь идет о защите своей территориальной целостности. Но меня интересует, что сделало государство для того, чтобы избежать войны».⁴ Общую оценку августовской войны со стороны Запада хорошо иллюстрирует статья в «Лос-Анджелес таймс», особенно та ее часть, которая касается интервью с анонимным высокопоставленным чиновником американской администрации: «До войны Саакашвили постоянно говорил нам, что не сможет спокойно смотреть на обстрелы грузинских сел. Мы всегда знали, что это был большой груз для него. Мы же постоянно предупреждали его не поддаваться на российскую провокацию, которая была вполне реальной».⁵ Кроме того, августовская война стала дополнительным подтверждением подозрений в том, что грузинское руководство склонно принимать решения поспешно и часто необдуманно. Например, в изданных в 2011 году мемуарах бывший госсекретарь США Кондолиза Райс пишет: «Он [Саакашвили] – гордый человек и может быть импульсивным. Поэтому, мы опасались, что он позволит Москве спровоцировать себя и применит силу...Мы думали, что этот прецедент [Аджарские события] может стать примером, и он поверит, что сможет и на этот раз добиться своего на этой территории, которая лежит рядом с таким любимым Путиным городом Сочи».⁶

Естественно, Запад не оправдывал и Москву. Согласно заключению «Комиссии Тальявини», нельзя судить о пятидневной войне 2008 года только на основании августовских событий – необходимо увидеть полную картину взаимоотношений между двумя странами. В частности, по мнению Запада, с самого начала конфликтов в Абхазии и Южной Осетии, Россия была одной из сторон конфликта, а ее многолетняя «миротворческая» миссия в зоне кон-

¹ Г. Гвалиа. «Как выбирают стратегических союзников малые государства? Стратегии примыкания и уравнивания на Южном Кавказе», ВТКК Georgia, группа политических исследований, Тбилиси, 2013.

² Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia, 27 September, 2009. http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/30_09_09_iiffmgc_report.pdf

³ Интервью с Ираклием Менагаришвили.

⁴ Интервью с Паатой Закареишвили.

⁵ J. E. Barnes and Spiegel, P. «Fighting may spark a new U.S. policy battle over Russia», 2008, <http://articles.latimes.com/2008/aug/13/world/fg-usrussia13/2>

⁶ Kucera, «J. Condoleezza Rice Warned Georgian Leader on War With Russia», 2011,

<http://www.theatlantic.com/international/archive/2011/11/condoleezza-ric-warned-georgian-leader-on-war-with-russia/248560/>

фликта была сплошной фикцией. На Западе также прекрасно понимали что означала выдача российских паспортов жителям Абхазии и Южной Осетии, восстановление абхазской железной дороги, усиленная милитаризация и другие нарушения мирных соглашений. Министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт говорил об августовской войне: «Ни одно государство не имеет права на военное вторжение на территорию другого государства только лишь потому, что там живут его соотечественники или люди с его паспортом. Попытки использовать эту доктрину уже приводили к войнам в Европе в прошлом. Именно поэтому так важно решительно от нее отказаться».¹ Как пишет Рональд Асмус, в США и Европе хорошо понимали также, что своим «непропорциональным ответом» во время августовской войны Россия разрушала установившийся после холодной войны «новый порядок» и подрывала основы европейской безопасности: «В Вашингтоне опасались, что Москва собиралась до конца использовать ошибку Саакашвили и нанести решительный удар», писал Асмус.²

А вот послевоенную ситуацию Москва действительно использовала «по полной», добившись фактически всего, к чему она так долго стремилась. Как говорит один из высокопоставленных чиновников Белого дома, «Москва глотала слюнки в ожидании такого момента».³ Вкратце, главное, чего достигла Россия в результате войны, это то, что, признав в одностороннем порядке независимость Абхазии и Южной Осетии и разместив на их территории свои военные базы, Москва сумела полностью отрезать проблемный Северокавказский регион от внешнего мира и надолго отодвинуть перспективу интеграции Грузии в НАТО и Евросоюз. Кроме того, неожиданная для всех жесткая реакция Кремля на августовские события наглядно продемонстрировала решимость Москвы до конца защищать свои интересы в регионе, даже ценой конфронтации с НАТО.

Несмотря на то, что августовская война значительно ухудшила положение Грузии с точки зрения ее безопасности, Тбилиси все же продолжил политику сдерживания России путем еще большей активизации контактов с США и европейскими государствами. На этом обстоятельстве заостряет внимание и профессор Тбилисского государственного университета Георгий Хелашвили – «Грузино-российская война могла привнести элемент реализма в нашу внешнюю политику, но этого не произошло, то есть прозападная политика Грузии не изменилась».⁴ Это не укладывается в логику политических теорий баланса силы и угрозы, согласно которым изменение уровня безопасности должно было подтолкнуть Тбилиси к смягчению отношений с Россией или, в худшем случае, к политике примыкания.

Несмотря на резкие оценки, политическая реакция Запада на российскую агрессию против Грузии была, в целом, довольно сдержанной и спокойной. Европейские лидеры часто выступали с заявлениями, осуждавшими действия Кремля и призывавшими российское руководство придерживаться состоящего из шести пунктов т.н. соглашения Медведева-Саркози от 12 августа 2008 года, но, в то же время, воздерживались от реального давления на Москву (5-й пункт этого соглашения Москва не спешит выполнять до настоящего времени). Более того, спустя месяц после августовских событий, НАТО возобновила сотрудничество с Россией, а в начале октября, на ассамблее Совета Европы, предложение ввести санкции против России было отвергнуто из-за возражений Франции и Германии.⁵ По мнению Петрэ Мамрадзе, в тот момент [август 2008] активное вмешательство Вашингтона в ситуацию могло быть даже контрпродуктивным – «Это могло еще больше разозлить Россию и вызвать еще большую агрессию».⁶ Следуя этой логике, вполне естественно, что после войны, США «отошли в сторону» и уступили дорогу Евросоюзу (в котором тогда председательствовала Франция) в деле примирения сторон.

Инициированная в 2009 году новой американской администрацией политика «перезагрузки» отношений с Россией, которая фактически означала своеобразное переосмысление и переоценку взглядов Буша, противоречила декларируемым интересам Грузии. «Единственное, что досталось Грузии в наследство от Буша – это хартия стратегического партнерства между США и Грузией и один миллиард долларов американской помощи» – отмечают грузинские политологи.⁷ Смена хозяина Белого дома совпала со снижением интереса США к Восточной Европе и Южному Кавказу. В результате уменьшилась институциональная и ежегодная американская финансовая помощь Грузии (с 85 до 68.7 млн. долларов). Позиция Вашингтона в отношении внешнеполитической ориентации Грузии, если говорить вкратце, заключалась в том, что, с одной стороны, США были по-прежнему заинтересованы в евроатлантической интеграции Грузии, но, с другой стороны, совсем не стремились ускорить этот процесс и избегали слишком часто апеллировать к этой теме. «Позвольте мне ясно и четко заявить: Североатлантический альянс должен стремиться к сотрудничеству, а не к конфронтации с Россией» – заявил в июле 2009 года Барак Обама.⁸ Одновременно с этим, в западной прессе появились аналитические публикации с жесткой критикой возможного принятия Грузии в ряды НАТО, и т.д.⁹

¹ "Carl Bildt condemns Russia's recognition of independence of South Ossetia and Abkhazia", 2008, http://www.spain.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=140&info_id=3836

² Ronald D. Asmus. "A Little War that Shook the World", Palgrave, Macmillan. Стр. 86.

³ Там же.

⁴ Интервью с Георгием Хелашвили, доцентом кафедры международных отношений Тбилисского государственного университета, 13.01.2011.

⁵ Marcel de Haas. «NATO-Russia Relations after the Georgian Conflict», 2009, https://www.ciingendael.nl/sites/default/files/20090000_cscp_artikel_mhaas.pdf

⁶ Интервью с Петрэ Мамрадзе.

⁷ М. Арешидзе, П. Мамрадзе, В. Маисаиа и другие.

⁸ Seamus Martin. "Russia Laughs Last as EU Slams Saakashvili", THE POST.IE, 27 September 2009.

⁹ Bandow, D. "Georgia's Dangerous Slide Toward NATO", 2013,

<http://nationalinterest.org/commentary/georgias-dangerous-slide-toward-nato-8403>

В сложившемся тяжелом положении, грузинское правительство начало проводить крайне жесткий антироссийский курс, который можно охарактеризовать следующим образом: «Все, что плохо для России, хорошо для нас» или, как говорит Ираклий Менагаришвили, «Грузия собиралась стать «гвоздем в подошве» для Москвы».¹ Первым шагом Тбилиси в этом направлении был выход Грузии из СНГ. По мнению некоторых политических обозревателей, например, первого посла Грузии в СНГ Зураба Хонелидзе, это было ошибочным решением, так как Грузия могла воспользоваться членством в этой организации для того, чтобы противостоять интересам России на пространстве СНГ.² Однако, с этим мнением не согласны другие респонденты, например, Торнике Шарашенидзе, Давид Дарчиашвили и другие, которые считают, что Грузия должна была выйти из состава СНГ намного раньше.³ Тбилиси также разорвал дипломатические отношения с Москвой, а грузинский парламент объявил Россию страной-оккупантом, а Абхазию и Южную Осетию – оккупированными территориями.⁴ Изменился и общий подход грузинского правительства к конфликтным регионам. В соответствии с новым видением, на пути восстановления территориальной целостности перед Грузией теперь стояла единственная проблема, и этой проблемой была Россия.⁵

Реакцию Москвы на эту новую грузинскую политику можно описать как «ничего не вижу, ничего не слышу, и знать ничего не хочу».⁶ Эта российская стратегия получила дополнительное подтверждение в 2010 году, когда, в отличие от шпионского скандала 2006 года, Москва оставила практически без внимания аналогичный инцидент – задержание нескольких человек по такому же обвинению. По мнению Зураба Абашидзе, «Россия пыталась изобразить все так, будто поведение грузинского правительства и лично Михаила Саакашвили, которого она считала политически дискредитированным, лишенным рационального мышления и непредсказуемым, не заслуживает ответа с ее стороны».⁷ Многие считали, что Саакашвили потерял доверие и со стороны Запада. Таким представлением во многом способствовало то, что в течение 22 месяцев после войны, Саакашвили, отличавшийся до этого частыми зарубежными визитами, ни разу не выехал из страны для участия в более или менее значимых официальных встречах на Западе. Именно в этот период, он впервые заговорил о необходимости налаживания более тесных контактов с другими региональными державами, например, с Ираном (который в то время был почти на грани войны с США), и выдвинул весьма неоднозначную идею «сингапуризации» Грузии.

Несмотря на тотальную антироссийскую политику, Саакашвили, тем не менее, предпринял в послевоенный период несколько беспорядочных попыток начать, без каких-либо предварительных условий, диалог с Россией. Начиная с осени 2008 года, одной из возможностей такого диалога остается формат Женевских международных дискуссий, хотя до последнего времени (2016 год) он так и не принес каких-либо ощутимых результатов. Грузинское правительство несколько раз предлагало начать прямой диалог с Россией⁸ и, по словам Зураба Абашидзе, даже выделило средства на переговоры с Москвой.⁹ Одним из таких примеров было выступление Саакашвили в Европарламенте 23 ноября 2010 года, где он заявил о готовности Тбилиси взять на себя обязательство никогда не прибегать к силе для прекращения российской оккупации и восстановления контроля над оккупированными территориями, добавив при этом: «Мы готовы начать глубокий, всеобъемлющий диалог с российскими коллегами... Россия стоит перед серьезными проблемами в регионе и я считаю, что именно в интересах России взять курс на более открытые отношения». Несмотря на то, что после этого в западной прессе появились отдельные статьи с заголовками «Саакашвили протягивает руку Москве» и т.д., всем было ясно, что в данном контексте Москва оставит обращение Саакашвили без ответа. Примерно через год, 25 декабря 2011 года, в ходе телемоста с гражданами Грузии Саакашвили заявил: «Если бы переговоры были возможны, никто не смог бы меня опередить. Их политика находится на уровне рептилии...Поэтому, чем дальше мы будем держаться от этого крокодила, тем скорее доберемся до земли обетованной». Именно такой оставалась, в целом, политика Грузии по отношению к России до 1 октября 2012 года.

Следует отметить, что своей антироссийской политикой Саакашвили реально ничего не добился. Более того, результаты его правления больше всего устраивали именно Россию. В одной из своих статей Линкольн Митчелл пишет, что Саакашвили конечно же не был частью «тайного плана Москвы», но его политика почти убеждает в обратном: именно в годы его правления грузинские территории перешли под контроль России, осложнился процесс интеграции в НАТО, ослабла грузинская экономика, и усилилась политическая поляризация общества. Кроме того, в регионе снизилось доверие к США, вынудив Вашингтон увеличить финансовую помощь.¹⁰ К этим аргументам Митчелла добавляется и внутриэкономическая тема. Именно в 2004-2012 годах несколько крупных, стратегических

¹ Интервью с Ираклием Менагаришвили.

² Интервью с Зурабом Хонелидзе, бывшим послом Грузии в СНГ, 10.10.2016.

³ Интервью с Торнике Шарашенидзе.

⁴ «Абхазия и Южная Осетия объявлены оккупированными территориями», 2008, <http://civil.ge/geo/article.php?id=19335>

⁵ «Абхазия и Южная Осетия объявлены оккупированными территориями», 2008, <http://news.ge/ge/news/story/33916-giorgi-baramidze-saqartvelos-erti-konfliqti-aqvs-rusetan>

⁶ «В поисках новых путей развития грузино-российских отношений», публикация Российского совета по международным делам и Международного центра конфликтов и переговоров, Тбилиси, 2014.

⁷ Интервью с Зурабом Абашидзе, специальным представителем премьер-министра по вопросам грузино-российских отношений, 12.12.2016.

⁸ «Саакашвили: я всегда готов к диалогу с Путиным», 07.10.2011, <http://civil.ge/geo/article.php?id=24626>

⁹ Интервью с Зурабом Абашидзе.

¹⁰ Перевод автора. "Who Is Really Doing Russia's Bidding in Tbilisi", 2012.

экономических объектов и предприятий Грузии перешли в руки российских компаний, вызвав недовольство и критику со стороны общественности.¹

ГРУЗИНСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В сложившемся после августовской войны 2008 года тяжелом положении, грузинское правительство решило использовать против России тему Северного Кавказа. По мнению эксперта по проблемам Кавказа Мамуки Арешидзе, основная причина этого кроется в том, что, разыгрывая «северокавказскую карту», Тбилиси надеялся создать серьезный дискомфорт для России. Если предположить, что Грузии удалось бы найти на Северном Кавказе серьезную опору или союзника (союзников), она могла бы использовать это в качестве своеобразного инструмента давления на Москву.² По этой теории, перефразируя известное высказывание Клаузевица, «Грузинская политика в отношении России после 2008 года стала продолжением войны иными средствами». «Северокавказский проект» становился особенно значимым и актуальным с учетом того, что в 2014 году Россия должна была принимать Зимние олимпийские игры, причем в непосредственной близости от «горячей точки», и поэтому Москва была особенно заинтересована в обеспечении максимальной безопасности в регионе (следует отметить, что в июле 2007 года на саммите в Гватемале, несмотря на уже наметившийся глубокий кризис в отношениях между двумя странами, грузинская делегация поддержала кандидатуру Сочи в качестве столицы будущей олимпиады).

Кроме того, чтобы создать новую «головную боль» для Москвы, северокавказская политика Тбилиси в 2008-2012 годах преследовала еще несколько целей. В первую очередь, речь идет о поощрении прогрузинских настроений среди определенных групп населения и распространении т.н. «мягкой силы» Грузии по другую сторону Кавказского хребта, особенно учитывая то, что северокавказские народы находятся в тесном родстве с абхазами и даже сражались на их стороне против Грузии.

Северокавказская политика Грузии включала в себя несколько составляющих: организационные, пропагандистско-идеологические и политические мероприятия. К первой категории можно отнести создание в грузинском парламенте в декабре 2009 года группы дружбы с парламентами северокавказских республик. Значение этого шага состояло в том, что Грузия, как независимое государство, устанавливала формальные связи с парламентами территориальных субъектов другого независимого государства (Российской Федерации), причем напрямую, без какой-либо координации и согласования с центральным правительством этого государства. Одновременно, в парламенте Грузии был сформирован комитет по делам диаспоры и Кавказа, а при аппарате государственного министра по вопросам диаспоры была создана специальная комиссия по вопросам Кавказа.

За организационными мероприятиями последовали идеологические и пропагандистские инициативы. Среди них следует выделить выступление Михаила Саакашвили в сентябре 2010 года на Генеральной ассамблее ООН, в котором он призвал кавказские народы к строительству единого мирного Кавказского дома, предупредив при этом Россию: «Перед вами стоит выбор: либо вы будете участвовать в начавшейся трансформации региона, либо эта трансформация пройдет без вашего участия». Для информационной поддержки проекта, в январе 2010 года в Грузии был учрежден и приступил к работе русскоязычный телеканал («Первый информационный кавказский» – ПИК), что естественно вызвало крайне негативную реакцию Москвы. Наиболее резонансным событием в рамках северокавказской политики Грузии было официальное признание геноцида черкесского народа, что, по словам Зураба Абашидзе, можно считать своеобразной «мстью» Грузии за признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии.³

Из политических решений следует отметить упразднение визового режима для жителей Северного Кавказа (а через два года для всех граждан Российской Федерации) для краткосрочных, в пределах 90 дней, визитов в Грузию, учреждение государственных стипендий для обучения северокавказской молодежи в грузинских вузах и т.д.

По мнению Ираклия Менагаришвили, «Грузия, естественно, имеет право осуществлять государственную стратегию по отношению к Кавказу, и тем более к Северокавказскому региону, но необходимо максимально все взвесить и оценить все возможные риски».⁴ По словам Петрэ Мамрадзе, «Было бы очень поверхностно думать, что дестабилизация на Северном Кавказе может принести пользу Грузии. Это выглядит, примерно, как если человек, живущий на первом этаже небоскреба будет мечтать о том, чтобы этот небоскреб разрушился и обвалился ему прямо на голову».⁵ Большинство американских и европейских экспертов не одобряли грузинскую политику. По мнению сотрудника Совета по международным отношениям США Уолтера Рассела Мида, такая политика была еще одним подтверждением непредсказуемости и импульсивности грузинского руководства. НАТО никогда не примет в свои ряды такую самовольную и легкомысленную страну.⁶

¹ По мнению опрошенных нами экспертов, виной этому была в основном экономическая политика правительства, считавшего, что «деньги не пахнут». Кроме того, как говорят М. Арешидзе и К. Какачиа, реальных покупателей, кроме России, у этих предприятий не было.

² Интервью с Мамукой Арешидзе.

³ Интервью с Зурабом Абашидзе.

⁴ Интервью с Ираклием Менагаришвили.

⁵ Интервью с Петрэ Мамрадзе.

⁶ "We Don't Have the Tools to Measure the New Economy", 2017, <http://www.the-american-interest.com/byline/wrm/>

В случае реализации северокавказского проекта по грузинскому сценарию, Грузии пришлось бы испытать на себе всю силу гнева Москвы за удар по самому больному месту России, Северному Кавказу. Необходимо также учесть, что в течение многих лет одним из наиболее апробированных и часто применявшихся против Грузии приемов в арсенале Кремля было обвинение в том, что Грузия покровительствует и оказывает помощь северокавказским террористам. Если бы своей политикой Тбилиси сумел бы действительно дестабилизировать обстановку на Северном Кавказе (хотя если судить объективно, у Грузии не было для этого никаких возможностей), России не составило бы труда найти удобный повод, чтобы «наказать» Грузию еще жестче, чем в 2008 году.

В конечном счете, усилия грузинского правительства были встречены на Северном Кавказе без особого энтузиазма и не получили реальной поддержки. Кое-какую реакцию – правда фрагментированную и слабую – вызвало признание геноцида черкесского народа и начало вещания ПИК. Следует отметить, что с самого начала ресурсы Тбилиси были сильно ограничены, а ареал действий почти недоступен (хотя бы потому, что посещать Северный Кавказ не было практически никакой возможности). Кроме того, как отмечает Заза Пиралишвили, одной из отличительных черт правительства Саакашвили было отсутствие долгосрочных стратегических планов и политики – правительство ограничивалось обычно лишь тактическими действиями.¹ Важно и то, что после событий 2004 года в Южной Осетии и августовской войны, северокавказские республики не испытывали, мягко говоря, особой симпатии к режиму Саакашвили. Как отметил один из грузинских респондентов (пожелавший остаться анонимным), которому было поручено организовать конференцию в Тбилиси с участием представителей Северного Кавказа: «Мы-то хотели и старались наладить отношения, но безрезультатно, так как с их стороны не было никакого желания».²

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В ЛИЦЕ РОССИИ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Начиная с 2006 года и особенно после войны 2008 года, Россия, политика Кремля и лично Владимир Путин стали центральной темой грузинского общественно-политического дискурса. Правительство и приближенные к нему круги практически в непрерывном режиме говорили о России исключительно в негативном ключе, и это касалось не только российской политики. Некоторые грузинские СМИ открыто вели целенаправленную антироссийскую пропаганду, что скоро стало вызывать раздражение и неприязнь большинства грузинских граждан в их адрес.

В свете августовской войны и, в целом, политики России в отношении Грузии на протяжении последних лет, антироссийские настроения в грузинском обществе и в правительственных кругах вполне объяснимы и понятны. Несмотря на это, однако, такая политика грузинского правительства была лишена рационально-критического подхода и часто переходила в истерику и паранойю. Наиболее наглядным подтверждением этому может служить специальный информационный выпуск от 13 марта 2010 года, под названием «Моделированная хроника», в эфире одного из самых популярных телеканалов «Имеди». Передача целиком была посвящена выдуманному вторжению российских войск в Грузию, с показом соответствующих кадров хроники, которое якобы вызвало беспорядки в стране и попытку государственного переворота во главе с одним из лидеров оппозиции. Лишь под конец получасовой передачи диктор сообщил зрителям, что речь шла всего лишь о гипотетической возможности такого развития событий. Передача вызвала всеобщую панику и растерянность в Грузии.

Правительство пыталось превратить страх перед Россией в действенный политический инструмент в основном из чувства самосохранения, для того, чтобы удержаться у власти. С этой целью, оно развернуло активную деятельность на двух фронтах – внутреннем и внешнем. Во внутренней политике это выражалось в постоянном апеллировании к угрозе, исходящей от пророссийских сил, т.н. «пятой колонны», «агентов» и «марионеток» Кремля. Это делалось для того, чтобы держать общество в постоянном психологическом напряжении и страхе. Такой подход давал Национальному движению возможность не только мобилизовать общественную поддержку своей политике и курсу на евроатлантическую интеграцию, но и переложить вину за собственные ошибки и неудачи на других (например, на Владимира Путина: «Путин виновен во всех несчастях»). Михаил Саакашвили успешно использовал этот метод во время протестных акций 26 мая 2011 года, когда в ходе жестокого разгона митинга погибло четыре человека. Главным аргументом правительства, которым оно пыталось оправдать свои действия, было то, что митинг был организован пророссийским политиком Нино Бурджанадзе. Саакашвили вновь прибег к этому методу, когда в конце 2011 года на политической арене появился миллиардер Бидзина Иванишвили, получивший от президента ярлык «марионетки Кремля». Интересно отметить, что никто в грузинском правительстве не волновался и не подвергал сомнению лояльность и патриотизм Иванишвили, когда тот добровольно тратил собственные деньги, чтобы заполнить государственную казну и финансировал различные инфраструктурные проекты.³

Аналогичную стратегию применяло правительство и на внешнеполитическом уровне. Например, как говорит Вахтанг Маисаиа, который был приговорен к тюремному заключению именно по обвинению в шпионаже в пользу России, «Правительству нужно было все время доказывать Западу, что Россия угрожает правящему режиму потому, что он является единственной прозападной силой в Грузии и в случае его поражения, к власти в стране непременно

¹ Интервью с Зазой Пиралишвили, философом, профессором Тбилисского государственного университета, 20.12.2016.

² Интервью с анонимным респондентом, 19.12.2016.

³ Staff, D. Interview: How has Georgia changed since 2012? 2015 <http://dfwatch.net/interview-how-has-georgia-changed-since-2012-36947>

придут пророссийские силы. Фактически, Саакашвили постоянно шантажировал Запад, выставляя себя непримиримым борцом с Россией».¹ Кроме того, в Тбилиси любили повторять, что в новой «холодной войне» между Западом и Россией Грузия играет роль «новой Берлинской стены». Звучали и другие подобные радикальные заявления. Последний посол Грузии в России до разрыва дипломатических отношений, Эроси Кицмаривили, считал, что такая политика со стороны Тбилиси могла в итоге привести к «палестинизации» Грузии.²

Интересное мнение по этому поводу высказал Томас де Ваал. По его словам, в тот период Грузия потеряла в глазах Запада свой былой имидж «маяка демократии». Грузинским лидерам было хорошо известно об этом и поэтому они сменили стратегию. Теперь они больше не стремятся убедить Запад в своей демократичности, а пытаются построить свою репутацию на том, что они являются бастионом против российского влияния в регионе.³

Необходимо отметить, что в планы новой администрации Белого дома совсем не входило завести отношения с Россией в тупик из-за Грузии. Инициированная весной 2009 года «политика перезагрузки» делала основной упор на поиск точек соприкосновения с Москвой, а не на существующие разногласия. В этом отношении можно согласиться с российским политологом Николаем Силаевым в том, что конфронтация с Россией не была фундаментальным стратегическим выбором для США: «За 70 лет противостояния две страны выработали модель конфликтно-кооперативного взаимодействия, дестабилизировать которую не могут слабые стимулы вроде грузинского».⁴

Глава 6. В ПОИСКАХ ПУТЕЙ СОТРУДНИЧЕСТВА: ПЕРВЫЙ ЭТАП ПОЛИТИКИ «ГРУЗИНСКОЙ МЕЧТЫ» (2012-2016)

«НОРМАЛИЗАЦИЯ» НАЧИНАЕТСЯ

1 октября 2012 года, впервые за последние 20 лет, власть в Грузии сменилась путем выборов, ознаменовав начало совершенного нового этапа в новейшей истории страны. Перемены коснулись не только внутренней политики. Изменилась и динамика внешней политики, особенно в плане отношений между Тбилиси и Москвой, которые были одним из главных вызовов для нового правительства. Грузино-российские отношения в тот период хорошо охарактеризовал известный российский политолог Федор Лукьянов: «Удивительна атмосфера двусторонних связей. Она практически всегда насыщена сильными эмоциями, наполнена неадекватными ожиданиями, за которыми следуют необоснованные разочарования, изобилует ошибочными оценками, приводящими к иррациональным действиям или, напротив, бездействию в решающие моменты, когда что-то можно исправить».⁵

Естественно, для Грузии политика постоянной конфронтации и агрессивной риторики была более рискованной, пагубной и связана с большими издержками, чем для намного превосходящей ее по силе и территории России. Российское эмбарго на основные виды грузинской продукции, барьеры на пути трудовой миграции и риск того, что поток денежных переводов из России в Грузию может иссякнуть, вызвали болезненные социальные последствия в Грузии. Более того, неурегулированные и нестабильные отношения, усугубляемые постоянной напряженностью в сепаратистских регионах, были чреваты возобновлением военного конфликта между двумя странами.

По сравнению с Кремлем, положение грузинского политического руководства было гораздо более сложным. Это было вызвано тем, что новый правящий режим – коалиция «Грузинская мечта» – в «добровольно-принудительном» порядке взял на себя обязательство осуществить две практически взаимоисключающие задачи: нормализовать отношения с Российской Федерацией, сохранив при этом курс на евроатлантическую интеграцию. Принудительный характер этого обязательства заключается в том, что в отсутствие гарантий безопасности, Грузия не могла позволить себе постоянно балансировать на грани войны с Россией, так как это ведет и к моральному, и к физическому истощению. Кроме того, из-за постоянной напряженности, «синдром усталости» возникает и у западных партнеров.⁶ Добровольность выражается в том, что коалиция сама поставила перед собой эту задачу, хотя в определенной мере это был ответ на объективно существовавший общественный запрос. По данным социологического опроса 2012 года, 72% респондентов одним из главных приоритетов назвали нормализацию отношений с Россией.⁷

Следует отметить, что часть грузинских экспертов подвергала сомнению целесообразность начала диалога с Москвой и выражала озабоченность в связи с возможными «уступками» со стороны Тбилиси. Например, перед началом предстоящих переговоров с Россией, бывший заместитель министра иностранных дел Серги Капанадзе

¹ Интервью с Вахтангом Маисаиа.

² «Экс-посол Грузии в России опасается палестинизации страны», 2008, http://www.nregion.com/news.php?i=27888#_WCljSeN94dV

³ Thomas de Waal. "Abkhazia and South Ossetia, Spotlight on Georgia", The Foreign Policy Centre.

⁴ Сушенцов, А; Силаев, Н. «Россия и Грузия: что скрывается за красными линиями? К долгосрочной повестке дня российско-грузинских отношений», РСМД, ICCN. 2014, с. 42.

⁵ Федор Лукьянов. «Примирению нет альтернативы», предисловие к докладу Николая Силаева и Андрея Сушенцова «Грузия после выборов и перспективы российско-грузинских отношений», Москва, МГИМО, 2012, с. 2.

⁶ Хаиндрава, И. «Россия и Грузия: в поисках выхода», сборник политических рекомендаций грузинских и российских экспертов, Тбилиси, 2011.

⁷ Примечательно, что по данным этого же исследования, большинство респондентов в то же время считали Россию главной угрозой для Грузии.

задавался таким вопросом: «Почему мы вообще должны что-либо уступать ради диалога с Россией?... Мы же не оккупировали их территории?».¹ По мнению экспертов, рискованность идеи начала переговоров объяснялась еще и тем, что, учитывая неравные силы сторон, Россия имела больше шансов повернуть процесс в свою пользу.²

Кроме оппонентов внутри страны, перспектива диалога между «Грузинской мечтой» и Кремлем вызывала критические взгляды и со стороны Запада. Сомнения Запада усиливало начатое новыми властями уголовное преследование некоторых членов бывшего правительства, что было однозначно расценено на Западе как шаг назад на пути демократизации. Как пишет Линкольн Митчелл, до конца 2013 года в Вашингтоне думали, что смена власти в Грузии произошла по российскому сценарию.³ Со своей стороны, Национальное движение старалось максимально осложнить жизнь новому правительству путем деструктивного вмешательства во внутреннюю политику и саботажа внешней политики.⁴ В отличие от Национального движения, у нового правительства не было налаженных связей и контактов с западными политическими и дипломатическими кругами, не было опыта дипломатии, публичной политики и лоббирования за рубежом для того, чтобы дать западным партнерам ясное представление о себе. Неясности добавляло еще и то, что новый премьер-министр, миллиардер Бидзина Иванишвили построил свою деловую карьеру в России и его появление в грузинской политике было для многих совершенно неожиданным и необъяснимым.

Несмотря на то, что примирить вышеописанные конфликтующие императивы и проводить в жизнь соответствующую политическую стратегию было довольно трудной задачей, требовавшей большой осторожности, «Грузинская мечта» все же решила начать процесс т.н. целенаправленной нормализации отношений с Россией. По мнению Ираклия Менагаришвили, когда в отношениях между странами накоплено столько нерешенных проблем, «нормализовать» эти отношения практически невозможно. Поэтому, эту политику следует называть не «нормализацией», а попыткой вернуть отношения в прагматическое русло.⁵

Попробуем начать с рассмотрения позитивных тенденций этой политики.

В первую очередь, новая политическая команда заметно смягчила и сменила существовавшую до этого оскорбительную, раздражающую и конфронтационную риторику.⁶ В течении месяца после прихода к власти, новое правительство учредило должность специального представителя премьер-министра по вопросам грузино-российских отношений, назначив на этот пост бывшего посла Грузии в странах Бенилюкса и ЕС, а затем в России Зураба Абашидзе. Он подотчетен непосредственно премьер-министру, что говорит о том, какое большое значение придается этому вопросу. Вскоре Россия ответила на тбилисскую инициативу аналогичным образом, введя такой же пост и назначив своим представителем заместителя министра иностранных дел Григория Карасина. В целом, первые сигналы нового грузинского правительства в адрес России после 2012 года были похожи, говоря словами Нила Макфарлейна, на «вздых облегчения». Несмотря на то, что недавняя антироссийская политика Тбилиси не нанесла какого-либо ошутимого вреда России, в Кремле были рады наконец избавиться от сюрпризов Саакашвили. Это могло стать основой для будущих конструктивных отношений между Грузией и Россией.⁷

Потенциальная повестка дня переговоров Абашидзе-Карасин была довольно обширной. Она включала функциональные вопросы (например, экономические и культурные связи, упрощение визового режима), которые не требовали урегулирования разногласий по болезненным политическим проблемам. Однако, существовали и крайне политизированные темы, такие как, в первую очередь, вопрос неприменения силы по отношению к сепаратистским регионам и российская интервенция на этих территориях.

Правительство «Грузинской мечты» отделило экономические и социальные вопросы от политических проблем и вопросов безопасности. Это было экономически оправданное решение, если учесть, что Россия была основным рынком для экспорта грузинской сельскохозяйственной продукции и главным источником дохода от денежных переводов (см. график). В рамках переговоров Абашидзе-Карасин, стороны достигли согласия в том, что территориальные споры не должны мешать прогрессу в других сферах. Как отметил один из грузинских дипломатов, в контексте двухсторонних отношений «они говорят о помидорах, но не об оккупации».⁸

¹ «О чем могут договориться Россия и Грузия?», *Табула*, 2012, <http://www.tabula.ge/ge/story/62984-raze-sheidzleba-shetanxmdnen-ruseti-da-saqartvelo>

² Интервью с Торнике Шарашенидзе, профессором Грузинского института политики, 03.12.2016, Тбилиси.

³ Staff, D. Interview: How has Georgia changed since 2012? 2015, <http://dfwatch.net/interview-how-has-georgia-changed-since-2012-36947>

⁴ См. S. Neil Macfarlane. Two Years of the Dream: Georgian Foreign Policy during the Transition, Research Paper, May 2015.

⁵ Интервью с Ираклием Менагаришвили.

⁶ Brian Whitmore. "Georgias's Changing Russia Policy", *Radio Free Europe/ Radio Liberty*, 29 April 2013.

⁷ Medvedev: Election Results Show That Georgians Want Changes, *Civil.ge*, 2 October 2012.

⁸ News conference of Vladimir Putin, 2012, <http://eng.kremlin.ru/transcripts/4779>

Источник: Национальная статистическая служба Грузии

Результаты были налицо. Россия постепенно сняла торговые барьеры на пути грузинской сельскохозяйственной продукции (главным образом, вина и минеральной воды). По сравнению с предыдущим годом, экспорт грузинской продукции в Россию увеличился на 300%, а в 2016 году Россия заняла третье место в общем внешнеторговом обороте Грузии, в то время, как в 2012 году она занимала всего лишь 11-е место (см. график).

Источник: Национальная статистическая служба Грузии

Необходимо подчеркнуть, что часть экспертов и политологов не видят прямой связи между процессом нормализации отношений и решением Москвы открыть российский рынок для грузинской продукции, поскольку сокращение и устранение торговых ограничений предусматривается правилами Всемирной торговой организации, членом которой Россия является с 2011 года.¹ Эти же эксперты предупреждают, что слабая диверсификация торговых партнеров во внешней торговле Грузии и чрезмерная зависимость грузинской экономики от российского рынка может позволить России вернуть утерянные экономические – а впоследствии и политические – рычаги влияния на Тбилиси.²

Зураб Абашидзе в связи с этим подчеркивает, что, хотя Россия действительно была обязана убрать торговые барьеры, всем хорошо известно, по его словам, насколько последовательно выполняет Москва свои обязательства.

¹ Модебадзе, Т. 2017, <http://factcheck.ge/article/ghvinis-embargo-moikhsna-ara-ivanishvilis-mier-aramed-im-khelshekrulebis-thana-khmad-romelits-chven-amerikelebis-da-shveitsarielebis-dakhmarebith-rusebthan-2012-tsels-gavaphormeth/>

² Какача, К., Минесашвили, С., Кахишвили, Л. «Контекстуальный анализ грузино-российских отношений: потенциальные риски и вызовы процесса «нормализации», Тбилисский государственный университет, ноябрь 2014.

Что касается диверсификации экономических связей, Абашидзе полагает, что в этом вопросе больше позитива, чем рисков: «Если в один прекрасный день они вновь введут эмбарго, это будет болезненно, но не фатально, особенно после того, как открылся рынок Евросоюза».¹

Параллельно с переговорами по восстановлению экономических отношений, со стороны Тбилиси прозвучали и конкретные политические предложения. В первую очередь, речь идет об отказе бойкотировать Сочинскую зимнюю олимпиаду и готовности сотрудничать с Москвой в деле обеспечения безопасности олимпийских игр. Следует отметить, что участие в играх стало вопросом национального достоинства для Грузии. Многие в стране были против участия грузинской сборной в олимпиаде. Их недовольство выросло еще больше после того, как на первом этапе Олимпийских игр проявились определенные возмутительные для грузин факторы.² Несмотря на это, грузинская сторона сумела подтвердить свое партнерство, о чем свидетельствуют множество фактов.³

Участие грузинских спортсменов в Сочинской олимпиаде было фактически первым признаком окончания северокавказской политики. Вслед за этим, сократилось финансирование образовательных программ, дававших студентам с Северного Кавказа возможность получить высшее образование в Грузии. Новые власти решили также не возобновлять работу закрывшегося из-за финансовых проблем телеканала ПИК и стали все чаще отказывать во въезде в Грузию жителям Северного Кавказа. Тбилиси фактически отказался от отдельной северокавказской политики, поместив ее в общий контекст грузино-российских взаимоотношений.

С приходом нового правительства изменился и подход грузинской стороны к оккупированным территориям. Началось обсуждение возможных изменений в законе об оккупированных территориях, министерство по вопросам реинтеграции было преобразовано в аппарат государственного министра по вопросам примирения и гражданского равноправия, в котором начали работу бывшие активисты неправительственных организаций, известные своими либеральными взглядами и пользующиеся определенным доверием в Абхазии и Южной Осетии. В то время, как прежнее правительство старалось вписать конфликты в Абхазии и Южной Осетии в один общий контекст грузино-российского противостояния, новое правительство сделало акцент на проведение отдельной мирной политики с конфликтными регионами и приступило к реализации нескольких проектов, направленных на то, чтобы расширить и облегчить доступ к государственным программам здравоохранения и социального обеспечения для людей, проживающих по ту сторону линии оккупации. В целом, подход нового правительства отличается гораздо меньшей степенью изоляционизма и больше ориентирован на включенность, чем политика его предшественника, часто прибегавшего к давлению, пропаганде и провокациям (например, до сих пор окутаны завесой тайны взрывы в Сухуми, Гали и Цхинвали; виновные так и не были найдены, но после 2012 года подобные случаи прекратились).⁴

Одновременно российская дипломатия перестала продвигать вопрос признания независимости Абхазии и Южной Осетии на международной арене. Во всяком случае, ни одно государство не признало независимость этих территорий после 2012 года. Более того, Тувалу и Вануату денонсировали свои признания независимости этих регионов. На сегодняшний день, перспективы присоединения Южной Осетии к России или к Таможенному союзу также выглядят довольно туманными. Россия примет такое решение тогда, когда посчитает нужным.⁵

Со сменой политики Грузии заметно активизировались культурные, социальные и гуманитарные контакты между Грузией и Россией. В результате успешных переговоров, сторонам удалось договориться об обмене людей, отбывавших тюремные сроки по обвинению в шпионаже. По данным Национальной статистической службы Грузии, число российских туристов увеличилось на 40% и с каждым годом продолжает расти. Между двумя странами возобновились регулярные авиарейсы и движение грузового автотранспорта. Была увеличена пропускная способность пограничного контрольно-пропускного пункта на Военно-грузинской дороге. По данным официальных российских источников, на 25% увеличилось количество граждан Грузии, получивших въездную российскую визу. С конца 2015 года Россия упростила визовый режим для Грузии и не исключила его полное упразднение в будущем. Интересно рассмотреть также изменения в общественном сознании с обеих сторон после 2012 года (см. графики)

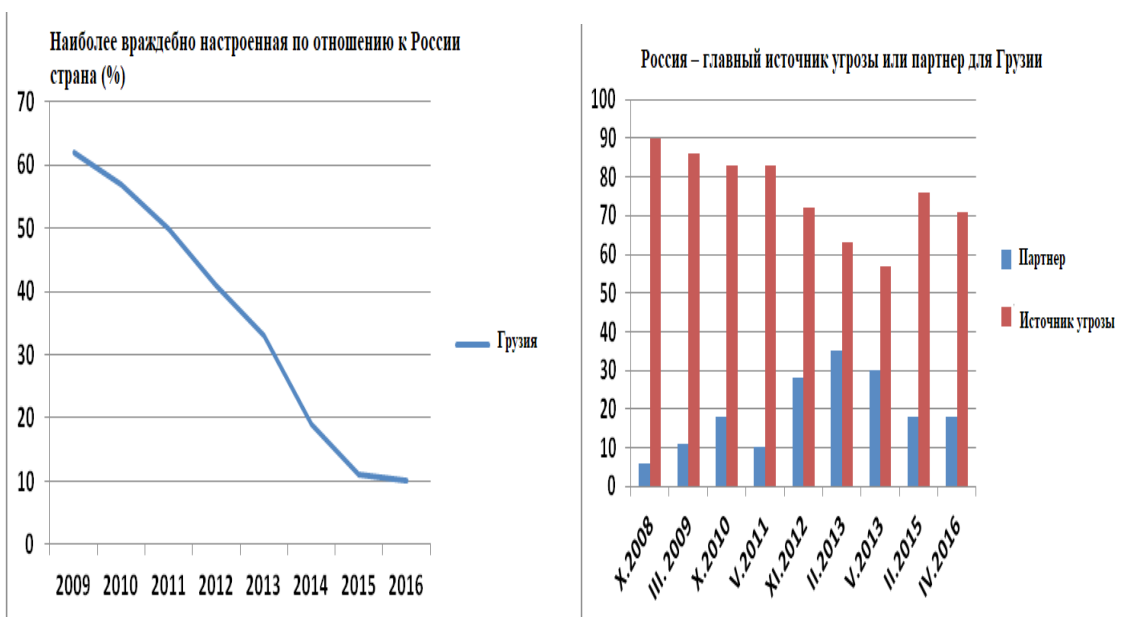
¹ Интервью с Зурабом Абашидзе.

² «Мы не сможем поступиться стабильностью в Европе ради Грузии», *Эксклюзиви/Квирис палитра*, 28 октября 2013.

³ 13 декабря 2013 года в Батуми был задержан уроженец Чечни Юсуп Лакаев, который значился в списке лиц, представлявших потенциальную угрозу для олимпиады, и подозревался в совершении целого ряда политически мотивированных убийств.

⁴ «В результате взрыва в Гали погибли четыре человека», 07.07.2008, <http://www.civil.ge/geo/article.php?id=18721>

⁵ «Владислав Сурков: Мы преодолеем трудности, с которыми Южная Осетия столкнулись в предыдущий период», Информационное агентство РЕС, 4 декабря 2013, www.cominf.org/eng/node/1166500441

Источник: 1) Социологический опрос Левада-Центра, Россия;

2) Опрос общественного мнения в Грузии, проведен Международным республиканским институтом.

Отдельно стоит отметить двусторонние отношения на международном уровне. Выступления и заявления грузинских представителей в международных организациях и на международных форумах стали гораздо менее агрессивными и более сдержанными в отношении России. Политические обозреватели и эксперты относятся к этому по-разному. Например, Корнелий Какачиа считает, что грузинское правительство в определенном смысле отказывается от собственного достоинства, когда воздерживается от более решительной постановки вопроса российской оккупации на международном уровне.¹ С ним согласен бывший секретарь Совета национальной безопасности Гига Бокерия, который вдобавок к этому полагает: «Диалог с Россией создает у Запада впечатление, что имеет место определенный прогресс, хотя на самом деле Россия продолжает шаг за шагом вредить нашей стране».² Противоположного мнения придерживается советник премьер-министра по вопросам внешней политики Тедо Джапаридзе: «Нормализация отношений [с Россией] будет способствовать тому, что наши западные партнеры более активно включатся в решение наших проблем. Это вовсе не означает, что Грузия выпадет из международной повестки дня. Наоборот, этот диалог должен стать более интенсивным и наша проблематика должна быть включена в более широкий и комплексный глобальный контекст...Почти все американские коллеги, включая даже тех, кого в Вашингтоне считают антироссийскими политиками, советуют нам не отказываться от т.н. формата Абашидзе-Карасин».³ В целом, можно сказать, что большинство западных лидеров приветствовали – и продолжают приветствовать – начатую грузинским правительством политику «нормализации». Например, в принятой 23 октября 2013 года резолюции Европарламента говорится, что Европейский Союз поддерживает стремление нынешнего грузинского правительства снизить напряженность с Россией параллельно с сохранением курса на европейскую интеграцию. Несмотря на это, однако, Какачиа отмечает: «Одно дело, что «приятно» европейцам, и совсем другое, что лучше для наших государственных интересов».⁴

В контексте нормализации, следует еще подчеркнуть, что прогресс Грузии на западном направлении, который заключается главным образом в подписании договора об ассоциации с ЕС, не встретил открытого сопротивления или серьезного политического давления со стороны России. Международное сообщество наглядно убедилось в том, что представляет из себя «вмешательство» Кремля на примере Украины и Армении, а в Молдове, отмененное вначале эмбарго было сразу же восстановлено после того, как последняя заключила договор об ассоциации с ЕС. По мнению Зураба Абашидзе, политика нормализации является одним из факторов, объясняющих почему Россия «пощадила» Грузию. Кроме того, они [европейцы] хорошо понимали, что по сравнению с другими странами, Грузия объективно добилась большего прогресса, поэтому в Кремле посчитали излишним прибегать к чрезмерным манипуляциям.⁵

¹ Интервью с Корнелием Какачиа, соучредителем Грузинского института политики, 20.10.2016.

² «Диалог Абашидзе-Карасин противоречит нашим интересам» – Гига Бокерия, 2015, <http://rustavi2.com/ka/news/9875>

³ Интервью с Тедо Джапаридзе, советником премьер-министра Грузии по вопросам внешней политики, *Интерпресс-ньюс*, <http://www.interpressnews.ge/ge/eqskluzivi/417358-vithareba-marthlac-rom-araordinaluria-ufro-metic-egstraordinaluri-msoflio-icvleba-da-es-trampis-gaprezidentobis-gamo-ar-khdeba.html>

⁴ Интервью с Корнелием Какачиа.

⁵ Интервью с Зурабом Абашидзе, специальным представителем премьер-министра по вопросам грузино-российских отношений, 12.12.2016, Тбилиси.

Несмотря на вышеперечисленные положительные результаты, политика нормализации все-таки остается очень ограниченной. В первую очередь, ожидания некоторых грузинских политиков, что прогресс в сравнительно незначительных вопросах с течением времени приведет к полной нормализации отношений, оказались преждевременными.¹ В восприятии Тбилиси Россия по-прежнему относится к Грузии как к своей бывшей колонии, которую рано или поздно необходимо вернуть в сферу российского влияния. Как отмечает философ Заза Пиралишвили, для обладающей (по сравнению с Россией) меньшими политическими ресурсами Грузии, остаться верной своим национальным принципам, с одной стороны, и в тоже время добиться серьезного успеха на пути нормализации отношений с Россией будет тяжелейшей задачей.²

«КРАСНЫЕ ЛИНИИ» ВО ВЗАИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ – ПОЛИТИКА В ТУПИКЕ

После того, как Грузия и Россия постепенно приблизились к т.н. «красным линиям», в процессе нормализации отношений между двумя странами появились признаки стагнации. В конце 2014 года Зураб Абашидзе заявил, что большинство предусмотренных повесткой дня вопросов, иными словами торгово-экономические, гуманитарные и культурные вопросы, уже решены, что говорило о том, что Тбилиси и Москва достигли указанных линий.

Большинство неурегулированных вопросов берут свое начало еще с августа 2008 года. В первую очередь, речь идет об оккупации Абхазии и Южной Осетии и признании их независимости Россией. Высокопоставленные официальные лица Российской Федерации неоднократно заявляли, что Россия не собирается отменять принятое в сентябре 2008 года решение. Об этом говорит и то, что в 2012-2016 годах Россия заключила с этим квази-государственными образованиями целый ряд двухсторонних соглашений, предусматривающих, среди прочего, финансовую помощь и сотрудничество в сфере безопасности, а в утвержденной в 2016 году стратегии национальной безопасности Российской Федерации (которая в этом вопросе практически повторяет положения предыдущего документа) отношениям с этими регионами Грузии отводится еще больший приоритет.³ По словам российского министра иностранных дел Сергея Лаврова, для продолжения процесса нормализации Грузия должна признать то, что Россия считает «новыми реалиями»: «Попытки обусловить продвижение наших политических контактов отказом России от признания существующих реалий, бесперспективны, безрезультативны, контрпродуктивны и ничего не дают».⁴

В свою очередь, бывший министр иностранных дел Грузии Майя Панджикидзе не менее четко заявила, что Грузия никогда не примет выставленное Москвой фундаментальное условие нормализации отношений – признать независимость Абхазии и Южной Осетии и согласится на постоянное российское военное присутствие в этих регионах: «Россия оккупировала 20% грузинской территории. Россия – страна-оккупант. У нее два посольства – одно в Цхинвали, другое в Сухуми, и до тех пор, пока это так, дипломатические отношения с Россией не возобновятся».⁵

Кроме связанных с оккупацией вопросов, в отношениях с Россией Тбилиси очертил еще одну главную «красную черту», которая практически не подлежит обсуждению и не оставляет надежд на какой-либо компромисс. Дело касается суверенного права государства вести независимую внешнюю политику и выбирать альянсы и союзы. Грузинское правительство неоднократно подчеркивало, что наряду с попытками урегулировать отношения с Российской Федерацией, оно не собирается отказываться от тесного сотрудничества с западными институтами и прекращать политику интеграции в НАТО, организацию, которую Москва считает особой угрозой для себя. После смены власти в Тбилиси, постоянный представитель России в НАТО Александр Грушко так прокомментировал эту тему: «Что касается Грузии, я уверен в том, что в НАТО понимают всю серьезность последствий для российско-натовских отношений и европейской безопасности любых шагов по дальнейшему вовлечению Грузии в альянс. Не могут не понимать этого».⁶

Большим препятствием на пути «нормализации» стал совершенно выпадающий из логики «нормализации» т.н. процесс «бордеризации», то есть установка заграждений из колючей проволоки вдоль административной линии разделения в Южной Осетии. Несмотря на то, что решение о «демаркации границы» было принято еще в 2009 году, ко всеобщему удивлению этот процесс активизировался в самое неподходящее время – в период попыток наладить отношения между двумя странами. Грузинская общественность отреагировала на этот факт с возмущением и даже поставила под сомнение целесообразность самой политики нормализации. По мнению Пааты Закареишвили, Москву беспокоит политика нового грузинского правительства в отношении Цхинвальского региона и она пытается «изолировать» Южную Осетию, жители которой в последнее время все чаще стали переходить на контролируемую Грузией территорию.⁷ Другие эксперты, например, Мамука Арешидзе считают, что таков вообще стиль Кремля,

¹ Georgian Defence Minister Irakli Alasania: "We Need to Outsmart Russia", *Radio Free Europe/Radio Liberty*, 27 April 2013.

² Интервью с Зазой Пиралишвили, философом, профессором Тбилисского государственного университета, 29.12.2016, Тбилиси.

³ Михаил Джанелидзе. «Создание объединенной абхазо-российской группировки вооруженных сил нарушает условия соглашения 2008 года», 2016, <http://www.interpressnews.ge/ge/politika/404980-mikheil-janelidze-afkhazethisa-da-rusetthis-sheiarqhebuli-dzalebis-gaerthianebuli-dajgufebis-sheqmni-th-irghveva-2008-tslis-shethankhmebis-pirobebi.html?ar=A>

⁴ Вступление и ответы на вопросы СМИ МИД России, Сергей Лавров, 21 января 2014, http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/79890

⁵ New FM: No Diplomatic Ties with Moscow as Long as It Has Embassies in Tskhinvali, Sokhumi, *Civil.ge*, 26 October 2012.

⁶ Russian Diplomat on Georgia's NATO Integration, *Civil.ge*, 30 November 2012.

⁷ Интервью с Паатой Закареишвили, государственным министром по вопросам примирения и гражданского равноправия с 2012 по 2016 годы, 14.12.2016, Тбилиси.

которого совершенно не волнуют интересы Грузии, главное для него – завершить начатый проект. Россию на данном этапе удовлетворяет сложившееся в Грузии статус-кво, и поэтому она не собирается прилагать особых усилий для нормализации отношений с Тбилиси.¹ Отсутствие заинтересованности России в урегулировании ситуации в конфликтных регионах проявляется еще и в том, что задержания грузинских граждан по обвинению в «незаконном пересечении государственной границы» в Цхинвальском регионе не прекратились и после 2012 года и продолжают-ся до настоящего времени.²

Неустойчивые и трудно прогнозируемые экономические связи также мешают стабильному развитию отношений между Тбилиси и Москвой. На фоне сближения Грузии с Евросоюзом, примерно через два года после снятия эмбарго, главная санитарная инспекция Российской Федерации вновь заявила о несоответствии грузинского вина необходимым стандартам и о возможном аннулировании утвержденного в 1994 году проекта договора о зоне свободной торговли. По словам главы МИД России Сергея Лаврова, Россия будет наблюдать за развитием событий и будет действовать соответствующим образом.

Нет также никаких оснований предполагать, что, исходя из контекста «нормализации», Россия, образно говоря, дала «зеленый свет» Грузии на пути евроатлантической интеграции. В первую очередь, следует отметить, что именно в те дни, когда в Вильнюсе проходил саммит «Восточного партнерства», Москва активизировала сотрудничество с сепаратистскими режимами Абхазии и Южной Осетии, что было воспринято в Тбилиси как проявление политики аннексии. Кроме того, подписание Соглашения об ассоциации Грузии с Евросоюзом и Соглашения о глубокой и всеобъемлющей зоне свободной торговли,³ реальные шаги в направлении визовой либерализации с ЕС, открытие учебного центра НАТО в Крцаниси и т.д. были обусловлены не «доброй волей» Москвы, а тем, что внимание России в этот период было занято другими вопросами. Как отмечает Ник Макфарлейн, украинский кризис (и возможно события в Сирии) освободили стратегическое пространство для сближения Грузии с Западом, поскольку Россия в это время была занята другим. Кроме того, Россия уверена, что перспектива вхождения Грузии в НАТО отложена на очень долгое время, а сближение Грузии с Евросоюзом, как говорит Зураб Абашидзе, не пойдет дальше визовой либерализации.⁴ Не исключено, что именно противодействие Москвы процессу Восточного Партнерства и применение ею силы в ближнем зарубежье⁵ побудило Евросоюз расширить сотрудничество с Грузией. По словам Корнелия Какачиа, если бы Евросоюз ответил Грузии отказом, это подорвало бы сами основы восточной политики – Евросоюз должен был продемонстрировать успех своей политики (эта идея заложена и в стратегии безопасности ЕС 2016 года, в которой политика расширения признана успешной).⁶ Кроме того, как говорит специальный представитель премьер-министра по вопросам грузино-российских отношений, из шести стран участниц «Восточного партнерства», Грузия, в сущности, единственное государство, которое Евросоюз может привести в качестве успешного примера, и Россия тоже это хорошо понимает.⁷ Возможно, этот фактор также сыграл свою роль в том, что Запад более терпимо отнесся к уголовному преследованию членов бывшего правительства, которое, как считалось, могло испортить отношения между сторонами в этот период.

Однако, главный конфликт между Грузией и Россией касается все же ценностных ориентаций. У России недостаточно идеологических и, в определенном смысле, мировоззренческих ресурсов, как дополнения к имеющимся политическим и экономическим ресурсам, чтобы стать центром притяжения для грузинской общественной элиты, хотя бы в рамках Евразийского экономического союза. Поэтому и, особенно, из-за несовместимости вышеприведенных политических интересов, любая попытка сближения или урегулирования отношений с Россией все еще вызывает в обществе страх и негативные чувства. Возможно по этой причине, почти полгода до парламентских выборов 2016 года не проводились встречи Абашидзе-Карасин, а в правительственных кругах стали заметно меньше говорить о необходимости налаживания отношений с Россией (следующая встреча Абашидзе-Карасин состоялась только 19 октября 2016 года, спустя 10 дней после выборов).

АКТИВИЗАЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ: РИСКИ И РЕАЛИИ

После 2012 года в Грузии стали все чаще говорить об активизации т.н. «мягкой силы» России. На эту тему было написано немало статей и публикаций, были организованы конференции и дискуссии. С одной стороны, это имело определенную внутривнутриполитическую подоплеку, давая возможность оппонентам обвинить новое правительство в

¹ Интервью с Мамукой Арешидзе, руководителем Кавказского центра стратегических исследований, 24.12.2016.

² Задержанные российскими оккупационными силами грузинские граждане, 2009-2015, 2016, <https://idfi.ge/ge/georgian-citizens-detained-by-russian-occupational-troops-in-2015>

³ Соглашение о глубокой и всеобъемлющей зоне свободной торговли между Евросоюзом и Грузией было подписано в июле 2013 года.

⁴ Интервью с Зурабом Абашидзе, специальным представителем премьер-министра Грузии по вопросам грузино-российских отношений, 12.12.2016, Тбилиси.

⁵ David Cadier, Eurasian Economic Union and Eastern Partnership: the End of the EU-Russia Entente, 27.06.2014. <http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/pdf/SR019/SR019-Cadier.pdf>

⁶ Интервью с Корнелием Какачиа.

⁷ Интервью с Зурабом Абашидзе, специальным представителем премьер-министра Грузии по вопросам грузино-российских отношений, 12.12.2016, Тбилиси.

потакании пророссийским силам и еще раз напомнить об истинных намерениях Кремля на фоне процесса «нормализации». С другой стороны, проявления российской «мягкой силы» действительно имели определенные объективные параметры и направления.

Некоторые грузинские политики признают, что активизация «мягкой силы» Москвы несет в себе определенную опасность. Например, Давид Дарчиашвили считает, что «по сравнению с прошлыми, традиционными путями, Россия сегодня пытается действовать более умными методами, чтобы покорить Грузию».¹ «Стратегия умных методов» хорошо описана в статье директора Московского Центра Карнеги Дмитрия Тренина. По его словам, политика санкций в отношении Грузии себя не оправдала и, как следствие, «Грузия все больше отдаляется от России – не только политически, но и культурно». Расчет на то, что через несколько лет грузины «одумаются» может оказаться ошибочным. Поэтому, «настало время изменить подход к грузинской проблеме». Вместо того, чтобы продолжать делать грузинский народ невольным заложником отношения российского руководства к Тбилиси, нужно повысить привлекательность России в глазах грузинского общества. Иными словами, «жесткую силу» следует поменять на «мягкую».²

Проявление «мягкой силы» России можно увидеть в деятельности различных общественно-образовательных организаций, число которых заметно выросло после 2012 года, предлагающих бесплатные курсы русского языка, организующих дни русской культуры и занимающихся популяризацией России в целом. Более широкий спектр проявлений «мягкой силы» можно наблюдать в СМИ и в информационном пространстве. Здесь можно выделить несколько направлений. Например, русскоязычные телеканалы в Грузии, российская пропаганда на грузинских телеканалах, печатные издания и т.д. По оценкам Торнике Шарашенидзе, некоторые газеты, издающиеся не таким уж малым тиражом, открыто занимаются пророссийской агитацией и пропитаны антизападной и антиамериканской пропагандой, и к тому же явно поощряют радикальные и националистические настроения.³

Кроме информационного пространства, определенным проявлением российской интерпретации «мягкой силы» можно считать, если можно так выразиться, неофициальное, параллельное отношение Кремля к Грузии, которое нашло свое отражение во многих заявлениях российских лидеров. Например, еще в 2009 году, спустя год после признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, на праздновании дня рождения бывшего премьер-министра Российской Федерации Евгения Примакова (который родом из Тбилиси), в присутствии многих известных грузинских гостей, приглашенный на праздник Владимир Путин в своем тосте пожелал Грузии воссоединения.

«Нет тех вопросов, которые мы не можем решить... Вопрос воссоединения Грузии решаемый» – заявил он, добавив, что рассчитывает на то, что все сказанное им выйдет за пределы этого зала.⁴

Этим заявлением российский лидер хотел, с одной стороны, показать всем, в том числе Западу, что настроен «конструктивно» по отношению к Грузии и готов к диалогу, но, в тоже время, дал понять, что он может все и что Грузия должна это учитывать. Такое отношение хорошо прослеживается и в неоднократных заявлениях российских официальных лиц о том, что «несмотря ни на что, в России по-прежнему любят грузинский народ», «у России есть проблемы с грузинским руководством, но не с грузинским народом» и т.д.

Очередной попыткой показать привлекательность «российской альтернативы» в политическом аспекте можно считать заявление Владимира Путина, за день до опубликования заключения Еврокомиссии о выполнении Грузией плана действий по визовой либерализации, о готовности России отменить визовый режим с Грузией. За словами последовали практические шаги. Российское внешнеполитическое ведомство подтвердило, что с 23 декабря 2015 года вступают в силу новые, облегченные визовые правила для граждан Грузии и не исключило, что впоследствии визовый режим может быть полностью упразднен. По мнению Корнелия Какачиа, с которым согласны многие другие политологи, это решение Кремля можно считать контраргументом России на визовый диалог между Тбилиси и Брюсселем, с помощью которого Москва пытается в определенной степени конкурировать с Западом и повысить привлекательность России в глазах грузинских граждан на фоне усиливающейся евроатлантической интеграции.⁵ Зураб Абашидзе полагает, что Кремль может действительно принять такое решение в ближайшем будущем потому, что будет не совсем понятно и даже неудобно если жители Грузии начнут ездить в Европу без виз, а для посещения России им будет по-прежнему требоваться виза.⁶

Несмотря на определенные попытки в политической сфере, России все еще крайне трудно конкурировать с Западом в т.н. области «выбора ценностей», особенно когда дело касается молодого грузинского поколения. Как отмечает российский политолог Вячеслав Никонов, у России нет идеологии, которую она могла бы предложить миру.⁷ Несмотря на это, Россия стремится построить независимую идейную ось, основным постулат которой заключается в противостоянии и альтернативности Западу. Лилия Шевцова так определяет эту доктрину: «Она производит впечатление сборной солянки, в которую повар бросил, не глядя, несочетаемые ингредиенты: советизм, национализм, империализм, православный фундаментализм... Он [Путин] бросил ему [Западу] вызов, заявив, что ведомая им рос-

¹ Интервью с Давидом Дарчиашвили, <http://www.tabula.ge/ge/story/76875-rbili-udzljureba>

² Дмитрий Тренин, «Включить мягкую силу», Московский Центр Карнеги, 09.08.2010. www.carnegie.ru/publications/?fa=41353

³ Интервью с Торнике Шарашенидзе, политологом, членом правления Института изучения России, 03.12.2016, Тбилиси.

⁴ «Путин сказал, что нам все вернут!» (2009) www.gazeta.ru/column/rynska/3287611.shtml

⁵ Интервью с Корнелием Какачиа.

⁶ Интервью с Зурабом Абашидзе.

⁷ Вячеслав Никонов, Россия и мир: консерватизм в российской внешней политике, Тетради по консерватизму №1, 2014.

сийская цивилизация берет на себя возрождение утраченных Западом христианских ценностей. Причем речь идет не только о том, что Россия становится оплотом морально-нравственных норм. Путин собирается сделать постсоветское пространство «самостоятельным центром глобального развития». Короче, Путин проинформировал мир, что ведомая им Россия становится *Анти-Западом*, т.е. противовесом и оппонентом либеральных демократий».¹

Необходимо отметить, что несколько таких «идеологических посланий» достигли и Грузии, найдя опору и поддержку в определенной части общества. Например, в одном из номеров национально-православного журнала «Квакутхеда» мы читаем, что российская агрессия 2008 года была «кнутом Божьим», карой за сближение с Западом, и автор выражает надежду, что если на протяжении столетий Господь не допустил полноценной интеграции Грузии с Западом, то не допустит этого и сейчас.²

Отдельного изучения заслуживают связи между церквями двух стран. На фоне плохих, по любым меркам, межгосударственных отношений, русская и грузинская православные церкви сохраняют между собой налаженные, подчеркнута уважительные отношения, в основе которых лежит не только общая вера, но и общие политические интересы.³ В контексте этой темы нужно рассматривать и заявление Одесского митрополита, в котором хорошо отражается политическое измерение русской православной церкви. В заявлении речь идет о борьбе против мирового масонства и о необходимости поиска союзников в этой борьбе в тех странах, организациях или общественных структурах, которые будут готовы поддержать новую политику России.⁴

Проведенный в августе 2015 года опрос общественного мнения о внешнеполитических приоритетах Грузии вызвал особую озабоченность т.н. прозападной элиты Грузии (надо сказать, что очень многие критически относятся к методике таких опросов). По данным опроса, 28% респондентов высказались за вступление Грузии в Евразийский экономический союз – в 2013 году лишь 11% поддержали эту идею. Если в 2014 году евроатлантическую интеграцию одобряли 54% опрошенных, то в 2015 году их число сократилось до 45%.⁵ Хотя в последующий период прозападные настроения вновь усилились, важно отметить, что эти опросы не проводились в регионах компактного проживания национальных меньшинств.

В подготовленном грузинскими экспертами отчете о проявлениях «жесткой» и «мягкой» силы России в Грузии говорится, что на фоне активизации российской политики, у грузинского правительства нет четкого видения и стратегии действий по борьбе с российской пропагандистской машиной. По их словам, правительство либо вообще не осознает возможные риски, исходящие от российских информационных потоков, либо сознательно закрывает на них глаза, чтобы не вызвать раздражение Москвы и не спровоцировать блокирование продолжающегося в других отношениях диалога, что вряд ли можно считать оправданным компромиссом.⁶

Те, кто не согласен с такими оценками, выдвигают несколько контраргументов. Во-первых, было бы неправильно обвинять только российскую сторону в одновременном росте пророссийских и антизападных настроений в грузинском обществе. Справедливости ради, следует отметить, что многие в Грузии все еще испытывают ностальгию по советской жизни и в тоже время «опасаются» Запада, что нельзя объяснить только «происками» Москвы. Исходя из самого характера «мягкой силы», часто трудно провести четкую грань между пропагандой и естественным «внедрением» культурного влияния соседнего государства. Это особенно справедливо с учетом того, что Грузия очень сильно «срослась» с огромным социально-культурным пространством России, причем здесь имеются в виду не только старые, историческими связи, но и сегодняшней день, несмотря на напряженные политические отношения.

В заключение следует сказать, что обсуждение российской «мягкой силы» в грузинских СМИ и в политических кругах иногда переходит границу и чрезмерно сгущает краски, и нередко принимает форму истерики и паранойи, которой отличалось Национальное движение в последние годы своего правления. По мнению Мамуки Арешидзе, о чрезмерной активизации российской «мягкой силы» можно было говорить в 2013-2014 годах, но впоследствии этот процесс замедлился и угас.⁷ Даже если допустить, что в росте пророссийских настроений в грузинском обществе замешана «рука Москвы», если смотреть на вещи реально, в политическом ландшафте современной Грузии нет явно выраженной т.н. пророссийской силы (хотя заметен рост антизападных сил), а если и есть, то она крайне маргинализована. Явным подтверждением этому стали итоги парламентских выборов 2016 года.

ЧТО ЕЩЕ МОЖЕТ ПРОИЗОЙТИ В РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ?

Оценивая начатую грузинским правительством в конце 2012 года политику «перезагрузки» отношений с Россией можно сказать, что, хотя эта инициатива и была изначально ограничена по масштабам, она необходима. Главный итог этого диалога состоит в том, что удалось сбить вышедший за все мыслимые рамки и пределы эмоционально-ис-

¹ Шевцова Л. «Валдайская доктрина Путина», *Ежедневный журнал*, 23 сентября 2013, <http://www.ej.ru/?a=note&id=23280>

² Национально-православный журнал Квакутхеда, №8(27), сентябрь.

³ Хаиндрава, И. «В поисках новых путей развития грузино-российских отношений».

⁴ Николай Митрохин. «Искушение кесаря: русская православная церковь как политическая партия», журнал *Выбор*, №3-4, июнь-июль 2006.

⁵ «Общественные настроения в Грузии: август 2015», опрос провел ресурс-центр Кавказских исследований по заказу NDI, https://www.ndi.org/files/NDI_August_2015_Survey_public%20Political_ENG_vf.pdf

⁶ «Опасность жесткой и мягкой силы России в Грузии», 2016, с. 19, <http://www.ei-lat.ge/images/doc/rusetis%20bilibi%20da%20xisti%20safrtxeebi%20saqartveloshi.pdf>

⁷ Интервью с Мамукой Арешидзе.

терический заряд, снизить напряженность и создать предпосылки для более конструктивных и последовательных взаимоотношений.

Можно много говорить о, так сказать, ограниченном пространстве для отношений. В первую очередь, совершенно очевидно, что интересы сторон настолько разнятся, что решить эту проблему в узком формате грузино-российских встреч в каком-нибудь «уютном» европейском городе вряд ли возможно. С высоты сегодняшнего дня можно утверждать, что «заполнить пропасть» получится лишь в том случае, если обе стороны кардинально пересмотрят свои основные приоритеты и подходы. Однако, сегодня ни одна из сторон к этому не готова.

Также следует сказать, что для Грузии пересмотр «основных приоритетов» подразумевает отказ от территориальной целостности и значительной части своего суверенитета, а для России – сдерживание ее империалистических амбиций. Достигнутый к концу 2016 года уровень «нормализации», судя по всему, вполне устраивает Кремль и, предположительно, он не будет спешить с принятием более широких ответных шагов (как уже было показано, по сравнению со стремлением Тбилиси добиться «нормализации» отношений, ответ Москвы носит значительно более вялый характер). В грузино-российской конфронтации практически нет места для какой-либо договоренности. В таких обстоятельствах вполне справедливым можно считать мнение российского политолога Николая Силаева о том, что Москве не нужно идти на уступки ради того, чтобы Грузия оказалась от членства в НАТО, поскольку перспектива такого членства пока еще очень туманна. Кроме того, Грузия не имеет возможности создать России такие масштабные трудности (или предложить такую выгоду), которые могут заставить Москву пересмотреть свою позицию, например, в отношении оккупированных территорий.¹ Еще одной проблемой выяснения отношений является, предположительно, то, что Тбилиси не имеет ясного представления о том, чем «отплатит» Россия, если Грузия согласится, например, вступить в Евразийский экономический союз и скорректировать свой внешнеполитический курс.

Необходимо отметить, что при желании продолжать процесс «нормализации», Москва может предпринять шаги, способные доказать ее добрую волю, не требуя, при этом, с ее стороны каких-либо неприемлемых для нее в нынешних условиях действий (деокупация или денонсация признания независимости Абхазии и Южной Осетии). В первую очередь, это может быть давно обещанная, но затем преданная забвению отмена визового режима для граждан Грузии. По мнению Ираклия Менагаришвили, Москва будет до последнего ждать пока барометр политической погоды в Тбилиси не повернется в ее пользу с тем, чтобы «продать» это решение «доброй воли» как можно дороже.² Москва может также дать согласие на возвращение миссий ОБСЕ и ООН в Грузию, на продление которых она в свое время наложила вето. По словам Серги Капанадзе, каждый год, в декабре, проводится заседание Совета министров ОБСЕ, и восстановление миссии ОБСЕ в Грузии вполне возможно,³ если стороны согласятся на нейтральный в отношении статуса подход.⁴ При наличии политической воли стороны могут также договориться о расширении миссии наблюдателей Евросоюза на территорию Цхинвальского региона и Абхазию, а также о размещении международных наблюдателей на реке Псоу и у Рокского тоннеля, согласно договоренности между Грузией и Россией во время переговоров о вступлении России во Всемирную торговую организацию. Корнелий Какачиа считает, что еще одним жестом «доброй воли» могло бы стать разрешение грузинам посещать могилы своих родственников и членов семьи в Абхазии хотя бы раз или два в год.⁵

В ответ на такие шаги Москвы грузинское правительство сможет смело продолжать политику «нормализации» таким образом, что ему не придется касаться «красных линий». Это может быть, например, сотрудничество в борьбе против политического ислама. По словам Мамуки Арешидзе, «Если кто-то думает, что радикализация ислама закончится с поражением ISIS, то они жестоко заблуждаются. Это постоянная тема и она очень беспокоит Россию».⁶ Грузия может также сделать более либеральным закон об оккупированных территориях. Огромный потенциал и у развития экономического сотрудничества. При осторожном и осмотрительном отношении оно сможет и дальше развиваться и расширяться.

Встречи представителей российских и грузинских академических кругов, образовательные и научные проекты по изучению двухсторонних отношений, продолжение официальных переговоров, которые после парламентских выборов 2016 года остаются одним из приоритетов для Тбилиси, – такие мероприятия могут помочь сторонам лучше узнать друг друга и максимально точно и объективно оценивать ситуацию.

¹ Сушенцов, А; Силаев, Н. «Россия и Грузия: что скрывается за красными линиями? К долгосрочной повестке дня российско-грузинских отношений», РСМД, ICCN, 2014, с. 63.

² Интервью с Ираклием Менагаришвили.

³ «О чем могут договориться Россия и Грузия?», Табула, 2012, <http://www.tabula.ge/ge/story/62984-raze-sheidzleba-shetanxmdnen-ruseti-da-saqartvelo>

⁴ Данный подход подразумевает, что стороны откладывают в сторону вопрос статуса Абхазии и Южной Осетии, оставляя его в «нейтральном положении», в ходе урегулирования отношений друг с другом. Этот принцип лежит в основе грузино-российского соглашения 2011 года о вступлении во Всемирную торговую организацию, рабочих групп Женевских переговоров, Механизма предотвращения и реагирования на инциденты и т.д.

⁵ Интервью с Корнелием Какачиа.

⁶ Интервью с Мамукой Арешидзе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор 25 лет грузино-российских отношений фактически является обзором истории Грузии в период независимости. Россия была главной темой и главным вызовом, во многом определившим становление грузинской государственности и, в определенном смысле, национальной идентичности. Кроме того, Россия фигурировала практически во всех наиболее значимых событиях, имевших место в Грузии за последние четверть века.

Для грузинской политической элиты отношения с Россией не означают отношений только с государством Российской Федерация. Большую роль здесь играет также отношение к советскому прошлому – как анализирует и оценивает его современное грузинское общество. В этом вопросе проявляются также политические пристрастия, фундаментальные ценности, а также восприятие независимости, демократии, национальной идеи, степени свободы и т.д. Кроме того, отношения с Россией – это огромный политический опыт и импульс роста государственного мышления для находящегося еще в стадии формирования молодого грузинского государства. Говоря словами известного грузинского философа Мераба Мамардашвили, Россия – это непосильное бремя, камнем висящее на шее Грузии. Значительную роль в отношении грузинского общества к России до сих пор играет сохранившаяся с прошлых столетий двойственность. Речь здесь идет о том, что в Грузии Россия воспринимается, с одной стороны, как спаситель грузинского этноса и объединитель Грузии, и, в то же время, как страна, растоптавшая суверенитет грузинского государства и подорвавшая национальную самобытность грузинского народа. Можно провести аналогичную параллель и с советским периодом. В советское время грузинская культура действительно испытала настоящий подъем, но, с другой стороны, в это же время у грузин постепенно деградировали качества, необходимые для строительства независимого государства. Сегодня эта двойственность выражается немного по-другому: с одной стороны, с Россией необходимо поддерживать добрососедские отношения, экономические связи и сотрудничество; с другой стороны, Грузия вынуждена «держаться подальше» от Кремля и проводить очень осторожную политику. Эта дихотомия «заклятых друзей» (frienemy)¹ нашла наглядное подтверждение в результатах проведенного в 2015 году в Грузии опроса общественного мнения. Почти 70% опрошенных включили диалог с Россией в перечень главных приоритетов и примерно столько же респондентов (76%) назвали Россию главной угрозой для Грузии.²

С 1991 по 2016 год политика Грузии в отношениях с Россией прошла через несколько этапов, примерно совпадающих с периодом правления четырех правящих режимов, сменявших друг друга в Грузии на этом отрезке истории. При этом, с каждым следующим правительством, изменение политики демонстрировало почти одинаковую динамику. Например, радикальная политика Звиада Гамсахурдиа и политика революционного национализма Михаила Саакашвили была намного более жесткой и конфронтационной, чем политика балансирования Эдуарда Шеварднадзе и политика умеренного прагматизма «Грузинской мечты». Необходимо отметить, что на протяжении этих 25 лет Грузия пепепробовала практически все возможные подходы в отношениях с Россией, начиная с предельной конфронтации до стратегии примыкания (вступление Грузии в СНГ многие оценивали как капитуляцию).

В отличие от Тбилиси, политика Кремля в отношении Грузии всегда была гораздо более однородной. Москва практически никогда не изменяла своей позиции, которую Эдуард Шеварднадзе охарактеризовал следующим образом: «Российское руководство полагает, что интересы России должны быть приоритетом для бывших советских республик и они должны ставить их выше собственных национальных интересов». Россия всегда придавала – и продолжает придавать – огромное значение любым вопросам, связанным с ее силой и могуществом, величием и престижем. Именно по этой причине, возможно, она часто относится к другим, особенно малым, странам, так сказать, асимметрично, не как к равным партнерам.

При реальном желании вывести грузино-российские отношения из тупика, Россия должна в первую очередь пересмотреть свое стремление к безусловному доминированию над соседними странами и строить отношения с ними на основе взаимоуважения и сотрудничества. Со своей стороны, Грузия должна доказывать свою принципиальность не только грозными заявлениями и эмоциональной риторикой, а помощью более зрелого государственного мышления и осмысленной приверженности главным идеалам – свободе, независимости и демократии. Тогда и Россия будет относиться к Грузии гораздо серьезнее.

¹ Frienemy (англ) или «заклятые друзья» – это люди, которые поддерживают близкие отношения друг с другом несмотря на фундаментальные разногласия или даже вражду. Термин применяется для определения личных, геополитических и деловых отношений.

² Опрос был проведен Международным республиканским институтом (IRI), http://www.iri.org/sites/default/files/wysiwyg/iri_georgia_public_2015_final_0.pdf

ЮЛИЯ НИКИТИНА

**РОССИЙСКАЯ КАРТИНА МИРА В ОТНОШЕНИЯХ
С ГРУЗИЕЙ: ГЛОБАЛЬНАЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ И
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОГИКИ**

Взгляд из России

ВВЕДЕНИЕ

Подведение итогов отношений за определенный период предполагает выявление этапов и основных тенденций этих отношений. Можно выделить разные подходы к периодизации отношений России и Грузии после распада СССР. Даже в русскоязычной литературе чаще можно встретить подходы, описывающие двусторонние отношения с точки зрения логики внутригрузинских процессов:¹

1) Попытка восстановления государственной независимости Грузии путем переговоров с руководством Советского Союза (с конца 1980-х до 1991 года).

2) Восстановление независимости и конфронтация с Россией (1991-1993).

3) Попытка восстановления территориальной целостности страны посредством России (1994-1998).

4) Политика лавирования между Россией и Западом (1998-2003).

5) «Революция роз» и попытка интеграции с Западом (2003-2008).²

Еще одна периодизация, уже с учетом политики самой России:³

1) Становление государственности с жесткой конкуренцией элит (конец 1980-х – 1992).

2) Установление связей Грузии с НАТО и резкое изменение политики России в сторону сохранения территориальной целостности постсоветских государств, а также поощрение вхождения Грузии в СНГ (1994-2003).

3) Укрепление государственного суверенитета Грузии и новый этап усиления позиций России на международной арене (2003-2008).

В российской литературе присутствуют две группы работ: это либо попытки осмыслить политику России по отношению ко всему постсоветскому пространству или его отдельным субрегионам (Южный Кавказ, Центральная Азия, европейская часть СНГ), либо описание двусторонних отношений со странами постсоветского пространства с периодизацией на основе смены элит или внешнеполитического курса страны-партнера России. В этой связи в данной работе предлагается посмотреть на итоги 25-летия отношений России и Грузии на основе периодизации, которая, прежде всего, учитывает логику развития внешнеполитической стратегии самой Российской Федерации.

Предлагаемая здесь периодизация внешней политики России включает следующие этапы:

1) Период «неполного суверенитета»: по отношению к странам постсоветского пространства – декабрь 1991 – вторая половина 1993 года; по отношению к странам Запада – до 1996 года.

2) Период строительства государства и нации, исходя из приоритета национальных интересов России, но по правилам мирового порядка, провозглашаемым странами Запада (но по мнению России, не соблюдаемым самим Западом) – с 1996 по 2007 год.

3) Период строительства «суверенной демократии» и игра согласно собственной российской интерпретации западных правил мирового порядка – с 2007 год по настоящее время.

Чтобы понять отношения России с Грузией, необходимо выявить логику российского внешнеполитического поведения, которая, в свою очередь, зависит, в том числе, и от развития самой России как независимого государства после 1991 года. При этом логику внешнеполитического поведения целесообразно анализировать на нескольких уровнях: 1) уровень личных отношений между главами государств; 2) уровень внутривнутриполитического контекста формирования внешней политики; 3) уровень внешнеполитического контекста формирования внешней политики с подразделением на глобальный и региональный уровни. Необходимо понимать, что региональный уровень – постсоветское пространство – является для России производным от ее самопозиционирования на глобальном уровне и отношений с великими державами и региональными организациями (НАТО и ЕС), а в некоторых случаях региональный уровень является производным от национальных процессов.

Российская внешняя политика может показаться внешним, особенно западным наблюдателям, либо непредсказуемой (неожиданные для Запада конфликт с Грузией 2008 года и присоединение Крыма в 2014 году), либо же, напротив, очень предсказуемой, если изначально считать политику Кремля в регионе неоимперской и захватнической. Для понимания основных постулатов внешней политики России и их эволюции, необходимо обратить внимание на официальные документы (Концепции внешней политики; ежегодные Обзоры внешнеполитической и дипломатической деятельности, публикуемые МИДом России с 2007 года), статьи министров иностранных дел и выступления президентов России. Основная цель как для российской, так и для грузинской части исследования – проследить изменения в официальном дискурсе, увязав эти изменения с этапами развития каждой страны в целом.

¹ Мацаберидзе М. Россия и Грузия в постсоветский период: метаморфозы отношений // Центральная Азия и Кавказ, 2008, №5(59), сс.169-174.

² Эта статья, как и следующая статья З.Бежанишвили, опубликованы в 2008 году, поэтому периодизация приведена только до 2008 года.

³ Бежанишвили З. Р. Между конфликтами и партнерством: современное развитие российско-грузинских отношений // полис, №4, 2008, сс. 163-173.

Глава 1. ПЕРИОД «НЕПОЛНОГО СУВЕРЕНИТЕТА» (1991-1996)

ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЙ УРОВЕНЬ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГРУЗИИ

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ОФИЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГОДОВ

Становление российской внешней политики определялось, прежде всего, факторами внутривнутриполитического и внутриэкономического развития страны.

В 1990-х годах активную внешнеполитическую позицию занимал российский Парламент, прежде всего, Государственная Дума, которая использовала именно внешнеполитические темы для демонстрации несогласия с Президентом Ельциным или же для набора очков во внутривнутриполитической борьбе. Взаимоотношения с Грузией оказались одной из таких тем, которые попали в зону внимания парламентариев – подписанный в 1994 году российско-грузинский договор так и не был ратифицирован.

В период до конца 1993 года российскую внешнюю политику едва ли можно было назвать скоординированной.¹ Последнее предложение Концепции внешней политики 1993 года звучит следующим образом: «В идеале интересам страны отвечала бы выработка максимально широкого консенсуса в отношении принципиальных выборов внешней политики». Как пишет Д.Балуев, вряд ли внешнюю политику даже после 1993 года можно назвать реалистической, потому что реализм как теория международных отношений предполагает, что государство является монолитным, унитарным актором в международных отношениях, но в России того периода не было консенсуса даже по поводу понятия «национальный интерес».²

Первый период внешней политики России можно назвать периодом «неполного суверенитета», что, помимо прочего выражалось и в продолжении процессов децентрализации, а именно в усилении роли российских регионов во внутренней политике страны. Регионы продолжали следовать ельцинскому принципу «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», а федеральные власти учитывали эти аспекты в официальных документах. Так, в Концепции внешней политики 1993 года указано, что «субъекты Федерации являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений, если это не противоречит Конституции РФ и федеральным законам», а российская внешняя политика основывается на учете интересов как Федерации в целом, так и ее отдельных субъектов. Эти идеи содержались в преамбуле Концепции. В последующих версиях документа упоминание российских регионов исчезло из преамбулы.

В разделе по глобальному уровню внешней политики России было указано, что на первом этапе для России было важно иметь благоприятный внешнеполитический контекст для развития демократических институтов. В Концепции внешней политики 1993 года закреплено, что для судеб российских реформ и обеспечения «нормального существования россиян» необходимо развитие экономических связей, урегулирование конфликтов и достижение стабильности как предпосылка для осуществления внешней политики России в «дальнем зарубежье». То есть региональный контекст развития России и ее отношения с соседями создают среду для формирования внешней политики России по отношению к странам Запада, в том числе.

ЭТАП «НЕПОЛНОГО СУВЕРЕНИТЕТА»

Представляется, что описание российской внешней политики на постсоветском пространстве как неоимперской основано на предпосылке, что сразу после 1991 года бывшие советские республики стали взаимодействовать как независимые друг от друга суверенные государства. Соответственно, любые действия, которые, по мнению наблюдателей, выходили за рамки этих идеализированных отношений между суверенными государствами, интерпретируются как вмешательство. Вместе с тем, нужно понимать, что получение в одночасье правового суверенитета не означает мгновенной реальной независимости, так как взаимодействие происходила между государствами с незавершенными процессами государственного строительства. Концепция «неполного суверенитета» разработана в книге американских авторов Александра Кули и Хенрика Спруита.³ В своей книге исследователи показывают, что при распаде империй возникают смешанные формы суверенитета из-за того, что необходимо поделить собственность, территорию, границы и т.п. с учетом пожеланий распадающихся частей империи. Переходный период до достижения суверенитета подразумевает наличие неких промежуточных договоренностей, которые позднее пересматриваются.

В случае с распадом СССР данный переходный период можно примерно обозначить как декабрь 1991 года – вторая половина 1993 года. Например, следующие факторы позволяют выделить именно этот период: в экономической сфере – распад рублевой зоны в августе 1993 года, в военной сфере – отказ от Объединенных вооруженных сил СНГ в пользу создания национальных армий в декабре 1993 года.

¹ Подробнее о подходах различных политических партий и групп к формулированию внешнеполитических интересов России в 1990-е годы см. Межуев Б. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность: Хрестоматия. – М., 2000. – СС. 441-488.

² Балуев Д.Г. Завоевание будущего: внешняя политика России на рубеже веков. – Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 1999. – С. 7-51. С357.

³ Alexander Cooley & Hendrik Spruyt. Contracting States: Sovereign Transfers in International Relations. Princeton University Press, 2009. – 280 p.

ВНЕШНЯЯ СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГОДОВ

С точки зрения внешней политики, первый этап соотносится с периодом пребывания на своем посту первого министра иностранных дел России Андрея Козырева – до 1996 года,¹ когда его сменил опытный политик Евгений Примаков, действия которого в дальнейшем воспринимались как более прагматичные и не нацеленные на уступки Западу. Первый этап (1991-1996) в России традиционно принято считать периодом слабости позиций страны на международной арене, а Козырева за его уступки Западу называли «Мистером Да».²

Российский исследователь А. Богатуров характеризует данный этап как период «демократической солидарности», когда российское руководство ожидало от стран Запада солидарных действий и учета интересов России как молодого демократического государства,³ что позволило бы создать благоприятное международное окружение для построения демократии в России.⁴

Как позже писал третий министр иностранных дел России И. Иванов, цель создания благоприятного внешнего окружения для внутреннего развития объяснялась тем, что при огромном количестве нерешенных внутренних проблем внешняя политика, в первую очередь, должна обслуживать интересы внутреннего развития, иначе инерция психологии сверхдержавы приведет к перенапряжению внутренних ресурсов из-за желания участвовать по всем значимым международным процессам.⁵

Вместе с тем, к 1994 году стало понятно, что ожидания российских элит относительно миролюбивого внешнего окружения и равноправного отношения к России не соответствовали реальности. Понимал это и Козырев, который в своей статье 1994 года «Стратегия партнерства» писал, что на первом этапе развития российской внешней политики у Кремля в выстраивании отношений с Западом и у Запада в отношениях с Кремлем был следующий выбор: признавать «равноправие и взаимную выгоду обеих сторон, статус и значение России как великой мировой державы». Если же российские демократы не смогут найти «правильные формы» для реализации Россией своей самостоятельности и уверенности в себе при помощи западных партнеров, то эти демократические российские элиты «будут сметены волной агрессивного национализма, спекулирующего на потребностях национального и государственного самоутверждения».⁶ Таким образом, даже считающийся исключительно прозападным политиком Андрей Козырев понимал, что Россия будет искать способы обеспечить уверенность в себе, что может принять как конструктивные, так и деструктивные формы. Однако же, конструктив Козырев видел только в возможности кооперации с Западом, хотя и на определенных условиях: «Было бы иллюзией считать, что с Россией можно построить партнерство не равного, а патерналистского типа по принципу «если русские стали хорошими, то они должны во всем следовать за нами»; «партнерство не означает отказа от твердой, временами даже агрессивной политики отстаивания собственных интересов».⁷

Пишет Козырев и о позиции России относительно конфликтов на постсоветском пространстве. В целом «узконационалистический, эгоистический подход», основанный на «агрессивном национализме» вернет систему международных отношений к ситуации 1914 года. По мнению Козырева, «демократические страны должны занять твердую моральную позицию, отвергающую противопоставление одних наций другим».⁸

Министр иностранных дел пытается обосновать особую роль России в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве. Так, А. Козырев сравнивает миротворческую операцию в Абхазии с операцией США в Сомали, откуда Америка была вынуждена вывести свои контингенты: «Принципиальная разница между Сомали и Абхазией или Таджикистаном состоит в том, что мы не можем «уйти» из конфликтных точек в бывшем СССР, как американцы из Сомали. Думаю, что и США, если бы подобные конфликты происходили у них под боком, вблизи от фактически настезь открытой границы, не могли бы себе этого позволить».⁹ Козырев дает обоснование, почему Запад должен учитывать особую роль и особую ответственность России в рамках бывшего СССР: если Запад не готов сам платить за нефть и газ, поставляемые Россией бывшим советским республикам или выплачивать долги этих республик, то Западу нужно признать роль России, которая является «стабилизирующим фактором и локомотивом экономических реформ на постсоветском пространстве», хотя это «обходится нам в миллиарды долларов». Козырев проводит аналогию с Европейским союзом, где признается экономическое лидерство крупных держав (Франция,

¹ Находился на посту министра иностранных дел с 1990 по 1996 год.

² По аналогии с советским министром иностранных дел Андреем Громыко, которого на Западе называли «Мистером Нет» за жесткую манеру вести переговоры.

³ Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин // Международные процессы, том 5, номер 1(13), январь-апрель 2007, сс. 54-55.

⁴ Именно такая цель ставилась в первой Концепции внешней политики России, принятой в 1993 году.

⁵ Иванов И.С. Внешняя политика России на рубеже XXI века: проблемы формирования, эволюции и преемственности. . Цит. по: Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002. Хрестоматия. В 4 т. Т. 1: Исследования / МГИМО(У) МИД России ; Рос. ассоциация междунар. исследований; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование) ; сост. Т.А. Шаклеина. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 209.

⁶ Козырев А.В. Стратегия партнерства. Международная жизнь, 1994, № 5, сс. 5-15. Цит. по: Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002. Хрестоматия. В 4 т. Т. 1 : Исследования / МГИМО(У) МИД России ; Рос. ассоциация междунар. исследований ; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование) ; сост. Т.А. Шаклеина. – М. : РОССПЭН, 2002. – СС. 183-184.

⁷ Там же, с. 185.

⁸ Там же, с. 186.

⁹ Там же, с. 190.

Германия). Почему бы, в таком случае, западным партнерам не поддержать Россию в ее желании добиться постепенной реинтеграции постсоветского пространства «на добровольной и равноправной основе»?¹

ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ГРУЗИИ: УРОВЕНЬ ЛИЧНОСТНЫХ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ

ЕЛЬЦИН – ГАМСАХУРДИА

Отношения Бориса Ельцина и Звиада Гамсахурдиа начали выстраиваться еще до распада СССР и их основой можно в определенной степени считать разделяемое желание получить независимость от союзного центра. После прихода к власти в Грузии Шеварднадзе стало принято считать политику Гамсахурдиа как радикально националистическую, однако же, накануне распада СССР националистические настроения и желание обеспечить независимость союзным республикам вписывалась в общие тенденции политических процессов на республиканском уровне.

По воспоминаниям Сосо Цискаришвили, Ельцин фактически поддержал Гамсахурдиа после событий 9 апреля 1989 года в Тбилиси,² лично приехав в Грузию в мае того же года. Как вспоминает Цискаришвили, Ельцин во время встречи с грузинской комиссией по расследованию событий 9 апреля заявил: «Абхазия – это Грузия! Абхазцы и грузины могут сами решить свои проблемы между собой, это не наш вопрос».³

Следующая важная встреча Ельцина и Гамсахурдиа состоялась в Грузии 23 марта 1991 года. Ельцин приехал в статусе Председателя Верховного Совета РСФСР по приглашению Звиада Гамсахурдиа как спикера грузинского парламента. Напомним, что 17 марта 1991 года проходил всесоюзный референдум о сохранении СССР, в котором Грузия не принимала участие, но голосование проходило на территории Абхазской АССР и самопровозглашенной республики Южная Осетия, где голосовавшие выступили за сохранение Советского Союза. На 31 марта 1991 года был назначен собственный референдум в Грузии о восстановлении независимости. Таким образом, визит Ельцина происходил в важный для независимости Грузии период, тем более, что результатом официальной встречи стал протокол, в котором подтверждалось намерение в течение апреля 1991 года подготовить договор о межгосударственных отношениях между РСФСР и Республикой Грузия.⁴

Интересным моментом в подписанном протоколе был пункт о Южной Осетии: в документе она названа как «Бывшая Юго-Осетинская автономная область», что стало компромиссом как для Гамсахурдиа, так и для Ельцина. На встрече присутствовал руководитель Северной Осетии Ахсарбек Галазов, который также считал данное название компромиссным.⁵ Впрочем, в Южной Осетии после визита Ельцина в Тбилиси прошли митинги протеста с лозунгами «Позор Ельцину за сговор с грузинскими фашистами!», так как в переговорах не принимала участие юго-осетинская сторона.

Отметим, однако, что в России данный визит Ельцина на Кавказ в попытке урегулирования осетино-ингушского и грузино-осетинского конфликтов вызвал достаточно скептические комментарии. По мнению газеты «Коммерсант»,⁶ Ельцин выступил скорее в роли дилетанта, а его миротворческие усилия были, прежде всего, обусловлены борьбой за поддержку автономных республик, так как при проведении референдума за создание поста Президента РСФСР высказались менее половины голосовавших в автономных республиках. Кроме того, Ельцина его политические оппоненты обвиняли в пренебрежении интересами «малых народов».

По мнению экспертов, Ельцин пытался перехватить у союзного центра инициативу в решении межэтнических конфликтов для поднятия собственного политического рейтинга. Напомним, что Гамсахурдиа в своем «Обращении к абхазскому народу» от 15 марта 1991 года (еще до всесоюзного референдума) обвинял руководителя Абхазии Ардзинбу в желании поддержать «отживший коммунистический строй», когда «весь мир осуждает репрессивную политику Горбачева по отношению к поработенным народам».⁷ Таким образом, на фоне «империалистической политики» Горбачева (как об этом пишет Гамсахурдиа) Ельцин мог предстать действительно демократическим лидером. В целом политика Ельцина по отношению к проблеме сепаратизма в период распада Советского Союза определялась логикой противостояния руководства РСФСР и СССР. В дальнейшем к этой логике добавились новые факторы, связанные с проблемой сепаратизма в самой России.

Добавим, для полноты картины, что о хороших личных отношениях Ельцина и Гамсахурдиа свидетельствует тот факт, что на инаугурационном банкете по поводу избрания Ельцина президентом России Борис Николаевич назначил тамадой Звиада Гамсахурдиа.⁸

¹ Козырев А.В. Стратегия партнерства. Международная жизнь, 1994, № 5, сс. 5-15. Цит. по: Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002. Хрестоматия. В 4 т. Т. 1 : Исследования / МГИМО(У) МИД России ; Рос. ассоциация междунар. исследований ; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование) ; сост. Т.А. Шаклеина. – М. : РОССПЭН, 2002. с. 191.

² О событиях 9 апреля 1989 года в точки зрения военных см. интервью с военным комендантом г. Тбилиси Игорем Родионовым: «Игорь Родионов: «при Ельцине страной управляли из Америки» // Патриот, № 7(51), 2007, сс. 5-7 <http://srn.su/2007/09/24/01/Patriot-7-51.pdf>

³ «Грузия – четверть века трагедии 9 апреля» // Радио «Свобода», 9 апреля 2014 года <http://www.svoboda.org/a/25327061.html>

⁴ Протокол о встрече и переговорах Председателя Верховного Совета РСФСР и Председателя Верховного Совета Грузии (23.03.1991г.) <http://yeltsin.ru/archive/paperwork/9581/>

⁵ Бесик Пипия. Борис Ельцин: первый и последний визит в Грузию первого президента РФ // Sputnik, 12.10.2016 <https://sputnik-georgia.ru/reviews/20161012/233479420/Boris-Elcin-pervyj-i-poslednij-vizit-v-Gruziju-pervogo-prezidenta-RF.html>

⁶ Визит Ельцина на Кавказ: путешествие дилетанта? // Коммерсант, 25.03.1991 <http://kommersant.ru/doc/265489>

⁷ Обращение к абхазскому народу президента Грузии Звиада Гамсахурдиа, 15 марта 1991 <http://refdb.ru/look/2733423-p6.html>

⁸ Бесик Пипия. Борис Ельцин: первый и последний визит в Грузию первого президента РФ // Sputnik, 12.10.2016 <https://sputnik-georgia.ru/reviews/20161012/233479420/Boris-Elcin-pervyj-i-poslednij-vizit-v-Gruziju-pervogo-prezidenta-RF.html>

Вместе с тем, когда к власти в Грузии пришел Э.Шеварднадзе, отношение к Гамсахурдиа в Москве поменялось: так как Гамсахурдиа был противником Шеварднадзе, а к последнему в Москве относились с почтением, то и позиция по отношению к Звиаду Гамсахурдиа также стало негативным.¹

ЕЛЬЦИН – ШЕВАРДНАДЗЕ

Следующий важный этап в политике Ельцина по отношению к Грузии связан с отношениями с Эдуардом Шеварднадзе.

Еще до того, как Шеварднадзе был избран Председателем Верховного Совета Грузии в октябре 1992 года, с его участием 3 сентября 1992 года было подписано Московское соглашение о прекращении огня между конфликтующими сторонами в Абхазии. В ходе подписания соглашения Россия использовала дополнительный способ давления на Абхазию: с изложением своих позиций на переговорах выступили представители северокавказских республик, что послужило решающим аргументом для Владислава Ардзинбы.² Подписанное соглашение в целом отражало грузинскую позицию относительно территориальной целостности и лишь в некоторой степени учитывало пожелания Абхазии.

Вместе с тем, перемирие не соблюдалось, и накануне выборов в начале октября 1992 грузинская пресса обвиняла Россию в поддержке абхазских сепаратистов, а Государственный совет Грузии отправил генсеку ООН, в НАТО и в СБСЕ письма, в которых указывалось, что «совершенно очевиден сговор абхазских сепаратистов с реакционными силами России, который проявился в решениях парламента России, действующего вопреки интересам демократической России, возглавляемой Борисом Ельциным».³ Таким образом, несмотря на кризис в двусторонних отношениях из-за Абхазии, Ельцин по-прежнему воспринимался в Грузии как представитель прогрессивных демократических сил и как сторонник грузинской территориальной целостности.

Абхазская сторона также считает, что «совершенно очевидно, что Грузия на первом этапе войны пользовалась беспрецедентной военно-политической поддержкой России и лично Б.Ельцина, которых сближала сходная ситуация, сложившаяся в Абхазии и Чечне. Ельцин и Шеварднадзе были уверены, что в течение нескольких дней с абхазскими «сепаратистами» тихо и без шума будет покончено, а потом настанет очередь Чечни».⁴ Военную же помощь Абхазии оказывали добровольцы из Конфедерации горских народов Кавказа: «Помощь кавказцев Шеварднадзе стал преподносить как агрессию России против Грузии. Такая черная неблагодарность председателя Госсовета Грузии возмутила Ельцина, который оказал ему военную услугу, значительно превысившую все допустимые квоты Ташкентского соглашения (май 1992г.)».⁵ Обвинения же Шеварднадзе в том, что в Абхазии Грузия воюет с Россией Станислав Лакоба объясняет тем, что так грузинскому лидеру было проще объяснить военные поражения Грузии. По мнению того же автора, к весне 1993 года стало очевидно, что российские военные, дислоцированные в Грузии, проводят политику двойной поддержки как Абхазии, так и Грузии.⁶

В ноябре 1992 года прошел первый раунд переговоров по разработке российско-грузинского договора о дружбе и сотрудничестве. В ходе переговоров не было споров относительно статуса Абхазии и Южной Осетии, потому что позиция России и лично Ельцина заключалась в поддержке территориальной целостности Грузии, а основные вопросы переговоров касались статуса российских войск в Грузии и передачи бывшего советского военного имущества грузинской стороне.⁷ Однако же, позицию Ельцина по российско-грузинскому договору разделяли далеко не все политические силы в России. В феврале 1993 года в Грузию совершили визит председатель госкомитета РФ по национальной политике Сергей Шахрай и председатель Совета Национальностей Верховного Совета России Рамазан Абдулатипов. Абдулатипов как представитель российского парламента должен был развеять представления грузинской стороны об имперской политике Верховного Совета, который мешает демократическому Ельцину выстроить продуктивные отношения с Грузией. Интересно, что в соответствующей заметке газеты «Коммерсант» преимущественно используется термин «Цхинвальский регион», а не «Южная Осетия».⁸

В середине марта 1993 года происходит обострение российско-грузинских отношений, однако же, этот кризис не привел к приостановке четвертого раунда переговоров по российско-грузинскому договору. Более того, в конце марта Шеварднадзе выступил с поддержкой Ельцина в его политическом противостоянии с Верховным Советом: «У меня есть надежды, что Ельцин останется у власти, потому что ему нет альтернативы».⁹ Помимо проблем в отношениях с Верховным Советом, Ельцин также был вынужден учитывать в своей грузинской политике позицию Конфедерации народов Кавказа, которая грозила, что жители северокавказских республик проголосуют против Ельцина на всероссийском референдуме 25 апреля 1993 года по одобрению действовавшего президента России.¹⁰ В результате северокавказские народы действительно проголосовали против Ельцина на этом референдуме.

¹ Интервью посла России в Грузии (1996-2000) Ф.И.Станевского «Кавказскому дому» 21.11.2016.

² Абхазия оказалась на грани мира // Коммерсант, 07.09.1992 <http://kommersant.ru/doc/6601>

³ А Шеварднадзе предупреждает Ельцина // коммерсант, 06.10.1992 <http://kommersant.ru/doc/25717>

⁴ С.Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Slavic Research Center, 2001. <http://www.kapba.de/R-IstoriaDeFacto.html>

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Первый раунд принес военные соглашения // Коммерсант, 24.11.1992 <http://kommersant.ru/doc/30897>

⁸ Абдулатипов и Шахрай нанесли визит в Тбилиси // Коммерсант, 19.02.1993 <http://kommersant.ru/doc/39485>

⁹ Глава парламента Грузии высказался в поддержку Ельцина // Коммерсант, 23.03.1993 <http://kommersant.ru/doc/42779>

¹⁰ Грачев назвал войну в Абхазии «корнем зла» // Коммерсант, 08.04.1993 <http://kommersant.ru/doc/44420>

В этой связи отметим, что для российско-грузинских отношений начала 1990-х принципиальное значение имеют два внутривнутриполитических фактора в России: противостояние Ельцина и Верховного Совета, кульминацией которого стал парламентский кризис и штурм парламента в октябре 1993 года, а также ситуация на Северном Кавказе, ключевыми моментами которой были осетино-ингушский конфликт и первая чеченская компания, начавшаяся с вводом войск в Чечню в декабре 1994 года.

Во второй половине сентября 1993 года происходит резкое обострение ситуации в Абхазии из-за действий абхазской стороны, в результате военных действий Грузия теряет контроль над Сухуми. Грузия обвиняет Россию в неспособности выполнить свои функции гаранта подписанного в июле 1993 года мирного соглашения. Вместе с тем, Россия все же предприняла определенные меры: российское правительство выступило с заявлением, осуждающим действия абхазской стороны, в регион 17 сентября 1993 года прилетел для переговоров Павел Грачев, министр обороны России, который поочередно встретился с Владиславом Ардзинба и Эдуардом Шеварднадзе. В результате встречи абхазская сторона прекратила артобстрел Сухуми, занятого грузинскими войсками.¹ Однако же, спустя полторы недели абхазская сторона все же заняла Сухуми и объявила о своей победе в конфликте. Ситуация в Грузии осложнилась одновременным военным наступлением сторонников Гамсахурдиа, который планировал вернуть себе власть.

Грузия во многом склонна обвинять Россию в своем поражении в Абхазии, так как Россия не смогла обеспечить статус-кво после заключения июльского перемирия. Вместе с тем, нельзя забывать, что не только для Грузии период второй половины сентября – начала октября 1993 года был переломным. В России в этот период происходил парламентский кризис, острая фаза которого началась 21 сентября, а кульминацией стал штурм здания Верховного Совета 3-4 октября 1993 года. Учитывая такую внутривнутриполитическую обстановку в России, вероятно, было бы ожидать более активных действий по поддержке Шеварднадзе. Видимо, понимал это и сам Шеварднадзе, который в начале октября 1993 года выразил поддержку действиям Ельцина по защите конституционного порядка в России. Сразу после завершения активной фазы парламентского кризиса, Россия включилась в решение проблемы беженцев из Абхазии.²

Как указывалось выше, и грузинская, и абхазская стороны обвиняли Россию в помощи другой стороне. Ряд российских авторов приводят следующие аргументы, объясняющие поражение Грузии в конфликте с Абхазией: 1) слабость грузинских вооруженных сил (отсутствие регулярной армии, помощь в создании которой Россия обещала в договоре 1994 года); 2) параллельные военные действия звиадистов; 3) помощь Абхазии со стороны Конфедерации горских народов Кавказа и казачьих формирований; 4) российские военные советники и поставки российских вооружений Абхазии.³

По мнению бывшего российского посла в Грузии Ф.И.Станевского, Шеварднадзе тоже должен нести свою персональную долю ответственности за поражение в войне в Абхазии как президент, так как в военном плане данная операция была плохо подготовлена и плохо проведена, так же как и в случае России с военной точки зрения недостаточно была подготовлена первая операция на территории Чеченской республики.⁴

Еще раз напомним, что российская внутренняя политика первой половины 1990-х годов не отличалась последовательностью из-за того, что разные политические силы в России (президент, Верховный Совет, главы республик Северного Кавказа, военные) поддерживали разные силы в грузино-абхазском конфликте. Сергей Маркедонов пишет: «Многие офицеры российской армии поддерживали Абхазию в пику Эдуарду Шеварднадзе. Но сказать об их поддержке как о целенаправленной политике РФ значит в значительной степени погрешить против истины. В грузино-абхазской войне участвовала Конфедерация горских народов Кавказа (КГНК). Сегодня в Тбилиси этот факт изображают как потворство России сепаратизму. Рискну показаться циничным, но, тем не менее, сделаю следующий вывод. «Непротивление» КГНК со стороны Кремля было «канализацией сепаратизма» в Абхазию. Время подтвердило правоту Бориса Ельцина, решившего отвести КГНК от Нальчика, Майкопа и Черкесска, перенаправив его «пассионарность» в Гагру и Сухуми. Политический цинизм, национальный эгоизм? Возможно. Но столкнувшись с чеченским вызовом и осетино-ингушским конфликтом, российская власть таким образом элиминировала вполне реальный адыгский вызов, призраком которого обрел вполне реальные черты в Нальчике летом-осенью 1992 года».⁵

Что касается вступления в СНГ, то публично этот вопрос был впервые поднят не Шеварднадзе, а спикером грузинского парламента Вахтангом Гогуадзе через несколько дней после возобновления военных действий в Абхазии в сентябре 1993 года, но до падения Сухуми. По мнению спикера, членство в СНГ помогло бы обеспечить территориальную целостность Грузии и улучшить экономическую ситуацию в стране. На тот момент большинство парламентариев не согласились с этим мнением.⁶ Однако же на саммите России и трех южнокавказских республик в Москве 8 октября 1993 года Шеварднадзе, еще недавно отрицавший такую возможность, все же заявил о вступлении Грузии в СНГ. Отметим, что именно вступление Грузии в СНГ позволило в дальнейшем провести миротворческую операцию в Абхазии по мандату этой региональной организации (в Южной Осетии имели место многосторонние соглашения без мандата какой-либо международной организации). Лично для Шеварднадзе, по мнению бывшего посла России в Грузии (1996-2000) Ф.И.Станевского, членство Грузии в СНГ давало определенные преимущества:

¹ Нарушение перемирия нанесло удар по престижу России // Коммерсант, 18.09.1993 <http://kommersant.ru/doc/59859>

² Россия окажет помощь грузинским беженцам // Коммерсант, 08.10.1993 <http://kommersant.ru/doc/61554>

³ Миротворческие операции в СНГ. М.: МОНФ, 1998. – Глава 6.

⁴ Интервью Ф.И.Станевского «Кавказскому дому» 21.11.2016.

⁵ С. Маркедонов. Фальсификация Грузии и молчание России // politcom.ru, 25.10.2006 <http://politcom.ru/3608.html>

⁶ Грузинские политики не поддержали идею вступления в СНГ // Коммерсант, 25.09.1993 <http://kommersant.ru/doc/60520>

имя Шеварднадзе как бывшего министра иностранных дел СССР и как человека, имевшего хорошие личные связи за рубежом, имело значительный вес на пространстве СНГ, что грузинский президент и рассчитывал использовать, так как через СНГ как организацию ему было легче налаживать контакты в регионе. Одновременно, в рамках СНГ Грузия (и не только Грузия, но и остальные члены) могла выполнять только те обязательства, которые соответствовали их интересам, таким образом, членство в СНГ не было слишком обременительным.¹

После успешного для Ельцина разрешения парламентского кризиса в России можно было бы ожидать большего единства политических сил России относительно российско-грузинских отношений, однако же, проблемы остались теми же: северокавказские республики по-прежнему требовали не подписывать договор между Россией и Грузией до окончательного урегулирования конфликтов в Южной Осетии и Абхазии.² Так же негативно относились к подписанию договора и все фракции новой Государственной Думы России.³ Несмотря на это, договор все же был подписан 3 февраля 1994 года, хотя Государственная Дума впоследствии так и не ратифицировала его. Наибольшие споры вызвал пункт о помощи России в создании грузинской армии – он не устраивал ни российский парламент, ни Абхазию и Южную Осетию. В результате компромисса Госдума обещала ратифицировать договор, когда конфликты в Южной Осетии и Абхазии будут урегулированы.

Зураб Абашидзе, спецпредставитель премьера Грузии по вопросам урегулирования отношений с Россией, а также бывший посол Грузии в РФ, следующим образом прокомментировал ситуацию с ратификацией договора в грузинском парламенте и увязкой ратификации с урегулированием в Абхазии: «После вооруженного конфликта в Абхазии Грузия полностью взяла курс во внешней ориентации на Россию в надежде на то, что Москва поможет мирному разрешению конфликта и возвращению Абхазии в лоно Грузии. Грузия в 1993 году вступила в СНГ, она присоединилась к договору о коллективной безопасности в рамках СНГ, подписала соглашение о размещении российских военных баз на территории Грузии сроком на 25 лет. Для ратификации в парламенте этого соглашения Грузия просила выполнения у российской стороны двух вещей: оказать реальную помощь, первое, в урегулировании конфликта в Абхазии и, второе, в строительстве вооруженных сил Грузии. Парламент выжидал два-три года, но ни то, ни другое не было осуществлено. Когда появились проблемы в Абхазии, НАТО и Америки в помине не было. Грузия по мере углубления и осложнения этих проблем и из-за неоднозначной политики России отходила в сторону НАТО в поисках поддержки. Если бы в свое время были найдены пути разрешения этого конфликта, никакой надобности у Грузии искать поддержку где-то там далеко не было бы».⁴

Членство в СНГ принесло Грузии определенный положительный результат в контексте абхазского конфликта, так как в январе 1996 года Совет глав государств СНГ принял решение об экономических санкциях против Абхазии, чтобы заставить абхазское руководство занять более гибкую позицию относительно беженцев. Россия отменила эти санкции в отношении с Абхазией 6 марта 2008 года.⁵ Хотя официально это увязывалось с тем, что Абхазия выполняет свои обязательства по беженцам, в отличие от Грузии, реально же отказ от санкций происходил на фоне провозглашения независимости Косово 17 февраля 2008 года и протестов России по этому поводу. Представляется, что для России на тот момент международный контекст решения об отмене санкций против Абхазии был гораздо важнее логики урегулирования грузино-абхазского конфликта.

По мнению некоторых комментаторов, Грузия разочаровалась в российской роли в абхазском урегулировании, когда Россия отказала Грузии в активизации деятельности российских миротворцев в Гальском районе Абхазии в 1998 году, объяснив это нежеланием портить отношения с Абхазией. Напомним, что до этого Грузия пошла навстречу России в ходе первой чеченской войны и разрешила с 1994 по 1998 год российским пограничникам стоять с грузинской стороны на чеченском участке границы.⁶ После отказа России активизироваться на абхазском направлении, Грузия потребовала вывести российских пограничников и остальные российские войска, что в дальнейшем было закреплено в адаптированном Договоре об обычных вооруженных силах в Европе 1999 года.

Глава 2. ЭТАП 1996-2006: ЛИНИИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ЭТАПЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА И НАЦИИ

Для уравнивания прозападной внешней политики первого этапа в 1996 году на пост министра иностранных дел был приглашен Евгений Примаков, который считался «государственником» и проводником национальных интересов России на международной арене. Самый ярким проявлением этого курса стал его знаменитый «разворот над Атлантикой», когда в 1999 году летевший с официальным визитом в США Евгений Примаков развернул самолет в знак протеста против начавшихся без мандата ООН бомбардировок Югославии со стороны НАТО.⁷

¹ Интервью Ф.И. Станевского для Кавказского дома 21.11.2016.

² Кавказские республики потребовали гарантий // Коммерсант, 03.02.1994 <http://kommersant.ru/doc/70274>

³ Москва и Тбилиси хотят быть друзьями и союзниками // Коммерсант, 04.02.1994 <http://kommersant.ru/doc/70376>

⁴ Бесик Пипия. «Молниеносный» визит в тупик // РИА Новости, 03.02.2009 <https://ria.ru/analytics/20090203/160856950.html>

⁵ Россия отменила введенные в 1996 году санкции в отношении Абхазии // РИА Новости, 06.03.2008 <https://ria.ru/politics/20080306/100830399.html>

⁶ Содружество независимых государств заканчивается на грузино-российской границе // Коммерсант, 05.12.2000 <http://kommersant.ru/doc/164732>

⁷ См. об этом в интервью: «Евгений Примаков: «Разворот над Атлантикой» был неизбежен» / «Правда», 24 марта 2014 года <https://www.pravda.ru/video/politics/14152.html>

Евгений Примаков в своей статье 1996 года¹ пишет, что после окончания холодной войны вместо системы баланса сил все еще не сформировался многополюсный мир на основе равноправного партнерства. В статье приводится ряд ключевых идей, которые, по сути, повторяются в российском внешнеполитическом дискурсе до сих пор.

ВНЕШНЯЯ СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСШИРЕНИЕ НАТО КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

По поводу расширения НАТО министр высказался таким образом: «мы далеки от мысли о том, будто расширяющаяся НАТО специально предназначена для удара по России. Но намерения в политике – переменная величина, в то время как потенциал – постоянная».² Россия, по словам Примакова, не претендовала на право вето на вступление того или иного государства в НАТО, но считала приближение военной инфраструктуры НАТО к территории России «осложнит для нас геополитическую обстановку, в том числе и в чисто военном плане».³ Практически в тех же выражениях формулируется позиция России по поводу расширения НАТО и на современном этапе. Если в документе 1993 года «Основные положения Военной доктрины Российской Федерации переходного периода» Североатлантический Альянс вообще не упоминался, то в Военной доктрине 2000 года без прямых упоминаний НАТО на четвертом и пятом месте в списке основных внешних угроз стоят пункты, в которых читаются именно опасения по поводу расширения Альянса:

«← создание (наращивание) группировок войск (сил), ведущее к нарушению сложившегося баланса сил, вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников, а также на прилегающих к их территориям морях;

– расширение военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности Российской Федерации».⁴

В Военной доктрине России 2010 года первой в списке основных внешних военных опасностей стоит «стремление наделять силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран – членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока».⁵ В Доктрине 2014 года этот пункт сохранен.⁶

«ПОБЕДИТЕЛИ» И «ПРОИГРАВШИЕ» В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Возвращаясь к статье Примакова, назовем второе препятствие на пути становления многополюсного миропорядка с равноправными отношениями, по мнению министра иностранных дел: возникновение после окончания холодной войны менталитета «ведущих» и «ведомых», который ведет к созданию однополярного мира. Эта идея повторяется в российском официальном дискурсе и далее: Игорь Иванов, министр иностранных дел России с 1998 по 2004 годы, писал в своей статье 2000 года, что «...многие в США, да и некоторых странах Западной Европы, попав под влияние ложного синдрома «победителя в “холодной войне”», не видели демократическую Россию в качестве равноправного союзника. Ей в лучшем случае отводилась роль младшего партнера. Любое же проявление самостоятельности и стремления отстаивать свои позиции воспринималось как рецидив советской «имперской» политики».⁷

Эта идея будет встречаться и у Владимира Путина в 2014 году: ««Холодная война» закончилась. Но она не завершилась заключением «мира», понятными и прозрачными договоренностями о соблюдении имеющихся или о создании новых правил и стандартов. Создалось впечатление, что так называемые победители в «холодной войне» решили дожать ситуацию, перекрыть весь мир исключительно под себя, под свои интересы».⁸

НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Третье препятствие по Примакову – недемократический характер международных экономических отношений. Примаков приводит пример американский закон Хелмса – Бэртона о «наказании» тех, кто экономически сотрудничает с Кубой. Этот закон квалифицируется как «опасный прецедент попытки придания внутреннему законодатель-

¹ Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. – 1996. – № 10. – С. 3-13. Цит. по: . Цит. по: Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002. Хрестоматия. В 4 т. Т. 1 : Исследования / МГИМО(У) МИД России ; Рос. ассоциация междунар. исследований ; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование) ; сост. Т.А. Шаклеина. – М. : РОССПЭН, 2002.

² Там же, с. 194.

³ Там же.

⁴ Военная доктрина Российской Федерации, 22 февраля 2000 года http://www.ng.ru/politics/2000-04-22/5_doktrina.html

⁵ Военная доктрина Российской Федерации, 5 февраля 2010 года <http://kremlin.ru/supplement/461>

⁶ Военная доктрина Российской Федерации, 30 декабря 2014 года <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>

⁷ Иванов И.С. Внешняя политика России на рубеже XXI века: проблемы формирования, эволюции и преемственности». . Цит. по: Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002. Хрестоматия. В 4 т. Т. 1: Исследования / МГИМО(У) МИД России; Рос. ассоциация междунар. исследований; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); сост. Т.А. Шаклеина. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 208.

⁸ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014 года <http://kremlin.ru/events/president/news/46860>

ству характера экстерриториальности».¹ В последней Концепции внешней политики России от 2016 года в разделе про отношения с США указано, что «Россия не признает экстерриториального осуществления США своей юрисдикции вне рамок международного права, не приемлет попыток оказания военного, политического, экономического или иного давления и оставляет за собой право жестко реагировать на недружественные действия, в том числе путем укрепления национальной обороны и принятия зеркальных или асимметричных мер».²

СИСТЕМА ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Еще одна тема, которая в дальнейшем получила воплощение в виде идеи проекта Договора о европейской безопасности, выдвинутой российским президентом Дмитрием Медведевым в 2008 году.³ Примаков в 1996 году предлагал следующее: «Модель европейской безопасности должна в той или иной форме опираться на все международные организации, действующие в сфере безопасности в Европе, – ООН, ОБСЕ, Совет Европы, НАТО в совокупности с «Партнерством ради мира», ЕС, дополненное ЗЕС, а также СНГ. И не просто опираться, а включать все эти организации в единую систему. Для этого необходимо проработать вопросы конкретного взаимодействия между этими организациями».⁴ Проект Договора, выдвинутый Дмитрием Медведевым, не получил одобрения западных стран, которые высказали сомнение, что необходимо заключать отдельным документ по принципам, которые уже зафиксированы в Хельсинкском Заключительном акте и других документах ОБСЕ. Интересно, что Евгений Примаков в своей статье предлагал в основу системы европейской безопасности поставить именно ОБСЕ как организацию не контролирующую, а координирующую роль. В результате украинского кризиса, возможно, система европейской безопасности будет постепенно двигаться в сторону воплощения этой идеи, так как ОБСЕ действительно возродилась как организация безопасности.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ И СТАБИЛЬНОСТЬ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Скепсис относительно стратегий Запада по распространению демократии появился в российском внешнеполитическом дискурсе еще до «цветных» революций. Как писал Игорь Иванов в 2000 году, Запад считает, что распространение ценностей демократии и переход на рыночную либеральную экономику играют роль мощного стабилизирующего фактора в международных отношениях, однако, процесс демократизации, при всех его плюсах, «сам по себе не является «организующим принципом глобальной безопасности». Доказывается этот тезис через аргумент о природе внутрисубъективных конфликтов в 1990-е годы: «источником этих конфликтов являются не противостояние между демократией и диктатурой, а межнациональная и религиозная вражда, социальная деградация и воинствующий сепаратизм».⁵

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

В Концепции внешней политики 1993 года еще не представлено сформировавшегося понимания относительно миропорядка, пришедшего на смену периоду холодной войны. В тексте перечислены основные черты глобальной обстановки:

- «исчезновение биполярной структуры в ее глобальном измерении;
- многовариантность международной политики как следствие исчезновения глобальной биполярности;
- возникновение региональных центросиловых отношений».⁶

В Концепции 2000 года указано, что усиливается тенденция к формированию однополярности во главе в США, в то время как Россия «будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов».⁷ Эффективность многополярной системе может обеспечить взаимный учет интересов, механизмы коллективного решения проблем, приоритет права и широкая демократизация международных отношений.

В том же 2000 году министр иностранных дел России Игорь Иванов указывал, что на данный период еще не

¹ Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. – 1996. – № 10. – С. 3-13. Цит. по: Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002. Хрестоматия. В 4 т. Т. 1 : Исследования / МГИМО(У) МИД России ; Рос. ассоциация междунар. исследований ; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); сост. Т.А. Шаплеина. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 195.

² Концепция внешней политики Российской Федерации, 30 ноября 2016 года http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6Z29/content/id/2542248

³ Проект Договора о европейской безопасности, 29 ноября 2009 года <http://kremlin.ru/events/president/news/6152>

⁴ Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. – 1996. – № 10. – С. 3-13. Цит. по: . Цит. по: Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002. Хрестоматия. В 4 т. Т. 1 : Исследования / МГИМО(У) МИД России ; Рос. ассоциация междунар. исследований ; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование) ; сост. Т.А. Шаплеина. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 199.

⁵ Иванов И.С. Внешняя политика России на рубеже XXI века: проблемы формирования, эволюции и преемственности». . Цит. по: Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002. Хрестоматия. В 4 т. Т. 1 : Исследования / МГИМО(У) МИД России; Рос. ассоциация междунар. исследований; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); сост. Т.А. Шаплеина. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 212.

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации, 23 апреля 1993 года.

⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации, 11 июля 2000 года http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html

завершилась борьба относительно базовых принципов миропорядка, который придет на смену порядку периода холодной войны, система находится на переходном этапе.¹ Интересно, что в речах Владимира Путина в 2014–2016 годах по-прежнему присутствует идея относительно необходимости согласования принципов миропорядка, которые не были согласованы после 1991 года. Концепции внешней политики с 2000 года адаптировались трижды: в 2008 году с приходом в Кремль Дмитрия Медведева (но до российско-грузинского конфликта); в 2013 году были учтены последствия мирового финансового кризиса, «Арабской весны» и, конечно, конфликта с Грузией; в 2016 году были внесены изменения, чтобы учесть кризис в отношениях России и Запада.

Несмотря на принятие Концепции внешней политики в ноябре 2016 года, пожалуй, наиболее последовательно и четко картина мира и видение мирового порядка представлены в речи Владимира Путина на заседании Валдайского дискуссионного клуба в октябре 2014 года, темой заседания была «Новые правила игры или игра без правил?».² По мнению российского президента, стабильность мирового порядка времен холодной войны обеспечивалась наличием баланса сил, правом победителей и их взаимным уважением и желанием договариваться. После окончания холодной войны США объявили себя победителем и сочли, что сложившаяся система международного права и система сдержек и противовесов может быть ликвидирована, так как мешает создавать однополярный миропорядок. Основная проблема однополярности – это навязывание собственных рецептов как универсальных. Суверенитет государств становится зависимым от степени лояльности Соединенным Штатам. Одновременно, однополярность не позволяет решить глобальные проблемы (наркотрафик, международный терроризм и т.п.) и не приводит к росту управляемости глобальными процессами.

Вместе с тем, говорит Владимир Путин, полицентричность (этот термин пришел в российском внешнеполитическом дискурсе на смену термину «многополярность») – не гарантия решения всех проблем, потому что чем больше великих держав, тем сложнее договориться. Добавим от себя, что такая трактовка полицентричности – новое явление, так как ранее в официальном российском дискурсе множество центров силы преподносилось как абсолютное благо и противовес несправедливому однополярному мировому порядку. Владимир Путин продолжает свою мысль, что совместные ответы на вызовы «труднодостижимы»: «успех, реальный результат возможен лишь в том случае, если ключевые участники международной жизни смогут договориться о согласовании базовых интересов, о разумном самоограничении, покажут пример позитивного ответственного лидерства. Надо четко определить, где пределы односторонних действий и где возникает потребность в многосторонних механизмах, в рамках совершенствования международного права разрешить дилемму между действиями международного сообщества по обеспечению безопасности и прав человека и принципом национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств».³

Способом согласования позиций российскому президенту видится «новое издание взаимозависимости», потому что в конце концов это приведет к созданию «мощных региональных организаций» и выработке правил их взаимодействия, что придаст бы устойчивости системе международных отношений. Таким образом, в чем-то Владимир Путин идейно вернулся к Концепции внешней политики 1993 года, где в качестве одной из ключевых тенденций провозглашалось возникновение региональных центров силы вместо глобальной логики баланса сил.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ОТНОШЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В Концепции внешней политики 1993 года авторы достаточно откровенно описали возможные проблемы в отношениях России со странами постсоветского пространства.

С одной стороны, оптимальным для России было бы создать вокруг себя «пояс безопасности и добрососедства» (эта задача повторяется и в Концепции 2000 года), благодаря созданию зон «конструктивного регионального сотрудничества». Развитие соседних государств описывается как «кризисные явления посттоталитарного периода», которые создают основания для возникновения национальных и территориальных конфликтов. Переход к демократии и рыночной экономике, по мнению авторов Концепции, ожидается болезненным и затяжным. В документе есть понимание специфики процесса государственного размежевания бывших союзных республик: «На формировании внешней политики ряда государств СНГ сказываются характерное для периода становления независимости утроянное дистанцирование от России, подогреваемые националистическими настроениями территориальные споры, включая претензии к России, а также своего рода аллергия ко всему, что может напоминать прежнюю зависимость от союзных структур. Не сразу придет понимание той объективной реальности, что опора на связи с обновленной Россией облегчает решение их национальных задач».⁴

¹ Иванов И.С. Внешняя политика России на рубеже XXI века: проблемы формирования, эволюции и преемственности». . Цит. по: Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Хрестоматия. В 4 т. Т. 1: Исследования / МГИМО(У) МИД России; Рос. ассоциация междунар. исследований; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); сост. Т.А. Шаглеина. – М.: РОССПЭН, 2002. – СС. 210–211.

² Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014 года <http://kremlin.ru/events/president/news/46860>

³ Там же.

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации, 23 апреля 1993 года.

Россия, согласно Концепции, должна активно участвовать в процессе формирования своего геополитического окружения, в том числе, при необходимости, использовать силовые средства для защиты международного права и прав национальных меньшинств. Одновременно указывается, что отношения со странами постсоветского пространства должны быть выведены на уровень «полномасштабных межгосударственных отношений, обеспечивающих полнокровное сотрудничество с ними во всех областях на основе взаимности», что лишней раз доказывает идею о том, что в 1993 году едва ли можно было считать бывшие советские республики полностью суверенными и независимыми друг от друга.

Как писал в 1999 году А.Г.Арбатов, в 1990-е годы главной дилеммой отношений России с ее соседями стал поиск баланса между обращением с ними как с полностью суверенными государствами (что подразумевает, например, установление для них общемировых цен на энергоносители) и сохранением «особых отношений» (например, при защите прав российских военных и гражданских лиц за рубежом, использовании промышленных и оборонных объектов, поддержании общей системы обороны, вмешательстве в их внутренние конфликты, защите бывших советских границ и т.д.).¹

УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ

С точки зрения Концепции внешней политики Российской Федерации 1993 года, урегулирование конфликтов должно происходить при помощи «прежде всего двусторонних форм российского посредничества и миротворчества и многосторонних механизмов СНГ, с привлечением для поддержки и, при необходимости, санкционирования этих усилий возможностей ООН, СБСЕ, ЕС и др». Интересно, что на момент принятия Концепции СНГ еще не получила статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН, то есть не имела право проводить миротворческие операции по собственному мандату. Обращает на себя внимание акцент на приоритет двусторонних форматов урегулирования с участием России.

По мнению Арбатова, самоизоляция России и сосредоточение исключительно на внутреннем развитии могло бы привести к упадку и хаосу в соседних государствах или даже вмешательству в их дела каких-то третьих держав. С другой стороны, установление господства в регионе неизбежно вызовет сопротивление и сделает русскоязычное население заложником местных властей, а «присоединение военным путем территорий, населенных этническими меньшинствами, превратило бы остальные республики именно во враждебный «санитарный кордон» и привело бы к конфронтации с Западом.²

Арбатов оценивает результаты миротворческих усилий России на постсоветском пространстве как сомнительные с точки зрения способности России держать ситуацию под контролем. Операция в Южной Осетии, по мнению Арбатова, была единственным успехом. Хотя действия России и привели к прекращению военной фазы конфликта, исследователь считает, что отсутствие политического решения и заморозка конфликтов становится поводом для противоречий России со странами СНГ.³

Д.Балуев призывает⁴ не так однозначно подходить к оценке российского вмешательства, потому что «многие государства бывшего Советского Союза на Кавказе и в Средней Азии имеют серьезные трудности в установлении собственного суверенитета, и сами обращаются к России за поддержкой».

Балуев перечисляет следующие пункты, которые Россия считала своей сферой интересов в регионе:

- Создание баз российских войск на территории республик бывшего СССР
- Гибкая трактовка уже достигнутых соглашений по пребыванию российских войск на территории других стран СНГ. Например, Молдавия настаивала на выводе российских войск в трехлетний срок, а российский министр обороны Кондратьев заявлял, что российский контингент должен остаться и продолжать обеспечивать безопасность
- Совместная безопасность путем подписания Договора о коллективной безопасности, совместной обороны границ, совместных миротворческих операций.
- Начало переговоров о создании Союзного государства с Белоруссией и многосторонних переговоров о создании таможенного союза.

Последним пунктом Балуев добавляет первенство России в СНГ.⁵

РОЛЬ ЗАПАДА И РОССИИ В РЕГИОНЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Известный специалист по истории Кавказа Владимир Дегоев считает, что «владение территорией Северного Кавказа, вдвое превышающей территорию Закавказья, делает Россию ведущим «кавказским» государством и веду-

¹ Арбатов А.Г. Национальная идея и национальная безопасность // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 5 (С. 5-21), № 6 (С. 5-19). Цит. по: Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002. Хрестоматия. В 4 т. Т. 1: Исследования / МГИМО(У) МИД России; Рос. ассоциация междунар. исследований; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); сост. Т.А. Шаклеина. – М.: РОССПЭН, 2002. – СС. 246-247.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Балуев Д.Г. Завоевание будущего: внешняя политика России на рубеже веков. – Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 1999. – С. 7-51.

⁵ Там же. С. 7-51.С. 357.

щим субъектом большой кавказской политики».¹ Об этом, по мнению исследователя, часто забывает Запад, когда предлагает Грузии и Азербайджану «защитить» их от России. Запад считает, что Россия должна согласовывать с ним свою политику на Южном Кавказе, при этом сам Запад, прежде всего, США, согласовывать с Россией ничего не собирается и взаимодействует со странами региона на двусторонней основе. Беспокойство Дегоева вызывает то, что в моделях региональной безопасности, предлагаемых Западом, нет не только России, но и других традиционных региональных игроков – Ирана и Турции, при этом ЕС и США, которых можно считать внерегиональными акторами, пытаются играть в регионе ключевую роль.²

Дегоев подводит итог: «Москва, по крайней мере для себя, должна сформулировать исходный посыл предельно четко: Россия – главная кавказская страна, географически, геополитически, исторически. У нее нет большего приоритета в регионе, чем собственная безопасность, напрямую связанная с международным статусом и международной ориентацией закавказских государств».³

Алексей Малашенко характеризует конфликты в Грузии 1990-х годов одновременно и как региональные, и как внутренние, и задается вопросом, использует ли Россия эти конфликты для воздействия на внутреннюю ситуацию в конфликтных странах. Исследователь дает положительный ответ на этот вопрос: «в своём желании манипулировать участниками конфликтов российские дипломаты и военные зачастую действуют столь топорно, что скорее растрчивают авторитет России, чем его приумножают. Неудивительно поэтому, что в Закавказье местные элиты всё больше предпочитают международное посредничество, не полагаясь на Россию как арбитра в урегулировании внутренних и межгосударственных споров».⁴ Подобную неэффективность Малашенко объясняет тем, что Россия в начале 1990-х еще для себя не сформулировала свои интересы в зоне конфликтов – нужно ли конфликты урегулировать или, наоборот, поддерживать, какие инструменты для этого использовать. При этом попытки давления на страны Южного Кавказа нацелены на сохранение остатков влияния, а не на расширение присутствия в регионе. Малашенко рекомендует России больше обращать внимания на внутренние процессы в соседних странах СНГ, так как России приходится приспособливать свою внешнюю политику к этим процессам.⁵

Кортунов разделяет мнение, что военно-политические проблемы региона Южного Кавказа⁶ не имеют решения без активного участия России в виде «активной посреднической дипломатии и ограниченных миротворческих акций».⁷ Без активной роли России «вакуум силы» (часто используемый в первой половине 2000-х термин) будет заполнен США и Германией, которые стремятся вытеснить Россию из региона, а также вакуум заполнят Турция и Иран. Чтобы избежать этого сценария, Кортунов предлагает подумать о создании полномасштабного военного союза Россия-Грузия-Армения.⁸

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ДЛЯ РЕГИОНА

Далеко не все грузинские эксперты согласятся с тем, что роль России в регионе Южного Кавказа может быть позитивной. Вместе с тем, даже у авторов, которые считаются радикально проамериканскими и антироссийскими, проскальзывают примеры тех ожиданий, которые грузинское общество могло иметь по отношению к России, но эти ожидания не реализовались из-за отсутствия у России желания и ресурсов играть конструктивную роль. Например, в статье 2006 года Александр Рондели, который на тот период занимал должность президента Грузинского фонда стратегических и международных исследований, писал: «у России нет и не будет достаточно ресурсов и желания для того, чтобы играть конструктивную роль по отношению к Грузии, то есть помочь ей «встать на ноги», построить современное стабильное демократическое государство с новой экономикой».⁹

Проблема, по мнению грузинского эксперта, состоит в том, что Россия «не смогла предложить своему слабому соседу сколько-нибудь привлекательную модель», потому что «склоняющаяся к авторитаризму Россия не смогла и не захотела способствовать становлению в Грузии демократической государственности».¹⁰

Вместе с тем, если изучить российские официальные документы, в частности, ежегодные обзоры внешнеполитической и дипломатической деятельности, публикуемые МИД России с 2007 года, то можно выявить ту модель, которую Россия планировала предложить странам региона.

В Обзоре МИДа за 2006 год в разделе о регионе СНГ подчеркнута мысль, что «Россия заинтересована в том, чтобы по периметру ее границ были дружественные, процветающие, демократические и стабильные государства». Такая формулировка призвана опровергнуть распространенное среди западных экспертов и политиков представление, что Россия заинтересована в том, чтобы ее соседи по региону оставались слабыми и зависимыми от России ав-

¹ Дегоев В.В. Глобализация для СНГ. // Содружество НГ. – 2001. – № 1, 31 января. В: Внешняя политика России, Том 3. – С. 70.

² Там же, СС. 72-73.

³ Там же, С. 76.

⁴ Там же, СС. 89-90, том 3.

⁵ Там же, С. 90.

⁶ Большинство исследователей в 1990-е годы использовали название «Закавказье». В данной работе для унификации во всех разделах используется термин «Южный Кавказ».

⁷ Там же, С. 104. Том 3.

⁸ Там же, С. 105.

⁹ Рондели А. Россия и Грузия: напряженность сохраняется // Кавказ и глобализация, Том 1(1) 2006, сс.77-85.

¹⁰ Там же, С. 79.

торитарными государствами. Напротив, далее указывается, что появление слабых и несамостоятельных государств в регионе – это угроза развитию региона.

Дается формула, которая может способствовать становлению России как лидера постсоветского пространства, в частности, это «создание привлекательной для партнеров реалистичной модели эволюционного перехода к полноценному рынку и демократии». Отметим два аспекта. Во-первых, речь идет о том, что создание такой модели станет лишь «залогом» лидерства, то есть на момент составления обзора Россия не считала себя полноценным лидером региона. Во-вторых, для России важны способы достижения этого лидерства, и в данном случае это та самая «мягкая сила» (soft power), о которой станут писать в официальных внешнеполитических документах несколько позже. «Мягкая сила» по сути и означает создание привлекательной модели развития, которую могут перенять другие государства. По мнению авторов обзора, эта модель представляет собой эволюционный переход к полноценному рынку и демократии. Одна из возможных интерпретаций данного тезиса: в тот момент в странах СНГ не существовало полноценных рыночных систем и демократических режимов. Вместе с тем, представляется, что акцент в анализируемом тезисе сделан скорее на эволюционность модели в противовес революционным моделям Грузии и Украины. В период после «революции роз» и «оранжевой революции» страхи российского истеблишмента относительно смены режима и революции в России значительно выросли. Поэтому авторы обзора предлагают для государств, где не было революций, тот же вектор развития, но путем постепенного развития и реформирования.

Похожая мысль продвигается и в разделе относительно ситуации в Центральной Азии после завершения афганской кампании. Указывается, что России следует работать над созданием «привлекательной конкурентоспособной и реалистичной перспективы как для политических элит, так и для широких слоев населения» стран Центральной Азии. Подчеркивается, что Россия может предложить эволюционный, без потрясений, путь трансформации – надо полагать, в отличие от Запада, который приветствовал так называемые цветные революции на постсоветском пространстве.

Интересно в современном контексте воспринимается идея относительно того, что ««европейский выбор» России разделяется обществом и политическими элитами других государств Содружества». Данный подход показывает, что у России нет сомнений относительно ключевого направления сотрудничества: это Европейский Союз. В более поздних отчетах наблюдается большая многовекторность: значительное внимание начинается уделяться неевропейскому направлению внешней политики.

В отношении экономического сотрудничества на пространстве СНГ настойчиво и последовательно проводится мысль о необходимости деполитизации экономических связей со странами региона. Симптоматична следующая фраза относительно отказа от «фаворитизма» в отношениях со странами СНГ: «Речь идет о важнейшем элементе взаимной эмансипации, позволяющей снять все рудименты прошлого и выстраивать прагматичные отношения, устремленные в будущее, основанные на взаимном уважении и взаимной выгоде». Такой подход опять-таки противоречит распространенному на Западе мнению, что Россия стремится привязать к себе страны региона при помощи экономического сотрудничества.

Раздел, посвященный СНГ как географическому приоритету, содержит ряд интересных положений, которые раскрывают философию политики России на постсоветском пространстве. Указывается, что пространство СНГ – это не просто регион, где сосредоточены российские интересы в сфере безопасности и экономики, но также и источник вызовов национальной безопасности России. Обзор за 2006 год остается единственным из серии обзоров, в котором об отношениях со странами СНГ написано достаточно откровенно и изложены также российские опасения, а не только достижения в сотрудничестве.

Обзор за 2006 год остается единственным, в котором помимо Центральноазиатского региона выделяется еще и Закавказский регион, в последующих документах речь идет о двусторонних отношениях с Грузией, Арменией и Азербайджаном. Таким образом, мы видим, что меняется либо официальная терминология, либо исчезает видение Южного Кавказа как сформировавшегося региона.

Важная мысль, которая проводится относительно интеграции на постсоветском пространстве: конечная цель сотрудничества – создание такой экономической системы, «которая обеспечивала бы эффективное развитие каждого из ее участников». В целом из изложенных положений создается впечатление, что Россия пытается уговорить своих партнеров по СНГ, что региональная интеграция на постсоветском пространстве в конце концов принесет выгоды всем участникам, а любые другие интеграционные форматы не смогут заменить преимущества от сотрудничества с Россией. По тональности идеи относительно интеграционных процессов ориентированы именно на аргументированное убеждение, а не на идеологизированные слоганы.

ЛИЧНОСТНЫЙ УРОВЕНЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ПУТИН – ШЕВАРДНАДЗЕ

Следующий этап двусторонних отношений связан с назначением Владимира Путина премьер-министром России 9 августа 1999 года, через год после обрушения рубля в августе 1998 года и через два дня после вторжения боевиков в Дагестан, с которого началась вторая чеченская война.¹ Назначение на должность премьер-министра

¹ Сегодня Дагестан отделяет от России // Коммерсант, 10.08.1999 <http://kommersant.ru/doc/223416>

человека, служившего когда-то в силовых структурах, было обусловлено именно необходимостью обеспечить национальную безопасность страны.

Отношения России и Грузии обострились к началу ноября 1999 года из-за российской операции в Чечне, а поводом для возмущения с грузинской стороны послужила огласка Владимиром Путиным состоявшегося в конце октября 1999 года разговора Шеварднадзе с Ельциным относительно возможности пропустить российские войска через грузинскую территорию для захода в Чечню, а также относительно совместного патрулирования российскими и грузинскими пограничниками границы с Чечней. Предварительно Шеварднадзе дал согласие, однако, через некоторое время передумал. По словам российских СМИ, это было связано с осуждением российских действий в Чечне со стороны США и обещанием Америки увеличить финансовую помощь Грузии. Свой отказ Шеварднадзе объяснил нежеланием вмешиваться во внутренние дела России каким-либо образом.¹ Для российской стороны этот отказ выглядел как отказ от стратегического партнерства, в связи с чем Москва предложила ввести визовый режим для защиты от проникновения боевиков через границу (режим вступил в силу в декабре 2000 года). Однако же, на практике это был способ ответить Грузии на действия, которые Москва восприняла как отказ от сотрудничества. Россия до настоящего времени так и не отменила визовый режим с Грузией, несмотря на встречные шаги Грузии.

Бывший министр иностранных дел Грузии Ираклий Менагаришвили впоследствии перечислил российские требования, при соблюдении которых визовый режим не был бы введен: «сохранение российских военных баз в Грузии; предоставление плацдарма и аэродромов для осуществления операции в Чечне; вступление Грузии в Таможенный союз и новосозданное ЕАЭС (Евразийское экономическое сообщество); отказ от проекта по транспортировке каспийской нефти по маршруту Баку-Тбилиси-Джейхан».²

К 1999 году Грузия уже два года состояла в блоке антироссийской направленности ГУУАМ, а в апреле 1999 года Грузия (вместе с Азербайджаном и Узбекистаном) отказались продлить свое участие в Договоре о коллективной безопасности от 1992 года. Говоря о более широком международном контексте, не стоит забывать, что в целом 1999 год выдался непростым для отношений России и Запада: в марте 1999 года НАТО начала без мандата ООН бомбардировки Югославии, в апреле 1999 года произошло первое расширение НАТО после распада СССР (Венгрия, Польша, Чехия). Во время обострения российско-грузинских отношений в ноябре 1999 года проходил исторический саммит ОБСЕ в Стамбуле, на котором обсуждался обновленный вариант Договора об обычных вооруженных силах в Европе.³

Следующий этап отношений Путина и Шеварднадзе уже происходил на ином уровне. Впервые Владимир Путин встретился с большинством лидером стран СНГ на саммите организации в феврале 2000 года, в статусе исполняющего обязанности президента, еще до своего избрания на выборах 26 марта 2000 года. Интересно, что на тот момент, по сообщениям СМИ, в Грузии на нового российского президента возлагали надежды и ожидали потепления двусторонних отношений. Еще до своего вылета на саммит, именно Шеварднадзе предложил кандидатуру Путина на пост председателя СНГ (президент Таджикистан Эмомали Рахмон не надеялся получить единогласную поддержку своей кандидатуры, хотя по правилам ротации председательствовать должен был именно Таджикистан).⁴ Вернувшись в Тбилиси после саммита, Шеварднадзе заявил, что необходимо выстраивать равноправные отношения с Россией, чтобы сохранить свою независимость.⁵

Далее отношения России и Грузии развивались на фоне спора, есть ли в Панкисском ущелье чеченские боевики или нет (визит Игоря Иванова в Грузию в июне 2000 года),⁶ обсуждения проблем грузинского долга, вывода российских войск с территории Грузии и конфликтов в Абхазии и Южной Осетии (саммит СНГ в Ялте в августе 2000 года).

Летом и осенью 2001 года разразился кризис в Кодорском ущелье, когда при помощи отряда чеченского полевого командира Руслана Гелаева Грузия попыталась военным способом еще раз (после предыдущей попытки в Гальском районе в мае 1998 года) решить конфликт в Абхазии. По мнению Ф.И.Станевского, бывшего посла России в Грузии, Шеварднадзе этими двумя операциями подставил себя: первая операция в 1998 году была неподготовлена, а вторая происходила на фоне терактов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, при этом Гелаева американцы все же считали террористом, поэтому Шеварднадзе сложно было объяснить своим партнерам в США, как он пошел на сотрудничество с Гелаевым.⁷

В октябре 2001 года Владимир Путин заявил, что Россия не будет удерживать Грузию в СНГ, если та решит выйти из организации,⁸ а также готова обсудить вывод российского миротворческого контингента из Абхазии, как этого потребовал грузинский парламент.

В ноябре 2001 года состоялась встреча Владимира Путина и Эдуарда Шеварднадзе в Кремле, в ходе которой российский президент пообещал, что Грузия может рассчитывать на Россию в решении своих экономических проблем.

¹ Грузия пришла на базы // Коммерсант, 09.11.1999 <http://kommersant.ru/doc/229809>

² Содружество независимых государств заканчивается на грузино-российской границе // Коммерсант, 05.12.2000 <http://kommersant.ru/doc/164732>

³ Стамбульский саммит ОБСЕ на грани провала // независимая газета, 19.11.1999 http://www.ng.ru/world/1999-11-19/1_summit.html

⁴ Главы СНГ выбрали президента России // Коммерсант, 25.01.2000 <http://kommersant.ru/doc/138197>

⁵ О.Федоров. Путин понравился Шеварднадзе // Независимая газета, 01.02.2000 http://www.ng.ru/cis/2000-02-01/5_i_like_him.html

⁶ Где скрываются чеченские боевики // Коммерсант, 16.06.2000 <http://kommersant.ru/doc/150640>

⁷ Интервью Ф.И.Станевского «Кавказскому дому» 21.11.2016.

⁸ Путин: Россия не будет удерживать Грузию в СНГ // Коммерсант, 12.10.2001 <http://kommersant.ru/doc/924634>

При этом визит происходил на фоне очередного обострения в отношениях: Грузия обвинила Россию в нарушении ее суверенитета и бомбардировках ее территории (Панкисского ущелья) в ночь с 27 на 28 ноября 2001 года.

К декабрю 2001 года Шеварднадзе заявил, что замены российским миротворцам в Абхазии нет,¹ так как международное сообщество было больше озабочено борьбой с международным терроризмом в Афганистане после атак 11 сентября 2001 года. Россия, со своей стороны, перестала блокировать резолюцию ООН по основным принципам статуса Абхазии в составе Грузии.² К февралю 2002 года Грузия уже открыто признала, что в Панкисском ущелье находятся боевики и беженцы из Чечни. Однако, чтобы добиться их выдачи, Владимиру Путину пришлось пойти на резкие заявления: «Если грузинское руководство не сможет создать зону безопасности в районе грузино-российской границы, будет и дальше игнорировать резолюцию Совета Безопасности ООН #1373 от 28 сентября 2001 года, не положит конец бандитским вылазкам и нападением на сопредельные регионы России, мы оставляем за собой право действовать в соответствии со статьей 51 устава ООН, закрепляющей за каждым государством-членом ООН неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону».³ Грузия согласилась на выдачу боевиков, вместе с тем, по-прежнему возлагая на Россию часть вины. Позднее грузинский спикер парламента (2004-2008г.г.) Нино Бурднадзе, например, считала, что панкисский кризис – это «с одной стороны, продолжение абхазского кризиса, а с другой – попытка оправдать неудачи российской армии в Чечне».⁴ Интересно, что в январе 2003 года заместитель госсекретаря США Р.Армитедж заявил, что США не будут критиковать Россию, если она решит нанести превентивный удар по чеченским боевикам в Панкисском ущелье.⁵

ПУТИН – СААКАШВИЛИ

Далее в отношениях России и Грузии при президенте Путине основным переломным моментом стала «революция роз». В ходе ситуации с выборами 2003 года Шеварднадзе активно консультировался с Россией по поводу внутривнутриполитической ситуации в Грузии, чтобы обеспечить невмешательство Москвы, чего и удалось добиться в результате переговоров.

Однако, интересно отметить, что грузинские элиты до проигрыша в «революции роз» обвиняли США во вмешательстве во внутренние дела, спонсировании оппозиции и организации революций. Так, Аслан Абашидзе заявлял в середине ноября 2003 года: «Нынешняя кампания оплачена и изнутри, и извне. Вышедшие на улицы люди прошли специальные курсы, когда это надо делать и в каких масштабах. Пока не изменятся планы тех, кто стоит за этой кампанией, и пока существует их финансирование, мы не сможем быть спокойны».⁶ Интересно, что Россия лишь позже начала использовать в своей официальной риторике аргумент относительно внешнего вмешательства.

23 ноября 2003 года российский министр иностранных дел Игорь Иванов совершил визит в Тбилиси, где выступил посредником между Шеварднадзе и Саакашвили, в результате переговоров Эдуард Шеварднадзе принял решение уйти в отставку, которое, по некоторым сведениям, вызвало в Кремле шок, так как Россия ожидала, что Шеварднадзе пойдет на новые досрочные выборы.⁷ Важно отметить, что в тот период Иванов не считал события в Грузии государственным переворотом.⁸ Вместе с тем, переворотом эти события считали лидеры Южной Осетии, Абхазии и Аджарии, переговоры с которыми прошли 28 ноября в Москве. Как сообщают СМИ, три региона дали свое согласие на защиту Россией своего населения и территории при новом руководстве, которое потенциально может представлять для них угрозу.⁹ Вместе с тем, для России на тот момент это была скорее потенциальная возможность на будущее, чем реальный план, пока ситуация в Грузии не начала меняться.

Первый зарубежный визит новый грузинский президент Саакашвили в феврале 2004 года совершил в Россию, что эксперты оценивают как некий сигнал о желании наладить продуктивный диалог и, возможно, благодарность за то, что Россия не стала поддерживать Шеварднадзе в ходе «революции роз». Саакашвили заявил следующее: ««Я приехал сюда для того, чтобы с вами подружиться. Россия – великая держава. Мы – маленькая страна. Но у нас есть свои интересы, своя гордость, своя история. И эта история связана с великой Россией. Мы надеемся, что все вопросы мы решим. Может не сразу, но постепенно диалог придет к результату».¹⁰ Владимир Путин в ходе этой встречи отметил: ««Хочу обратить внимание на то, что мы всегда идем навстречу Грузии, фактически, по любому вопросу. Это касается и реструктуризации задолженности, и поставки энергоносителей».¹¹

В апреле 2004 года в интервью газете «Известия» Саакашвили с восторгом рассказывал про то, что Владимир Путин держит свои обещания: «Путин поддержал концепцию «территориальной целостности Грузии» и тем самым

¹ Российские миротворцы останутся в Абхазии // Коммерсант, 04.12.2001 <http://kommersant.ru/doc/300350>

² Грузия оставит российских миротворцев // Коммерсант, 05.02.2002 <http://kommersant.ru/doc/308972>

³ Россия отомстит за Ирак Грузии // Коммерсант, 12.09.2002 <http://kommersant.ru/doc/340656>

⁴ «Нам хватит ума, чтобы даже не заявлять, что мы будем бомбить территорию России» // Коммерсант, 16.09.2002 <http://kommersant.ru/doc/341142>

⁵ США разрешили России бомбить Грузию // Коммерсант, 24.01.2003 <http://kommersant.ru/doc/360672>

⁶ Руки за границы // Коммерсант, 17.11.2003 <http://kommersant.ru/doc/428330>

⁷ Москва сделала ход дверью // Коммерсант, 29.11.2003 <http://kommersant.ru/doc/432151>

⁸ МИД России не считает события в Грузии переворотом // Коммерсант, 23.11.2003 <http://kommersant.ru/doc/969403>

⁹ Москва сделала ход дверью // Коммерсант, 29.11.2003 <http://kommersant.ru/doc/432151>

¹⁰ В Кремле проходит встреча Владимира Путина и грузинского лидера Михаила Саакашвили // 1 канал, 11 февраля 2004 http://www.1tv.ru/news/2004-02-11/246940-v_kremle_prohodit_vstrecha_vladimira_putina_i_gruzinskogo_lidera_mihaila_saakashvili

¹¹ В Кремле проходит встреча Владимира Путина и грузинского лидера Михаила Саакашвили // 1 канал, 11 февраля 2004 http://www.1tv.ru/news/2004-02-11/246940-v_kremle_prohodit_vstrecha_vladimira_putina_i_gruzinskogo_lidera_mihaila_saakashvili

заставил лидера Аджарии согласиться на более конструктивный диалог с Грузией», а также, заявил грузинский президент, «у нас теперь есть твердая уверенность в том, что оставшиеся в Грузии российские военные базы будут поддерживать законное правительство Грузии или в крайнем случае соблюдать твердый нейтралитет».¹

По словам грузинского президента, он каждую неделю беседовал по телефону с Владимиром Путиным, что создавало предсказуемость в двусторонних отношениях. В этой связи недоброжелатели, по словам Саакашвили, обвиняли в том, что он – пророссийский агент. Вместе с тем, как заявил грузинский президент, «слава богу, печальная страница в отношениях Грузии и России перевернута. Надеюсь – навсегда».²

Аджарский кризис весной 2004 года привел к бескровной революции по сценарию, который Москва была вынуждена одобрить: именно грузинская сторона обратилась к России с просьбой выступить посредником (опять в этой роли выступил Игорь Иванов уже как Секретарь Совета Безопасности России) и обеспечить политическое убежище Аслану Абашидзе, если тот согласится добровольно подать в отставку.³

В целом, конечно, после «революции роз» в Москве существовало осторожное отношение к перспективам взаимодействия с М.Саакашвили. Так, заместитель директора Четвертого департамента стран СНГ МИД России А. Чепурин писал в своей статье 2004 года:⁴ обещание Саакашвили выстроить отношения с «чистого листа» было воспринято как отношения «на грузинских условиях», навязывая свои позиции в обсуждении реальных проблем, а при общих декларациях используя слова «дружба» и «братство». Таким образом, заявления Саакашвили о дружбе с Россией воспринимались в российском МИДе достаточно скептически.

Российские эксперты также не выражали оптимизм относительно Саакашвили. Так, действия Саакашвили начала его первого президентства описывались как «шатания Тбилисси из стороны в сторону», лихорадочные кампании, которые должны были продемонстрировать «желание дружить» с Россией, но не сопровождались подвижками навстречу при решении практически любого конкретного вопроса российско-грузинской повестки дня. Положение усугублялось непредсказуемостью, ажиотажной активностью и редкой несдержанностью нашего героя»,⁵ имеется в виду, Саакашвили. В описаниях политики Саакашвили российскими авторами и СМИ вообще много метафор и неформальных определений, несвойственных научным публикациям.

Еще один комментарий российского эксперта по поводу ожиданий российского руководства от сотрудничества с Саакашвили в начале 2005 года: «К сожалению, не по нашей вине переход от «красивых слов» и заверений с грузинской стороны к реальным делам пока не состоялся. Победная эйфория первых месяцев, дополненная «бескровным» присоединением Аджарии, породила в грузинском руководстве ложную уверенность, что им все по плечу, что можно с наскока, одним махом, используя силовой фактор, разрешить давние межэтнические конфликты с осетинами и абхазами».⁶ Интересно, что этот прогноз и эта оценка полностью оправдались: действительно, президент Саакашвили пошел по пути военного решения конфликтов с сепаратистскими регионами.

«Медовый месяц» в отношениях с Грузией завершился в конце 2004 года. По некоторым свидетельствам, в целом положительное отношение Путина к Саакашвили как к младшему партнеру резко поменялось после того, как грузинский президент поддержал «оранжевую» революцию на Украине.

Есть и другая интерпретация охлаждения. Бескровное присоединение Аджарии может быть поставлено в контекст задачи грузинского руководства по восстановлению контроля центральной власти Грузии над своими территориями для укрепления государственного суверенитета, что потребовало борьбы с этно-криминальными сообществами, контролирующими приграничные территории и препятствующими развитию экономических связей с соседними странами. Все это по времени совпало с «новым этапом усиления позиций России на международной арене»: «Окончательная ориентация Грузии на интеграцию в НАТО и ЕС еще более усложнила ситуацию. Сотрудничество с НАТО и военная помощь Грузии вызвали беспокойство со стороны российских вооруженных сил, которые стремились получить информацию о реальных масштабах этой помощи и расстановке сил в регионе, осуществляя разведывательную деятельность».⁷

Далее в отношениях двух стран наступил напряженный период, отметившийся в 2006 году двумя крупными скандалами – «винным» и «шпионским». Грузинское вино было полностью запрещено к ввозу в Россию с 27 марта 2006 года. Можно, конечно, попытаться объяснить этот эпизод только логикой двусторонних отношений России и Грузии, однако, не стоит забывать, что запрет коснулся также и молдавского вина. По молдавскому вину удалось договориться относительно быстро, в результате экспорт в Россию был возобновлен с конца 2007 года. Впрочем, позднее Россия еще несколько раз приостанавливала ввоз вина из Молдавии. Относительно эмбарго грузинского вина, отметим, что абхазское вино тоже попало под запрет, однако же, абхазские власти пошли на контакты с Роспотребнадзором, в результате чего абхазские вина получили разрешение на присутствие на российском рынке в

¹ Олег Осетинский. «Михаил Саакашвили: «Шеварднадзе всегда обманывал Путина» // Известия, 12 апреля 2004 <http://izvestia.ru/news/289012>

² Там же.

³ Аслан Абашидзе выжил из роли // Коммерсант, 07.05.2004 <http://kommersant.ru/doc/472610>

⁴ Чепурин А.В. Семь вопросов российско-грузинской повестки дня / Чепурин Александр Васильевич // Международная жизнь. – 2004. – № 3. – С. 35 – 56.

⁵ А.Чигорин. «Грузинский тест» // Международная жизнь, №9, 2004, с.41.

⁶ В. Гурев. «Грузинская тема» // Международная жизнь, №1, 2005, с. 89.

⁷ З. Бижанишвили. «Между конфликтами и партнерством: современное развитие российско-грузинских отношений» // Полис, №4, 2008, с. 170.

тот период, когда грузинские вина все еще находились под запретом. Кроме того, с 2006 по 2013 годы в Россию был запрещен ввоз минеральной воды «Боржоми» и «Набеглави». По словам главного санитарного врача России Г.Онищенко, Роспотребнадзор хотел выйти на контакт с грузинской стороной для устранения претензий к качеству продукции и возобновления экспорта в 2007 году, но грузинские власти не проявили энтузиазма.¹ Интересно, что российское население, согласно результатам опросов общественного мнения, поддержало идею запрета на ввоз некачественного вина.²

Более того, население России поддержало и жесткие меры российских властей, последовавшие за так называемым «шпионским скандалом» 2006 года:³ реакция России включала отзыв российского посла, сведение дипломатических отношений к минимуму, а также различные действия российских властей, которые иногда называют «выдворением грузин из России». Некоторые российские эксперты считают такую жесткую реакцию Кремля «эмоциональной», поэтому достаточно быстро от антигрузинской кампании решено было отказаться.⁴ Среди других интерпретаций, почему эта кампания была быстро свернута: резкая реакция Запада,⁵ негативное освещение кампании в российских СМИ,⁶ а также то, что от антигрузинской кампании страдает грузинское общество, а не режим М.Саакашвили.⁷

Глава 3. ПЕРЕЛОМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ (2007-2016): СТРОИТЕЛЬСТВО «СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ»

ВНУТРЕННЯЯ СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

СТРОИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ НАЦИИ И ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМАМ СЕПАРАТИЗМА

Для понимания позиции России по межэтническим конфликтам на постсоветском пространстве, в том числе грузино-абхазского и грузино-осетинского, необходимо разобраться с общим российским подходом к нациестроительству. Хотя, в отличие от некоторых других новых независимых государств, появившихся после распада СССР, у России был опыт собственной государственности до 1917 года, но не было опыта создания государства-нации, а только опыт империи. В 1991 году перед Россией встала задача создания российской нации. Используемое Борисом Ельциным обращение «дорогие россияне» вызывало у граждан России скорее улыбку, чем гордость и ощущение собственной принадлежности к единой нации.

Понятие российской нации появилось только в Конституции 1993 года, принятой после парламентского кризиса октября 1993 года: «мы, многонациональный народ Российской Федерации». Однако же, даже к концу 2016 года на официальном уровне все еще не было понимания, что же такое «российская нация»: в октябре 2016 года на заседании Совета по межнациональным отношениям Владимир Путин поддержал идею о разработке федерального закона «О российской нации и управлении межэтническими отношениями» на основе принятой в 2012 году Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года.⁸ Таким образом, очевидно, что процесс нациестроительства в России еще далеко не завершен, и перед российскими политическими элитами стоит вопрос поиска объединяющей национальной идеи.

Впрочем, вряд ли можно утверждать, что процесс строительства наций полностью завершился и в остальных странах постсоветского пространства. От Советского союза бывшие республики унаследовали ряд проблем в сфере межэтнических отношений. Впрочем, не от всего советского наследия власти новых государств поспешили отказаться: как пишет С.Маркедонов, уход от идеологии не означал для новых политических элит отказ от территориально-административного межевания, проведенного советскими властями без учета истории межнациональных отношений. При этом новые элиты не имели никакого опыта обеспечения национального мира, кроме имперского и советского. В результате новые элиты многих новых независимых государств выбрали стратегию этнического национализма, что автоматически означало, по мнению Маркедонова, частичную или полную нелегитимность таких государств из-за непризнания со стороны этнических меньшинств, например, Южной Осетии и Абхазии в случае Грузии.⁹ При этом важно понимать и специфику отношений между так называемыми титульными нациями в СССР

¹ Онищенко: в Грузии литературное творчество ценится выше, чем виноделие // Российская газета, 04.10.2007 <https://rg.ru/2007/10/04/onischenko-vino-anons.html>

² Пресс-выпуск № 444, «Истина в вине», ВЦИОМ, 10 мая 2006 года <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2600>

³ Пресс-выпуск № 558. «Российские санкции против Грузии: достаточные, чрезмерные или неэффективные?», ВЦИОМ, 20.10.2006 <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3456>

⁴ «Антигрузинская кампания в России заканчивается» // Известия, 25.10.2006 <http://iz.ru/news/386419>

⁵ См., например, более поздний доклад Human Rights Watch: «Антигрузинская кампания», 30.09.2007 <https://www.hrw.org/ru/report/2007/09/30/255315>

⁶ Подробнее о ходе кампании и ее освещении в российских СМИ см. доклада Общества «Мемориал», Антигрузинская кампания: дискриминация по этническому признаку (конец сентября 2006 – октябрь 2006 г.) <http://old.memo.ru/hr/discrim/georgia.html>

⁷ «Антигрузинская кампания в России заканчивается» // Известия, 25.10.2006 <http://iz.ru/news/386419>

⁸ Путин поддержал предложение разработать закон о российской нации // РБК, 31.10.2016 <http://www.rbc.ru/politics/31/10/2016/5817699c9a7947df2118164e>

⁹ Маркедонов С. Турбулентная Евразия. Межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства. – М.: Academia, 2010. – сс. 9-10.

и национальными меньшинствами. Как пишут В.Тишков и Ю.Шабаев, исторически национальные меньшинства не были «членами» титульной нации в национальных республиках. После распада Советского Союза эта логика была унаследована новыми элитами, которые стали считать, что нация – это этническая общность, которая образовала соответствующее государство и является его собственником.¹

Российский подход к строительству наций основан на исторически обусловленном концептуальном выделении в период существования СССР «плохого» национализма со стороны угнетающей нации и «хорошего» местного освободительного национализма.² По инерции такого советского подхода Ельцин произнес свою знаменитую фразу «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить!». Именно исходя из того, что «освободительный» национализм может быть только положительным по своей сути, Россия поддержала сепаратистские территории в начале 1990-х годов. Вместе с тем, появление в самой России сепаратистских движений на Северном Кавказе, а также сепаратистских настроений в некоторых республиках (Татарстан, Башкирия, Якутия) привели к изменению российского официального подхода на поддержку территориальной целостности Грузии, Молдавии, Азербайджана.

Тема выдачи российских паспортов жителям непризнанных республик, как правило, рассматривается в контексте российской стратегии урегулирования межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве и представляется зарубежными экспертами как проявление неоимперской политики России. С собственной российской точки зрения процесс паспортизации скорее следует вписать не в логику урегулирования конфликтов, а в логику строительства единой российской нации.

После распада СССР за границами Российской Федерации осталось много русских и русскоязычных граждан, в связи с чем возникла идея о русских как о разделенной нации. Решением этой проблемы стала не слишком удачная попытка введения института двойного гражданства в 1993 году, а позднее – закон о российском гражданстве 2002 года, который позволял стать гражданами России лицам, которые «имели гражданство СССР, проживали и проживают в государствах, входивших в состав СССР, не получили гражданства этих государств и остаются в результате этого лицами без гражданства».³ Эта формулировка позволила получить российское гражданство этническим русским, оставшимся после распада Союза на территории других бывших республик. Одновременно этой возможностью удалось воспользоваться и жителям непризнанных республик – Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии.

В целом российская политика по отношению к соотечественникам до российско-грузинского конфликта 2008 года не была ярко выраженной и не служила аргументом в российской внешней политике.⁴ Как указывает И.Зевелёв, окончательная легитимизация дискурса о русских как разделенной нации произошла после присоединения Крыма в речи Владимира Путина от 18 марта 2014 года. Российскими элитами, пишет Зевелёв, была произведена секьюритизация концепции русского мира: теперь Россия должна обеспечивать безопасность большей, чем государство, общности.⁵

ОБОСНОВАНИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА

Создается впечатление, что российская позиция по международному вмешательству и суверенитету двойственна и непоследовательна. Например, в ситуации конфликта с Грузией в 2008 году действия Грузии по отношению к Южной Осетии по своим целям напоминают действия России по отношению к Чечне. Признание Южной Осетии и Абхазии, а позднее и присоединение Крыма противоречат российской позиции по признанию независимости Косово. Лидирующая роль России в миротворческих операциях в Приднестровье, Южной Осетии, Абхазии и Таджикистане в 1990-х годах без мандата ООН противоречат российской позиции относительно операции НАТО в Косово в 1999 г. и возглавляемой США операции в Ираке в 2003 г., так как обе операции начинались без мандата ООН.

Не пытается ли авторитарная (по мнению многих западных стран) Россия воспрепятствовать реализации принципа ответственности по защите, чтобы предотвратить возникновение прецедентов для вмешательства во внутренние дела, опасаясь за судьбу существующего в России режима? Можно ли считать участие в урегулировании конфликтов в 1990-е годы и конфликт с Грузией в 2008 году признаками российского неоимпериализма? Традиционная реалистская логика подсказывает положительные ответы на эти вопросы, далее оценки разнятся в зависимости от того, оценивать ли данные тенденции со знаком плюс или минус. Вместе с тем, возможны и альтернативные объяснения описанных противоречий в российской позиции.

Примем за исходное положение, что Россия действительно имеет неоимперские амбиции, хочет выступать арбитром во всех конфликтах на постсоветском пространстве и действительно поддерживает сепаратистские республики (Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия, Нагорный Карабах). В этом случае в 1990-е годы Россия не остановилась бы на военной стадии и в рамках политических соглашений сумела бы навязать такое решение, которое привело бы к реальной независимости данных территорий, однако же, этого не произошло. Точно так же в 2008 году Россия

¹ Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. – М.: Издательство МГУ, 2011. – сс. 91-92.

² Маркедонов С. Турбулентная Евразия. Межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства. – М.: Academia, 2010. – С. 7.

³ Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 N 62-ФЗ.

⁴ Подробнее по этому вопросу см.: Зевелёв И. Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике, № 1, 2008 http://www.globalaffairs.ru/number/n_10265

⁵ Зевелёв И. Границы русского мира // Россия в глобальной политике, №2, 2014 <http://www.globalaffairs.ru/number/granitcy-russkogo-mira--16582>

не повела свои войска на Тбилиси и не сменила режим Саакашвили, хотя именно такое решение гарантировало бы безопасность Южной Осетии и Абхазии, при этом провести такую операцию можно было бы под предлогом ответственности по защите. Россия для достижения тех же целей обеспечения безопасности двух непризнанных республик пошла на их признание, но не на смену режима Саакашвили, с которым затем Москва не хотела иметь ничего общего. Конечно, может быть традиционное реалистское объяснение описанных событий: в 1990-е годы еще слишком значимыми были проблемы с чеченским сепаратизмом, в результате неоимперские амбиции уступили место необходимости не создавать прецеденты для сепаратизма на постсоветском пространстве. То есть неоимпериализм (желание присоединить в виде своеобразных колоний сепаратистские территории) столкнулся с императивом территориальной целостности России (проблемы сепаратизма 1990-х годов). К 2008 году проблема с чеченским сепаратизмом была уже относительно урегулирована и риски сепаратизма в России в целом, в отличие от 1990-х годов, были минимальны, поэтому Россия изменила свой подход и приняла решение о признании независимости Южной Осетии и Абхазии.

ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНФЛИКТА 2008 ГОДА

Конфликт августа 2008 года имел ярко выраженное пропагандистское измерение: скоротечность событий ограничила возможность международного сообщества и населения вовлеченных стран разобраться в происходящих событиях, в результате чего значимую роль стали играть интерпретации событий вовлеченными сторонами. Военные действия сопровождалась информационной войной, в которой на первом этапе выиграла Грузия. России в информационной сфере пришлось занять оборонительную позицию и отвечать на обвинения Грузии, которая создала свою картину событий, отраженную в мировых СМИ. Несмотря на военную победу в конфликте, Россия понесла поражение в войне информационной. В дальнейшем урегулирование конфликта перешло на международный уровень с привлечением различных международных организаций и созданием международных переговорных площадок. Именно поэтому как для Москвы, так и для Тбилиси на постконфликтном этапе стало более важным оправдать свои действия в глазах международного сообщества, чем в глазах собственного населения.

Первый важный аспект – это четкое разделение между М.Саакашвили и грузинским народом. В официальной риторике подчеркивается, что у России конфликт с конкретным человеком, который принял конкретное решение, но на уровне взаимоотношений между российским и грузинским народом подобных проблем нет. В выступлении 26 августа 2008 года министр иностранных дел России С.Лавров сказал буквально следующее: «Убежден, что грузинский народ, к которому мы питаем самые искренние чувства дружбы и симпатии, заслуживает правителей, способных реально заботиться о своей стране, избегать шагов, наносящих непоправимый вред своей собственной стране, – правителей, которые будут в состоянии взаимоуважительно, по-добрососедски, равноправно налаживать отношения с соседними народами».¹

Еще одна, направленная в основном на международную аудиторию, оценка квалифицирует действия Грузии как «геноцид» против югоосетин и абхазов. Такую оценку находим в заявлении Д.Медведева, призванном объяснить причины признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии.² Международная практика признания сепаратистских государств показывает, что на современном этапе развития международных отношений именно масштабное нарушение прав человека вплоть до геноцида может служить достаточным основанием для признания независимости какого-либо государства. Именно потребность в легитимизации своих действий на международном уровне обусловила использование данного термина. Для привлечения дополнительного внимания западных партнеров к происходящему в Южной Осетии и Абхазии после конфликта (проблема прекращения поставок газа) были использованы метафоры, отсылающие к Холокосту: «Россия многократно на различных международных форумах, в контактах с западными партнерами остро ставила вопрос о недопустимости продолжения «газового удушения» Южной Осетии».³

ЛИЧНОСТНЫЙ УРОВЕНЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

МЕДВЕДЕВ – СААКАШВИЛИ

Ситуация вокруг конфликта 2008 года хорошо изучена в научной литературе и публицистике, поэтому далее приведен наиболее характерный пример отношения президента России Дмитрия Медведева к президенту Грузии Михаилу Саакашвили.

Описывая отношения с Саакашвили, Медведев в интервью 2011 года относительно конфликта между Россией и Грузией привнес элемент личной неприязни к грузинскому лидеру: «Саакашвили совершил преступление по от-

¹ Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова, Сочи, 26 августа 2008 год. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/Brp_4.nsf/arh/7544BC0343E837DBC32574B200585C85?OpenDocument

² Заявление Президента Российской Федерации Д.А.Медведева, 26 августа 2008 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/Brp_4.nsf/arh/5A25D3A9082FB6E7C32574B1003DAF8D?OpenDocument

³ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с газовой блокадой Южной Осетии со стороны Грузии, 15 января 2009 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/Brp_4.nsf/arh/599F81B173EC449EC325753F003A8169?OpenDocument

ношению к Российской Федерации и к её гражданам. По его указанию были убиты сотни наших граждан, включая наших миротворцев. Этого я ему никогда не прощу и поэтому я с ним общаться не буду».¹ Называя грузинского президента нерукопожатной фигурой, Медведев добавил, что Саакашвили «вообще должен быть признателен мне, что в какой-то момент я просто остановил войска. Если бы они вошли в Тбилиси, то, скорее всего, в настоящий момент в Грузии был бы другой президент».²

Возможно, такую сильную личную неприязнь, которая чувствуется в словах Дмитрия Медведева, можно объяснить разочарованием и обманутыми ожиданиями после первой встречи Медведева и Саакашвили 6 июня 2008 года: эта встреча дала надежду на возобновление конструктивного диалога. В частности, тогда Саакашвили заявил, что «Россия и Грузия – страны, которые очень близки друг к другу – исторически, культурно, человечески, и сегодняшняя ситуация искусственная».³ Как заявил министр иностранных дел России Сергей Лавров после этой встречи, «российская сторона почувствовала, что президент Грузии действительно хочет уделить приоритетное внимание урегулированию конфликтов».⁴ Когда же через два месяца после этой встречи грузинская сторона начала решение конфликта в Южной Осетии военным способом, с российской стороны это было воспринято как предательство доверия.

После конфликта 2008 года Шеварднадзе сохранил положительное отношение к Путину лично: в интервью 2012 года бывший грузинский президент сказал, что знает Путина практически с его детства и что «безосновательно говорить, что возвращение Путина для Грузии станет катастрофой», потому что «Россия – наш большой сосед. Зачем России оккупация Грузии, она и так прочно укоренилась в нашей экономике. Большая часть стратегических объектов, то, что мы знаем, и чего не знаем, уже у нее в руках. Она признала независимость Абхазии и Самачабло (Южная Осетия), поэтому у нее нет повода оккупировать Грузию».⁵

Отметим ряд внутривнутриполитических следствий из конфликта 2008 года для российских властей. По мнению российского военного эксперта С.Мелькова, можно отметить четыре главных итога:⁶ 1) консолидация российского общества; 2) политическая элита в целом поддержала применение силы и признание независимости Южной Осетии и Абхазии; 3) российский президент Д.Медведев продемонстрировал жесткую политическую волю в случае защиты интересов российских граждан; 4) значительно укрепился авторитет российских вооруженных сил в российском обществе.

Если подводить итог периоду нахождения у власти Михаила Саакашвили, то можно сделать следующие обобщения. Энтузиазм по поводу нового лидера, пришедшего к власти в результате «революции роз» выражали скорее СМИ, чем эксперты-политологи или представители российского МИДа, которые быстро смогли оценить, что за обещаниями не следуют уступки. Более того, многие эксперты еще до конфликта 2008 года смогли предсказать развитие событий, опираясь на поведение президента Саакашвили.

Одновременно необходимо понимать контекст кризиса в двусторонних отношениях с точки зрения перелома во внешней политике России (см. подробнее в соответствующем разделе). К 2006-2007 годам Россия начала более активно участвовать в формировании глобальной повестки дня, а также открыто высказывать свое недовольство однополярной структурой системы международных отношений, что нашло отражение в знаменитой «Мюнхенская речи» Владимира Путина в 2007 году. Именно этим и можно объяснить достаточно жесткую реакцию России в виде запрета на ввоз вина и антигрузинской кампании, так как в лице Грузии Россия, возможно, хотела дать отпор НАТО и ЕС, потенциальная экспансия которых не принимала во внимание интересы России по обеспечению ее военной и экономической безопасности. Более жесткий стиль в двусторонних отношениях коснулся не только Грузии, но и Молдавии, а также в связи с так называемыми «газовыми конфликтами» с Украиной (2005-2006) и Белоруссией (2007). Напомним, что для Грузии также цена на газ была поднята в 2005 году. В целом на данном этапе Россия поставила перед собой задачу либерализовать экономические отношения на постсоветском пространстве. В Обзоре внешней политики России за 2006 год приведено следующее объяснение повышения цен на энергоносители: «Переход на рыночную основу в экономических связях со странами СНГ давно назрел. “Фаворитизм” в отношении отдельных партнеров не только противоречит общепринятой мировой практике, но и искажает процессы их внутреннего развития, снижает стимулы к структурной перестройке экономик, не вписывается в наше общее стремление вступить в ВТО. При этом Россия готова рассматривать варианты постепенного перехода на новые цены на энергоносители. Задача – преодоление политизации экономического сотрудничества, искажающей природу наших отношений. Это, как показывают опросы, отвечает настроениям в российском обществе. Прежние цены как раз диктовала политика, и ни к чему хорошему ни для стран-поставщиков, ни для стран-потребителей это не привело. Речь идет о важнейшем элементе взаимной эмансипации, позволяющей снять все рудименты прошлого и выстраивать прагматичные отношения, устремленные в будущее, основанные на взаимном уважении и взаимной выгоде».⁷

¹ Медведев: победа Саакашвили в выборах не улучшит отношения Грузии с РФ // РИА Новости, 05.08.2011 <https://ria.ru/politics/20110805/412248918.html>

² Медведев рассказал, за что Саакашвили должен благодарить его // РИА Новости, 05.08.2011 <https://ria.ru/politics/20110805/412429796.html>

³ Медведев и Саакашвили считают, что нерешаемых проблем в отношении РФ и Грузии нет // Известия, 6 июня 2008 года <http://izvestia.ru/news/427048>

⁴ Там же.

⁵ Э.Шеварднадзе: В.Путин я знаю чуть ли не с детства // РБК, 03.10.2011 <http://www.rbc.ru/politics/03/10/2011/5703ecf09a79477633d386e3>

⁶ С.Мельков. Вооруженный конфликт в Южной Осетии глазами политолога // Власть, № 10, 2008, с. 29.

⁷ Обзор внешней политики Российской Федерации, 27.03.2007.

После смены власти в Грузии в 2012 году отношения России и Грузии постепенно идут к нормализации, оставаясь без изменений «красную линию» – признание независимости Южной Осетии и Абхазии.

Термин «нормализация» в отношениях с Грузией постоянно используется российскими официальными лицами и экспертами. Интересно, что этот термин использовался за несколько месяцев до августовского конфликта: в апреле 2008 года Владимир Путин, буквально в последние дни своего президентства дал указание на продолжение нормализации отношений с Грузией, в частности, возобновить почтовое сообщение в дополнение к возобновлению транспортного сообщения. Также было дано распоряжение начать подготовку к снятию визовых ограничений, ускорить завершение реконструкции пограничного перехода Верхний Ларс, приступить к экспертным консультациям по проблемам доступа грузинской продукции на российский рынок.¹

К вопросу о безвизовом въезде для граждан Грузии Владимир Путин вернулся в декабре 2016 года во время большой пресс-конференции: «...в конечном итоге всё-таки нужно думать о нормализации, и я не исключаю возвращения к безвизовому режиму для граждан Грузии в России. Мне кажется, что для этого есть все основания, тем более что мы видим определённые сигналы со стороны отдельных правящих структур в Грузии. Очень важно наладить нормальные взаимоотношения по линии спецслужб и правоохранительных органов с точки зрения совместной борьбы с терроризмом, чтобы этот безвизовый режим ни в коем случае не наносил ущерба нашей безопасности именно на антитеррористическом треке. Думается, что это вполне возможно».² В этой же речи российский президент говорил в разных контекстах и о нормализации российских отношений с Турцией, Украиной и США. На нынешнем этапе своего развития для России важно показать свою готовность к нормализации отношений с партнерами, отношения с которыми находятся в состоянии глубокого кризиса.

Важной вехой нормализации стало создание формата Абашидзе-Карасин после победы на выборах в Грузии в октябре 2012 года коалиции «Грузинская мечта». В целом победа оппозиционной коалиции в Грузии расценивалась российскими политологами очень позитивно,³ а Владимир Путин в декабре 2012 года подтвердил, что несмотря на невозможность для обеих сторон изменить свою позицию по Южной Осетии и Абхазии, всё-таки можно ожидать улучшения: «Мы реально хотим нормализации отношений с Грузией, хотя с точки зрения экономической, конечно, надо прямо сказать, Грузия заинтересована в этом больше, чем Россия, но мы здесь не собираемся нос задирать и говорить, что нам это не нужно. Нет, мы считаем, что отношения между двумя очень близкими народами нужно нормализовать, нужно обязательно к этому стремиться. Как преодолеть эти самые сложные проблемы в наших отношениях, у меня пока нет ответа, но, поскольку появились люди, которые готовы заняться этим профессионально, давайте будем думать об этом вместе».⁴

На сайте российского МИДа в разделе по двусторонним отношениям России отношения с Грузией выделены в отдельный пункт, наряду с отношениями с США, ЕС, НАТО, Китаем, Индией, Турцией. В частности, там указано, что «Россия, как и прежде, настроена на диалог и развитие добрососедских отношений с Грузией и грузинским народом. С нашей стороны никаких препятствий нет, и степень нормализации зависит исключительно от политической воли и реализма Тбилиси».⁵ Таким образом, с одной стороны Москва указывает на то, что отношения действительно находятся в тупике, однако, Россия готова на позитивный диалог при наличии политической воли в Грузии, тем самым перекладывая ответственность за состояние отношений на Тбилиси.

К следующим выборам октября 2016 года у России накопился опыт конструктивных отношений с «Грузинской мечтой». Накануне выборов российский эксперт Николай Силаев таким образом охарактеризовал отношения: «Грузинская Мечта» хороша тем, что она предсказуема. Впервые с 1991 года мы имеем в Грузии партнеров, с которыми не приходится скандалить каждую неделю. Да, отдельные персонажи есть – та же бывшая министр обороны Тинатин Хидашели, ушедшая в отставку 1 августа, наговорила столько, что ей даже стал отвечать замминистра иностранных дел России Григорий Карасин, обычно сдерживающийся. Однако это эпизоды, и они не являются сутью политики Грузии, как было при Саакашвили».⁶

Россия не прекращала говорить о нормализации даже при подготовке договоров с Южной Осетией и Абхазией в 2014 году: министр иностранных дел России Сергей Лавров не видел в этом никакого противоречия.⁷

Важным фактором в нормализации общественных отношений стала, по мнению некоторых экспертов, «отвязка» Грузии от Украины в российском общественном сознании, в основном благодаря взвешенной позиции грузинских властей по украинскому кризису.⁸ Бонусом от нормализации отношений с Грузией может стать демонстрационный

¹ Президент России поручил принять меры по нормализации отношений с Грузией // Первый канал, 18 апреля 2008 года http://www.1tv.ru/news/2008-04-18/194117-prezident_rossii_poruchil_prinyat_mery_po_normalizatsii_otnosheniy_s_gruzией

² Большая пресс-конференция Владимира Путина, 23 декабря 2016 года <http://kremlin.ru/events/president/news/53573>

³ Подробнее о перспективах российско-грузинских отношений после победы «Грузинской мечты» см. доклад Н.Силаев, А.Сушенцов «Грузия после выборов и перспективы российско-грузинских отношений», 2013 <https://regnum.ru/news/1620583.html>

⁴ Пресс-конференция Владимира Путина, 20 декабря 2012 года <http://kremlin.ru/events/president/news/17173>

⁵ Российско-грузинские отношения // Официальный сайт МИД России <http://www.mid.ru/ru/osobennosti-rossijsko-gruzinskih-otnoshenij>

⁶ Победа «Грузинской мечты» на выборах в Грузии приемлема для России // «Внешняя политика», 24.08.2016 <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/pobeda-gruzinskoy-mechty-na-vyborah-v-gruzii-priemlema-dlya-rossii/>

⁷ Россия готова продолжать нормализацию отношений с Грузией – Сергей Лавров // Regnum, 19.11.2014 <https://regnum.ru/news/polit/1867717.html>

⁸ Геворг Мирзаян. «Стеклопотолок» // Lenta.ru, 07.07.2015 <https://lenta.ru/articles/2015/06/07/gruzia/>

эффект: если России удастся наладить контакт в ситуации кризисных отношений, у других стран, имеющих политические конфликты с Россией, не будет больше аргумента о необходимости сдерживания России, которая ни с кем не может найти общий язык.¹ Вместе с тем, несмотря на потенциал нормализации, выводы делаются неутешительные: если отношения и улучшатся, то только в долгосрочной перспективе параллельно с урегулированием кризиса в отношениях России и Запада, потому что, пойдя на нормализацию отношений с Грузией, Россия уже не сможет придерживаться жесткой позиции по Украине.

ПРОГНОЗЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ДАЛЬНЕЙШЕЙ НОРМАЛИЗАЦИИ

В целом анализ текущего хода нормализации отношений позволяет сделать следующие прогнозы.

1) Восстановление дипломатических отношений не будет увязано с изменением статуса Южной Осетии и Абхазии, вероятно, стороны подпишут некий документ, в котором зафиксируют сохранение различных подходов к статус-кво.

2) Изначально признание независимости Южной Осетии и Абхазии было обусловлено необходимостью гарантировать их надежную безопасность от военного вторжения. Этим же обусловлено подписание с ними договоров в 2015 году. В этой связи, при появлении надежных правовых гарантий безопасности двух республик Москва может объявить, что в случае суверенного решения Южной Осетии и Абхазии о реинтеграции с Грузией, она признает это решение, так как это будет решение независимых государств о присоединении к другому государству. Фактически, таким образом повторится крымский сценарий (объявление независимости и присоединение к другому государству). Напомним, что Владимир Путин в 2015 году допустил сценарий реинтеграции: «Что касается территориальной целостности Грузии – это прежде всего дело грузинского народа, югоосетинского и абхазского. Надо с ними работать, мы примем любое решение».²

3) Вместе с тем, позиция России по статусу Южной Осетии и Абхазии все же ограничена позицией России по присоединению Крыма и в целом по украинскому кризису. Если Москва решит дать добро на реинтеграцию Южной Осетии и Абхазии с Грузией, при наличии политической воли последних, то это пошатнет позицию России по Крыму с точки зрения Запада, так как запад увидит, что Москва может отказаться от некоторых своих решений, которые до этого провозглашались как окончательные. В этой связи подвижки по статусу, видимо, невозможны до урегулирования конфликта вокруг Крыма, при этом речь идет не об урегулировании по линии Россия-Украина, а, скорее, по линии Россия-Запад. Либо же Россия проведет переговоры с Западом, увязав свои уступки по Южной Осетии и Абхазии с признанием Западом присоединения Крыма. Таким образом, это будет часть более широкой «рокировки».

4) Отказ России от визового режима не обязательно будет привязан к восстановлению дипломатических отношений. В целом за последние годы наблюдается тенденция к нормализации отношений по треку взаимодействия в экономической сфере и взаимодействия на уровне обществ, поэтому можно предсказать отмену визового режима в краткосрочной или среднесрочной перспективе. Отказ от визового режима будет, скорее всего, увязан российской стороной с определенными антитеррористическими мерами со стороны Грузии и с большим взаимодействием между двумя странами по антитеррористическому треку в целом.

5) Потенциальная смена власти в России после президентских выборов 2018 или 2024 годов не повлияет на позицию российских властей по Южной Осетии и Абхазии, так же как приход «Грузинской мечты» к власти в Грузии не привел к изменению грузинской позиции по этим двум республикам.

6) Потенциальное вступление Грузии в НАТО приведет к откату российской позиции к более жесткому тону и отложит потенциальное урегулирование вокруг статуса Южной Осетии и Абхазии на неопределенное время, если вообще не закроет возможность к диалогу по этому вопросу. Политический конфликт Россия-НАТО вряд ли будет урегулирован даже в долгосрочной перспективе до уровня, который позволил бы России нейтрально воспринять расширение этой организации на граничащие с ней государства.

7) Потенциальное вступление Грузии в Европейский союз не приведет к такой резкой реакции и в меньшей степени повлияет на готовность Москвы взаимодействовать по поводу Южной Осетии и Абхазии, чем вступление в НАТО. Однако же, у России может снизиться желание конструктивно сотрудничать в экономической сфере, будет утрачен безвизовый режим между Россией и Грузией, если к тому времени его удастся восстановить. Опять же, данный вопрос зависит от прогресса в отношениях России и ЕС: если будет урегулирован политический кризис, будут сняты санкции и российские контрсанкции, будет введен безвизовый режим между Россией и ЕС, тогда потенциальное вступление Грузии в ЕС не будет выступать раздражителем в двусторонних отношениях с Москвой.

¹ Там же.

² Большая пресс-конференция Владимира Путина, 17.12.2015 http://kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/50971

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

25 лет с социологической точки зрения – это одно поколение. С момента распада СССР профессиональную карьеру начали те, кто никогда не жил в Советском Союзе. В России политические элиты и академические сообщества состоят из тех, кто начинал карьеру еще в советское время, в Грузии в политических и академических сообществах тоже много представителей советского поколения, однако, после периода президентства Саакашвили, стало гораздо больше представителей молодого поколения. В каком-то смысле, это уникальная ситуация для постсоветского пространства, где большая часть элит все-таки помнят Советский Союз. В этом смысле важно проанализировать первые годы становления внешней политики как России, так и Грузии, когда многое делалось «от противного», чтобы отойти от советского прошлого, либо же, наоборот, неосознанно копировалось. Вместе с тем, уже выросло поколение молодежи, которая не жила даже в 1990-е годы со всеми сложностями переходного периода. Поэтому экскурс в недавнее прошлое так важен.

25 лет по меркам государствовоительства – очень малый срок, за который обществам обеих стран пришлось много раз приспособливаться и меняться, в Грузии эти изменения были более активны в связи со сменой власти от Гамсахурдиа к Шеварднадзе, от Саакашвили к «Грузинской мечте». Российские элиты выглядят на этом фоне более консервативно и стабильно, однако, не нужно забывать о политическом ландшафте в России в начале 1990-х годов, когда разные группы интересов и разные государственные институты отстаивали разные подходы во внешней политике России, что не способствовало укреплению регионального мира и безопасности.

Если взять жизнь человека, то активное самоопределение в профессиональной и личной сфере начинает происходить после 20 лет. Точно так же и наши страны начали определяться примерно в этом возрасте: Грузия совершила поворот в 2003 году, Россия – в 2006-2007 годах. При этом для обеих стран было важно мнение Запада для того, чтобы понять свои приоритеты и цели: после периода восхищения начала 1990-х годов для России Запад стал значимым Другим, Грузия же активно пытается стать частью Запада, выбрав на роль значимого Другого Россию.

Подобные проекты по анализу длинных периодов времени позволяют выявить более глубокие объяснения принятых внешнеполитических решений, причем важную роль играют и внутривнутриполитический, и международный контексты. Часто хочется приписать какое-то решение злему умыслу, хотя на самом деле оно обусловлено логикой внутривнутриполитических процессов, направленных на консолидацию общества и сохранение суверенитета.

ГРУЗИЯ И РОССИЯ:

ДВУХСТОРОННИЙ ВЗГЛЯД НА
ЧЕТВЕРТЬВЕКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

АВТОРЫ:

Реваз Коява – исследователь, Кавказский дом

Эдишер Бахатурия – исследователь, Кавказский дом

Юлия Никитина – к. полит. н., доцент кафедры мировых политических процессов,
научный сотрудник Центра постсоветских исследований МГИМО (У) МИД России

2017

www.caucasianhouse.ge
www.regional-dialogue.com
info@caucasianhouse.ge